

май 2011

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

<u>Добрые попутчики</u> О. ПИКАЛОВА	Чудо, сотворённое детскими руками2 стр. обл.
Н. ШОСТИНА	Международный форум «Звериный стиль» в коллекциях музеев 2
<u>Первомайская история</u> О. ЧЕРНОВ	Первомайская история 4
<u>Далекое – близкое</u> Н. ПОЗДНЯКОВА	Война, мясо и «амикаские» платья 6
<u>Портреты</u> А. ЯЛОВЕНКО А. РАШКОВСКИЙ	Исповедь «несостоявшего»9 Рахель — уроженка Вятки 16
<u>На страже Родины</u> Ю. ГОРБУНОВ	Робинзонада комиссара Круза 18
<u>Краеведческая копилка</u> Н. ГЕЛЕВЕРОВ В. ПРЫТКОВ	Автор «народной» песни26 «Сеттер в стойке»: Франция, Урал, Прибалтика 28
<u>Тропой поиска</u> В. ЛЕНДЕНЕВ	Георг Стеллер на острове Беринга 29
<u>Версия</u> В. ТРУСОВ	Новая находка птицеидолов 32
<u>Добрые попутчики</u>	Творческие мастерские на базе отдыха «Хрустальная» 33
<u>Клуб собирателей</u> В. ПОПОВ	Мал орденюк, да дорог 80

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

<u>Законы Вселенной</u> И. ТЁ А. ДАВЫДОВА А. ДАШУК	Аврора 34 На краю 37 Коммуналка 40
<u>Координаты чудес</u> А. СЫРЦОВА И. КУЧИШКИНА В. МОЛОТОВ	Дымом сгоревших листьев 46 Бар на кости 57 Мусорщик 59
<u>Повод для улыбки</u> С. БОРОДИН	Заговор теней 63

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

<u>Камни Урала</u> В. АВДОНИН	Богини минералогии — ваши имена достойно запечатлены в названиях минералов 65
<u>Путешествие по Уралу: Ямало-Ненецкий АО</u> В. ЛИПАТОВ	Быль и легенды о Василии Мангазейском 70
<u>Путешествие</u> В. МИЗИН	Роль камней сейдов в мифологическом освоении пространства 74

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант — В. Абоян.
Худ. редактор, верстка — Е.С. Горда.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректор — Л.В. Юсупова.
Рекламная служба — com@uralstalker.com
Интернет — Е. Марков.
Фото 1 полосы обложки — В. Мизин
Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет —
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 • Семен Спектор, заслуженный врач России,
 • Виктор Байдуков, свердловское отделение РГО
 • Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 • Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
 • Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Турганева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 – Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 – Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 – Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 – Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 – Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com», №5 подписан к печати 15.04.2011 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щербеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Международный форум
**Звериный
стиль**
в коллекциях музеев
Пермь 2011

ПЕРМСКИЙ
КРАЕВОЙ МУЗЕЙ

KAMWA

*Проект реализуется при поддержке Министерства культуры,
молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края*

Международный форум «Звериный стиль» в коллекциях музеев

Пермь, отель «УРАЛ» 7 – 12 июня 2011г.

Приглашаем принять участие в Форуме, посвященном древнему искусству металлопластики — ЗВЕРИНОМУ СТИЛЮ, историческому наследию народов Евразии, распространившемуся в период II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Проект носит просветительский характер и направлен на широкую зрительскую аудиторию. Во время Форума у вас будет уникальная возможность совершить виртуальные экскурсии и познакомиться с урало-сибирским, скифо-сарматским и пермским звериным стилем из фондов российских и зарубежных музеев.

Пермь сегодня — это крупный научный и культурный центр по изучению Пермского звериного стиля. На территории Пермского края обнаружено множество археологических находок, собраны коллекции культурных предметов. Самая крупная коллекция находится в фондах Пермского краевого музея и насчитывает более 400 предметов. Интерес к Пермскому звериному стилю, как к самобытному историческому и художественному явлению, растет с каждым годом. Организаторы проекта решили представить другие направления звериного стиля на основе знакомства с коллекциями крупнейших музеев России и зарубежья.

Координатор проекта

Шостина Наталия, shostina.n@gmail.com, 8 909 10 24 822

ПРОГРАММА ФОРУМА

7 – 12 июня

Выставка культовых предметов «Пермский звериный стиль» из фондов Пермского краевого музея и Краеведческого музея г.Чердынь.

Время работы выставки с 10.00 до 22.00.

7 июня

13.00 Открытие Форума. Представление участников и партнеров, пресс-конференция.

14.00 Публичная лекция **«Звериный стиль ранних кочевников Евразии в археологических коллекциях Эрмитажа».** Лектор – Королькова Елена Фёдоровна, зав. сектором Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург).

15.30 Публичная лекция **«Булгарский звериный стиль X–XIII в. в предметах декоративно-прикладного искусства Национального музея Республики Татарстан».** Лектор – Руденко Константин Александрович, доцент кафедры искусствоведения и дизайна Казанского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук (Казань, Республика Татарстан).

17.00 Публичная лекция **«Объекты Пермского звериного стиля в Национальном музее и его изучение в Финляндии».** Лектор – Уйно Пирьё Сувикки, главный куратор археологического отдела Музейного Ведомства Финляндии, адъюнкт-профессор, доктор наук (Хельсинки, Финляндия).

18.30 Публичная лекция **«Истоки сложных образов пермского звериного стиля».** Лектор – Мельничук Андрей Федорович, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета (Пермь).

8 июня

14.00 Публичная лекция **«Прикамские древности в собрании Государственного Эрмитажа».** Лектор – Шаблавина Екатерина Арнольдовна, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири, соавтор Елена Ивановна Оятева, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, хранитель коллекций пермского звериного стиля (Санкт-Петербург).

15.30 Публичная лекция **«Культовая металлопластика в археологическом собрании Свердловского краеведческого музея».** Лектор – Панина Светлана Николаевна, зав. отделом Древней истории народов Урала Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург).

17.00 Публичная лекция **«Предметы зооморфного литья в собраниях музеев Республики Коми. Обзор коллекций».** Лектор – Туркина Татьяна Юрьевна, старший научный сотрудник Национального музея Республики КОМИ (Сыктывкар, Республика Коми).

18.30 Публичная лекция **«Бронзовая художественная пластика Западной Сибири: железный век».** Лектор – Федорова Наталья Викторовна, зам. директора по науке Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса, кандидат исторических наук (Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ).

9 июня

10.00 Круглый стол **«Пермский звериный стиль в художественном и научном осмыслении».**

14.00 Туристический проект **«Пермский звериный стиль на карте Пермского края».** Поездка в город Чердынь. Экскурсовод – Степанова Наталья Павловна (Пермь).

Возвращение в Пермь 10 июня в 21.00

Олег ЧЕРНОВ

Фото предоставлено автором

Первомайская история

обязанностей в город Свердловск (ныне Екатеринбург).

Имея огромный опыт воинской службы в различных регионах не только нашей страны, но и за ее пределами, Георгий Константинович стал активно вживаться в реальную действительность нашего края. Но для тружеников Урала он пока был хотя и широко известной, но реально не осязаемой легендой. Всем военнослужащим нашего округа, да и каждому уральцу хотелось лично увидеть нового командующего на традиционном майском параде.

И вот утром 1-го мая все армейские подразделения столицы Среднего Урала под знаменами, с оркестрами и боевой техникой выстроились по периметру главной городской площади. За стройными рядами войскового «каре», охватывающего центральный микрорайон, расположились колонны трудящихся предприятий, организаций, студенты учебных заведений. Кумач знамен, плакатов и транспарантов, куплеты популярных песен и частушек, сливаясь со звуками аккордеонов, баянов и гармошек, создавали радостный праздничный настрой.

Поскольку в те далекие годы на здании городской администрации ни башни со звездой, ни больших курантов еще не было, то армейские связисты в 10 утра местного времени включили радиоимитацию боя кремлевских курантов на Спасской башне. Под эти звуки войска замерли по стойке «смирно». Следуя их примеру, притихли и колонны ликующих демонстрантов. С последним ударом курантов на главную городскую площадь на пританцовывающем вороном скакуне выехал маршал Жуков в парадном мундире цвета морской волны с золотым шитьем, на брюках адели широкие гене-

В декабре исполняется 114 лет со дня рождения великого полководца земли русской маршала Георгия Константиновича Жукова.

В феврале 1948 года распоряжением Верховного главнокоман-

дующего вооруженных сил СССР Иосифа Сталина маршал Советского Союза Г.К. Жуков был назначен на должность командующего Уральским военным округом и при- был для исполнения служебных

ральские лампасы. Как и полагается по воинскому этикету, на левом боку у него сверкала парадная сабля в ножнах с золоченым эфесом. Георгий Константинович сидел в седле «как влитой». Во всей его осанке и фигуре чувствовалась стать профессионального кавалериста. Его мундир просто излучал сияние орденов и медалей, а их было более тридцати. На расшитом золотом стоячем воротнике ярко-красным рубином горела маршальская звезда. Чуть ниже левого погона, увенчанного гербом СССР, золотыми полированными гранями переливались три звезды Героя Советского Союза. Ниже их теснились высшие награды нашей Родины. Адьютанты командующего той поры утверждали, что мундир маршала Жукова со всеми наградами весил 16 килограммов.

Ему навстречу от городской плотинки тоже верхом на коне выехал генерал, командовавший парадом. Сблизившись с маршалом в районе трибуны, он отсалютовал Георгию Константиновичу обнаженной шашкой и доложил о готовности войск к торжественному прохождению. После рапорта они вместе объехали все войска и поздравили их с праздником. Воины бодро отвечали на приветствие и завершали его троекратным русским «Ура!». Располагавшиеся за ними многотысячные колонны демонстрантов устроили Жукову такую овацию, какой городская площадь, наверное, не слышала за все время ее существования. Эмоции наших земляков можно было понять — они впервые в жизни своими глазами увидели живую легенду Отечественной войны, «маршала Победы», поставившего на колени фашистских главарей в их логове — поверженном Берлине.

Закончив объезд войск, Георгий Константинович направил коня в центр площади, где разместились руководители области, гости и сводный оркестр военных музыкантов. Маршал уже приближался к трибуне, с которой должен был произнести речь, как вдруг на его пути, словно из-под земли, появился фотокорреспондент областной газеты Игорь Пашкевич и, щелкая аппаратурой, стал выбирать наиболее удобную позицию для съемки. Жеребец командующего, испугавшись этих манипуляций, встал на дыбы. Его задние ноги поскользнулись на трамвайных рельсах, и конь повалился на бок. Буквально в мгновение ока Георгий Константинович спрыгнул на землю и поднялся на трибуну. Его адъютанты помогли коню встать и отвели в сторону. Все присутствовавшие на площади,

наблюдая это непредвиденное происшествие, вначале испугались, а потом были просто восхищены ловкостью и хладнокровием маршала, с блеском вышедшего из соз-

давшейся ситуации. А дальше все шло по намеченному плану.

Как было заведено в те давние времена, платные партийные горлопаны через усилители провозглашали здравицы только Сталину и его партии. Но в ответ из проходивших мимо колонн звучало одно слово «Жу-ков! Жу-ков!». Подобное волеизъявление тружеников Урала пришлось не по вкусу партийным боссам. И не только у нас, но и в центре. Из Москвы последовало строгое указание: «Предельно сократить информацию о новом командующем во всех средствах массовой информации». Со слов уральских корреспондентов мне известно, что фотопленки той поры, отражавшие служебную деятельность и жизнь опального маршала, как правило, оказывались засвеченными или таинственно исчезали. И по эпизоду с падением коня командующего на первомайском параде спецслужбы тоже постарались, но, кажется, сверх меры. Причастного к этому случаю фотокорреспондента Игоря Пашкевича чекисты задержали прямо на площади и стали обвинять в умышленном создании критической обстановки, явно намекая на террористический акт. Будто бы он преднамеренно занял на площади такую позицию для фотосъемки, когда солнечный луч, отразившийся от линзы его фотоаппарата, ударил в глаза жеребца маршала, и по этой причине испугавшийся конь встал на дыбы. Бедному фотокору всю ночь пришлось доказывать, что такую ситуацию создать искусственно практически невозможно, а происшедший эксцесс — это нелепое стечение непредвиденных обстоятельств.

В момент происшествия с конем в непосредственной близости от маршала вел фотосъемку художник областной комсомольской газеты «На смену!» Петр Евладов, который позднее поделился со мной следующими впечатлениями: «Когда жеребец с Жуковым встал на дыбы, в моем сознании возник аллегорический образ православного святого «Георгия Победоносца». Поскольку этот эпизод надолго запал Евладову в душу, мы с ним вдвоем запечатлели его в следующем стихотворении:

*Берлин в прицеле,
На коленях он.
Весь в чешуе руин Дракон маячит.
И в пасть ему копьём,
Как с вековых икон,
На гордом рысаке
Святой Георгий скачет.
Победоносец над Драконом днесь
Занес для справедливой кары руку.
Мы все с Победой обвенчались здесь.
Нас вел в Берлин народный маршал Жуков!*

Олег Владимирович Чернов — полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, бывший «сын полка». До выхода на пенсию — начальник уголовного розыска Свердловского УВД. Автор книги воспоминаний «Исповедь сыщика» (Екат., 2010).

Наталья ПОЗДНЯКОВА
Иллюстрации предоставлены автором

Война, мясо и «амикаские» платья

Вид Н.Тагильского металлургического завода в 1940-х годах

Перед войной моя мама, тогда совсем молодая женщина, работала государственным инспектором по качеству мясных товаров в Нижнем Тагиле. Весной 1941 года из Москвы поступил строгий приказ: в сжатые сроки надлежало отправить в Германию очень большое количество мяса. Это было одним из условий мирного договора с Германией. Чтобы выполнить распоряжение центра, был забит весь имеющийся скот и полностью опустошено все, что хранилось в огромном холодильнике, в том числе и стратегический государственный запас. Мама не спала несколько ночей, проверяя упитанность отправляемых туш. За ходом работ по выполнению задания Москвы строго следили работники НКВД.

Битком набитые товарные вагоны отправили в сторону границы. Когда эшелон с провизией пересек границу СССР, войска Гитлера вторглись на нашу территорию, и началась Великая Отечественная война. Нижний Тагил, как и многие другие города, остался без продовольствия. Коварство гитлеровской Германии,

вероломно нарушившей пакт о ненападении, заключалось не только в самом нападении, но и в том, что предварительно из нашей страны были выкачаны все продовольственные ресурсы, что впоследствии привело к голоду населения в тылу.

Вскоре из прифронтовой полосы в Нижний Тагил стали поступать вагоны, наполненные тушами животных прямо в шкафы. Проверка показала, что это мясо совершенно несъедобно и даже ядовито. Несмотря на пустые хранилища и начинающийся голод, все туши пришлось пустить на технические нужды.

Особенно голодали в городе рабочие Выйского механического завода (ВМЗ). В середине войны прямо на улице по дороге на завод можно было видеть трупы людей, умерших от голода. Особенно высокая смертность была среди выходцев из Средней Азии, которые работали на предприятиях города как бойцы трудовой армии. Часто в халатах у покойников-азиатов находили довольно крупные суммы денег. Объяснялось это не столько любовью этих людей к деньгам в ущерб собствен-

ной жизни, сколько стремлением скопить средства, чтобы послать их своим огромным семьям, оставшимся без кормильцев.

Совсем другая картина была на Высокогорском железном руднике (ВЖР). Отделом рабочего снабжения на этом знаменитом предприятии Нижнего Тагила руководил в военные годы энергичный человек с выдающимися организаторскими способностями Николай Фаддеевич Сандригайло. Впоследствии он стал первым директором Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината, Героем Социалистического труда и депутатом Верховного совета. А в войну он, тогда молодой инженер, так организовал питание горняков, что во время самых страшных лет никто из них не голодал. В окрестностях города под его руководством были организованы подсобные хозяйства, где выращивали картофель, овощи и разводили скот. Он сам ездил на Северный Урал и договаривался о поставках крупных партий рыбы. При этом он строго следил за распределением продовольствия, чтобы исключить случаи воровства.

Перед войной в Тагиле гастролировал цирк, где коронным номером были соревнования борцов. Когда началась война, эти борцы не смогли уехать и застряли в Нижнем Тагиле надолго. Страдая от голода, они пришли в колбасный цех мясокомбината. Там им удалось устроиться грузчиками и подсобными рабочими, благо, физической силы этим артистам было не занимать. Так и пережили они лихую годину.

Маму часто вызывали на работу по ночам, а утром все равно нужно было быть на службе. Скидки на уста-

Наталья Владимировна Позднякова — член Уральского генеалогического общества и Общества уральских краеведов. Давний автор «Уральского следопыта». Ее очерк «Радола Гайда — герой Белого движения?» (2009, №11) признан лучшей публикацией года.

лость и недосып никто не делал. Ни выходных, ни отпусков во время войны не было. Мама отвечала за качество товара, но неожиданно поступил строгий приказ о том, что она должна была отвечать и за количество. Это было намного сложнее. Когда приходил поезд с мясом, ей нужно было пересчитать и перевесить все поступившие туши, причем эти данные должны были совпасть с теми, что были получены после перевозки продуктов на склад. Несовпадение цифр означало хищение, которое в условиях военного времени жестоко каралось, вплоть до высшей меры. За этим очень строго следили работники НКВД, которые ходили за мамой буквально по пятам.

А случаев хищения было много. Однажды по дороге на склад с машины сбросили несколько туш, в другой раз большое количество мяса вынесли через заблаговременно выломанную дыру в заборе. Но каждый раз маме удавалось вовремя пресечь хищение, иначе ей грозила бы тюрьма. По возможности она сама разбиралась с ворами, которыми чаще всего были не посторонние грабители, а знакомые ей работники транспорта, склада или холодильника.

Одни расхитители каялись, били себя в грудь и слезно просили не сдавать их в правоохранительные органы, другие предлагали маме часть ворованного взять себе и подделать документы. Маме нужно было проявить большую твердость и мужество, чтобы в таких сложных условиях остаться честной и выполнить свои должностные обязанности. Если она видела, что человек украл не от жадности и искренне кается, она не сообщала о нем в «органы». Мама не раз вспоминала случай, когда повесился кладовщик, у которого кто-то опустошил склад. Если бы он это не сделал, его все равно бы расстреляли после долгих допросов и унижений.

В 1942 году на фронт мобилизовали мужчин, которые работали на мясокомбинате забойщиками скота. Маму вместе с несколькими другими молодыми женщинами вызвали к начальству и обязали каждую забить определенное количество животных. Как мама ни отказывалась, приказ в условиях войны нужно было выполнить. Преодолевая страх и жалость, маме пришлось взять в руки нож и несколько дней заниматься этим ужасным делом. Стресс и расшатанные нервы никого не волновали.

Летом 1943 года маму отправили в командировку в Чебаркульские военные лагеря. Ей поручили выявить причину массового отравления мясными консервами, которое там началось. На маленьком полустанке ее встретили трое военных верхом на конях и предложили

добраться до места, подведя к ней оседланную лошадь. Она никогда не ездила верхом, но выбора не было. Путь был неблизкий и пролегал через обширные болота. Вскоре начался затяжной дождь. Через час невероятной тряски маме стало плохо. Она была на четвертом месяце беременности, и ей казалось, что у нее оборвались все внутренности.

Когда добрались до складов, расположенных в глухом лесу, мама, несмотря на полубоморочное состояние, быстро определила причину отравлений — некоторые консервы были просрочены, и полуда (слой олова) банки перешла в содержимое. Ядовитые банки можно было легко отличить по шифру на крышке. Мама научила этому кладовщика, и вы-

званные солдаты занялись сортировкой огромных штабелей консервов. Эта командировка изрядно подорвала мамино здоровье, но лечиться пришлось только после войны.

В больнице, где я родилась в декабре 1943 года, паровое отопление работало плохо. Зима выдалась лютая, и температура в палатах была близкой к нулю. Все роженицы были

прозрачными от худобы, а дети почти все рождались дистрофиками. Санитарки носили младенцев на руках, укладывая их друг на друга штабелем. Однажды мама увидела, как санитарка нечаянно уронила ребенка, и тот вскоре умер. Мама поняла, что еще немного, и она в таких условиях может погибнуть вместе с младенцем. Когда папа пришел навестить ее, мама со слезами умоляла забрать ее и дочь домой, несмотря на непроходящую высокую температуру и возражение врачей. Папа принес одежду и теплое одеяло, и она вместе с новорожденной тайно выбралась через окно первого этажа.

Дома было не многим теплее. Папа раздобыл где-то самодельный обогреватель, хотя пользоваться ими категорически запрещали. Обогреватель тайно включали, каждый раз опасаясь визита работников ЖЭКа. Мама соорудила шалаш из одеял и матрацев, там и держали ребенка в холодное время.

Первые «слова», которые я начала лепетать, были: «бои-бои-бои». «Да, доченька, бои, тяжелые бои, война идет», — горестно вздыхала мама. К тому времени пропал без вести папин племянник Юра Титов, которому было всего 17 лет, и погиб мамин брат Василий. От другого ее брата Аркадия и зятя Геннадия Тимофеева уже давно не было вестей. В дальнейшем Аркадий так и не вернулся, сгинув в Сталинградской мясорубке. Зато Геннадий, единственный из всей родни, живой, здоровый и красивый, вернулся с войны, увешанный орденами.

Проводы на фронт Геннадия Тимофеева, Н. Тагил. 1942 год

Нижний Тагил. Бараки

Декретный отпуск в те годы давался только на 20 дней, а уволиться было нельзя. К тому же на иждивенческие карточки выдавали совсем мало хлеба. Вместо мяса на такие карточки получали яичный порошок, а вместо сахара — карамель. Маме же, как государственному инспектору, выдавали полноценно отовариваемые карточки. Папа, как горняк, тоже получал хорошие рабочие карточки. Благодаря этому, наша семья в войну не голодала, хотя таких продуктов, как масло, мясо, сахар, молоко, все равно не хватало. Иногда мама, скопив немного продуктов, ездила в Свердловск и подкармливала сестру и племянницу Зою, которые начинали уже пухнуть с голода.

Весной родители сажали картофель для всей родни на большом участке, который был выделен папе от Лебязинского рудника, где он работал на открытых разработках. Однажды, проработав весь день, мама пошла окучивать картошку. Участок был далеко, в сторону Евстюнихи. Добраться туда можно было только пешком. Вернувшись, она прямо под дверью квартиры свалилась от усталости и уснула, очень испугав домочадцев.

Во время войны в Нижнем Тагиле гремела слава проходчиков Степана Еременко и Ивана Завертайло. Насколько я помню из рассказов мамы, до войны они работали на шахтах Кривого Рога и на Урал были эвакуированы осенью 1941 года перед оккупацией Украины. Оба стахановца были тогда совсем молодыми и ухаживали за одной и той же «гарной дивчиной». Она выбрала Ивана Завертайло, который был похож на сказочного

богатыря. Еременко и Завертайло работали на Высокогорском руднике и выполняли за смену несколько норм. При помощи метода многозабойного бурения нередко норма была перекрыта ими на сотни и даже тысячи процентов. За такую героическую работу и тот, и другой были удостоены в годы войны высоких правительственных наград. Например, Степан Еременко в 1944 году получил Сталинскую премию III степени.

Степана Еременко я помню смутно. Он был среднего роста, худощавым, жилистым. После войны женился на девушке-тагильчанке, только что окончившей школу. Они жили в знаменитой «сорокашке», где проживала и наша семья. Помню я и их маленького сына.

Ближе к концу войны в город стали поступать американские товары: консервы, яичный порошок, сахар, жиры, одежда. Товары эти Америка посылала в СССР по так называемому ленд-лизу — государственной программе США помощи союзникам. Мама считала, что если бы не эти поставки, вряд ли удалось выжить в тылу. Товары эти поступали на склады предприятий и оттуда распределялись в соответствии с заслугами работника и благоволением начальства. Я смутно помню яркие консервные банки, открывающиеся маленькими ключиками. Внутри были розовые куски колбасы странного вкуса. А два американских платья, которые получили для меня родители, я запомнила хорошо. Я называла их «американскими». Одно было коричневым из мягкой теплой ткани с длинными рукавами, с поясом и витиеватой вышивкой на плечах. Я его носила до шести лет, а когда из него выросла, платье отдали соседской девочке. Другое платье было розовым с рукавчиками фонариком и вышитыми голубыми цветами на кокетке. Его я заносила до дыр.

Примерно в 1944 году на работу в холодильник стали приводить под конвоем пленных немцев. Вскоре стали замечать, что хотя количество туш в камерах не изменилось, однако их вес заметно уменьшился. Долго не могли понять, в чем дело. На выходе всех пленных обыскивали, но никакого мяса у них не находили, пока кто-то не догадался проверить хлеб, который им разрешали брать с собой. Оказалось, что внутренность буханки аккуратно вырезалась и заполнялась мясом, которое немцы столь же аккуратно срезали с туш тонкими полосками. Внешне почти ничего не было заметно. Все очень возмущались таким наглым воровством, потому что пленных кормили и содержали гораздо лучше, чем своих рабочих, не говоря уж о бойцах трудовой армии и заключенных ГУЛАГа, лагеря которого со всех сторон обступали Нижний Тагил. Но молодым здоровым мужчинам, несмотря на сносное по местным меркам питание, все равно не хватало калорий.

Когда наступил день Победы, радости людей не было предела. День был холодный и пасмурный, но маме казалось, что солнце ярко сияет, освещая всеобщее ликование. Незнакомые люди целовали друг друга на улицах, поздравляли, плакали и смеялись. Многим казалось, что после войны начнется счастливая жизнь. Увы, ценой слишком многих невосполнимых потерь досталась эта Победа, а счастливая жизнь так и осталась для многих мечтой.

Процесс по делу меньшевиков — членов Объединенного Бюро Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Якубович, один из обвиняемых. Москва, Дом Союзов. Март 1931. Фото Аркадия Шайхета.

С 1931 по 1939 год в Верхнеуральском политизоляторе Челябинской области отбывал свой первый 10-летний срок Михаил Петрович Якубович. Уж не на роду ли их была написана каторга и тюрьма? Прадед Михаила, декабрист А. И. Якубович был приговорен к повешению, замененному царем каторгой. Дядя, поэт-народоволец П. Ф. Якубович-Мельшин, в пору другого царя Александра III, тоже был обречен казни, замененной, однако, 18-ю годами каторги. Теперь настала очередь их правнука и племянника.

Михаил с юношеских лет участвовал в революционном движении. Впервые его арестовали гимназистом 6 класса. Вначале большевик, а когда началась мировая война, разошелся с большевиками в вопросе о войне и примкнул к меньшевистской фракции РСДРП.

Алексей Федорович Яловенко — ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. Недавно в Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.). Предлагаемые очерки написаны автором по материалам архива.

Алексей ЯЛОВЕНКО
Иллюстрации предоставлены автором

Исповедь «НЕСОСТОЯВШЕГО»

Якубович активно участвует в революции 1917 года, избирается первым председателем Смоленского Совета рабочих и солдатских депутатов, кооптируется в состав Петроградского Совета в качестве представителя Западного фронта, избирается членом ВЦИК первого созыва и членом бюро ВЦИК. Во время Корниловского мятежа, будучи комиссаром Временного правительства при 1 армии, именно он арестовал генерала Деникина.

После Октябрьской революции М. П. Якубович, занимая видное положение в РСДРП (м), пытается привлечь партию меньшевиков к активному сотрудничеству с большевиками и с Советской властью. Сам он в это время работает продовольственным комиссаром Смоленской губернии (единственный в Советской России губернский продкомиссар — меньшевик). Когда попытка сближения с большевиками провалилась, он в 1920-м выходит из партии и работает на руководящих должностях в центральных советских учреждениях: управляющим Комиссии по государственным фондам Совета труда и обороны, начальником управления промтоваров Наркомторга СССР и т. д. Был известен как автор ряда трудов и статей по экономической политике и социалистическому строительству.

В 1930 году был арестован, а в 1931-м осужден на известном процессе «Союзного бюро меньшевиков». Содержался в политизоляторе на окраине города Верхнеуральска Челябинской области. Там же в 1936-м пребывали Зиновьев и Каменев. В 1939-м его перевели в Орловскую тюрьму, а затем в Унжлаг (ныне Костромская обл.). Вскоре после окончания срока он работал в Унжлаге вольнонаемным, снова был арестован и по заочному решению Особого совещания (ОСО) получил новый десятилетний срок. В 1950-м переведен в Спасск под Карагандой (Песчлаг). Этап из северных лагерей в карагандинские впоследствии он описал в неопубликованной повести «Красная роза».

Проведя почти четверть века в заключении, Михаил Якубович был освобожден лишь через два года после окончания второго срока и направлен в Тихоновский инвалидный дом в Караганде, где до 1955 года пребывал на положении ссыльного.

В инвалидном доме он занялся литературной работой. Кроме упомянутой повести «Красная роза», им написаны: «Смерть Бориса Годунова», историко-литературная работа, в которой он обосновывает непричастность Годунова к смерти царевича Дмитрия; «Христианство и индуизм», этико-философское исследование, доказывающее нравственное превосходство индуизма; «Что есть время», философский анализ понятия времени в теории относительности Эйнштейна; «Отношение к смерти у Л. Толстого и Дж. Голсуорси»; «Письма неизвестному» — серия политических характеристик, написанных с позиций ленинизма и в значительной мере основанных на личных воспоминаниях и малоизвестных фактах; три работы этой серии — о Сталине, Каменеве и Троцком — были окончены в 1966–67 гг., четвертая — о Зиновьеве — осталась незавершенной.

24 апреля 1968 года у Якубовича произвели обыск, изъяли все рукописи и письма. Плоды многолетнего труда так и остались в КГБ, «приобщенными к уголовному делу».

В 1956-м по второму делу он был реабилитирован. В 1961-м направил XXII съезду КПСС заявление о пересмотре процесса «Союзного бюро». Прокуратура СССР ответила, что вина Якубовича и других осужденных доказана предварительным и судебным следствием, а также признаниями самих обвиняемых. Вскоре после этого Е. Д. Стасова обращалась с такой же просьбой к Н. С. Хрущеву, но не получила никакого ответа.

В 1966 году М. П. Якубовичу была назначена персональная пенсия. Его вызвали из Караганды в Москву, в Прокуратуру СССР. В форме беседы, без протокола — допросили об обстоятельствах процесса «Союзного бюро», а затем предложили изложить все рассказанное письменно. В своем объяснении, адресованном Генеральному прокурору, М. П. Якубович, единственный оставшийся в живых участник одного из открытых политических процессов 30-х годов, подробно рассказал, как был инсценирован этот процесс.

«Генеральному прокурору СССР»

В связи с проверкой, производящейся Прокуратурой СССР по делу, по которому я был осужден в 1931 г., я представляю следующие объяснения.

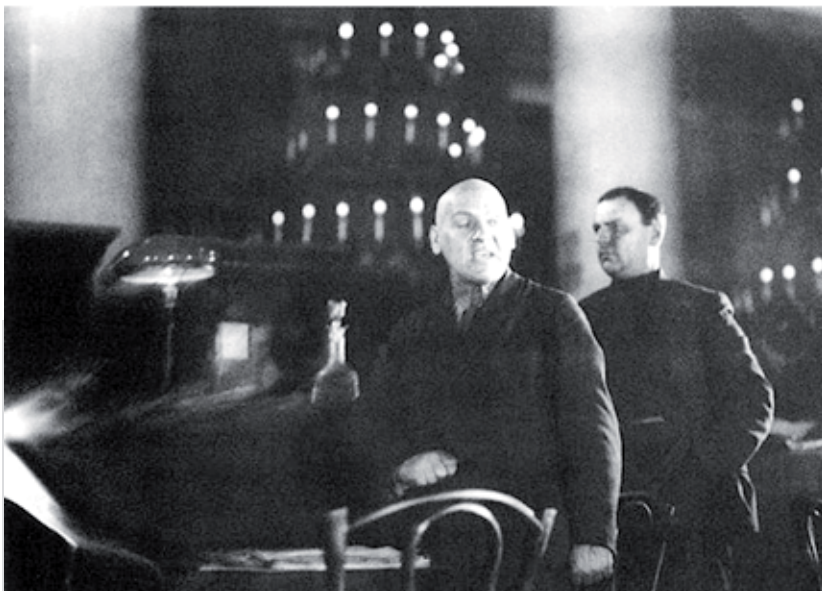
Никакого «Союзного бюро меньшевиков» в действительности никогда не существовало. Осужденные по этому делу не все знали друг друга и не все принадлежали когда-либо в прошлом к меньшевистской партии. Так, А. Ю. Финн-Енотаевский — в прошлом один из организаторов Московского Рабочего Союза в 1895 г. — со времени II съезда РСДРП в 1903 г. принадлежал к большевикам и, хотя отошел от партийной организации во время империалистической войны

1914–1917 гг., никогда никакой связи с меньшевиками не имел. А. Л. Соколовский в прошлом принадлежал к сионистам-социалистам, к так называемым «эзсовцам», но никогда не был меньшевиком. Большинство обвиняемых в той или иной степени имели, однако, в прошлом связь с меньшевистской партией. Некоторые — весьма слабую и случайную (напр. Н. Г. Петунины, Б. М. Берлацкий), другие принадлежали к ее основным и даже руководящим кадрам (И. И. Рубин, И. Г. Волков, А. М. Гинзбург, В. В. Шер, Якубович). Но и те, и другие уже давно порвали с меньшевиками при разных обстоятельствах и по разным мотивам. Единственный участник процесса, действительно сохранивший связь с меньшевистским партийным центром за границей (как я узнал от него впоследствии в Верхнеуральском политизоляторе) и даже являвшийся председателем или секретарем меньшевистского «Московского Бюро» — В. К. Иков, — ни одним словом не обмолвился перед следствием и на суде о своих действительных партийных связях и о своей действительной партийной деятельности, и даже само существование «Московского Бюро» осталось невскрытым на суде и на следствии. Между прочим, В. К. Иков был единственным из осужденных по делу «Союзного Бюро», который, по отбытии назначенного ему судом 8-летнего срока заключения в 1939 году, возвратился на жительство в Москву и оставался здесь до 1951 г., когда был вновь арестован по другому делу.

Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой степени вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию Икова

Процесс по делу меньшевиков. Фото Аркадия Шайхета.

Государственный обвинитель Крыленко. Москва, Дом Союзов. Март 1931.
Фото Аркадия Шайхета.

или кого-либо из других обвиняемых. У них была готовая схема «вредительской» организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух уже ранее намеченных вредительских процессов — Промпартии и Трудовой Крестьянской Партии — Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе «Союзного Бюро». Им необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политиковредительской организации — социал-демократической. Так мне объяснил (между прочим, посаженный ко мне на несколько дней в камеру — очевидно, для разъяснения следственной ситуации) — один из крупнейших участников ТИП профессор Л. Н. Юровский, признавший себя «министром финансов» в «теневом кабинете» Н. Д. Кондратьева.

Идея Кондратьева была с готовностью подхвачена его личным приятелем В. Г. Громаном, которого

сотрудники ОГПУ, явившиеся арестовать Кондратьева, застали у него на квартире, что и явилось первоначальным поводом для возбуждения следствия против Громана. Громану было обещано следствием, что в случае содействия с его стороны в организации процесса вредителей-меньшевиков ему будет гарантировано возвращение к работе с последующей полной амнистией. Впоследствии, когда осужденные по процессу «Союзного Бюро» были доставлены в Верхнеуральский политизолятор, Громан в помещении «вокзала» с отчаянием и негодованием восклицал: «Обманули! Обманули!» Готовность Громана взять на себя организацию процесса была подкреплена его алкоголизмом. Следователи подпавали его и получали все желательные для них показания. Уже во время процесса, в ожидании отправки после судебного заседания во внутреннюю тюрьму ОГПУ, когда меня возили в одной легковой машине вместе с Громаном, я был свидетелем такого разговора с ним [одного] из следователей: «Ну как, Владимир Густавович, сейчас подкрепимся коньячком?!» — «Хи-хи-хи, — посмеивался Громан, — уж как всегда!» Деятельным помощником в создании вредительской версии явился К. Г. Петунин — человек малоинтеллигентный, примкнувший

к меньшевистской партии после февральской революции и вскоре после Октябрьской победы большевиков покинувший ее. По его рассказам в Верхнеуральске, он «скалькулировал», что наиболее выгодным в создавшихся для него после ареста условиях является действительное содействие следствию в конструировании вредительского процесса, за что он получил от ОГПУ соответствующее вознаграждение в виде возвращения на свободу и предоставления работы... В противном случае он может попасть на длительный срок в заключение и даже погибнуть. Петунину принадлежала мысль составить «Союзное Бюро» по принципу ведомственного представительства — из числа руководящих работников соответствующих аппаратов, о которых он слышал, что они бывшие меньшевики. Не зная, однако, в точности политического прошлого названных лиц, он допустил такую неточность, как включение в составленный им список «эсэсовца» Соколовского. Следовательно были мало озабочены подобной «неточностью» — им надо было получить «признание» намеченных жертв, а были ли они в действительности меньшевиками, им было безразлично.

Тогда началось извлечение признаний. Некоторые, подобно Громану и Петунину, поддались на обещания будущих благ, так же быстро поддался Б. М. Берлацкий, который впоследствии в тюрьме сошел с ума. Других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» методами физического воздействия — избивали (били по лицу, по голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, душили за горло и т. п.), держали без сна на конвейере, сажали в карцер (полуодетыми и босиком на морозе или в нестерпимо жаркий [карцер] без окон). Для некоторых было достаточно одной угрозы подобных воздействий, с соответствующей их демонстрацией. Для других они применялись в разной степени — строго индивидуально, в зависимости от сопротивляемости. Больше всего упорствовали А. М. Гинзбург и я.

Мы ничего не знали друг о друге и сидели в разных тюрьмах: я в северной башне Бутырской тюрьмы, Гинзбург — во внутренней тюрьме ОГПУ. Но мы пришли к одинаковому выводу: мы не в силах выдержать применяемого воздействия и нам лучше умереть. Мы вскрыли себе вены. Но нам не удалось умереть. После покушения на самоубийство меня уже больше не били, но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все равно — какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и на других — лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания. Меня еще удерживала мысль, что я один впал в такое малодушие, и мне было стыдно за свою слабость. Но мне дали очную ставку с моим старым товарищем В. В. Шером, которого я знал как человека, пришедшего в рабочее революционное движение задолго до победы революции из богатой семьи, то есть как человека, безусловно, идейного. Когда я услышал из уст Шера, что он признал себя участником вредительской меньшевистской организации и назвал меня как одного из ее членов, — я тут же на очной ставке окончательно сдался. Дальше я уже нисколько не сопротивлялся и писал любые показания, какие мне подсказывали следователи — Д. З. Апресян, А. А. Наседкин, Д. М. Дмитриев. В ходе следствия часть обвиняемых, в том числе и меня, вывозили для усиления средств физического воздействия в Суздаль, где содержали в старой монастырской тюрьме, предназначенной в царское время для заключения так называемых еретиков. Там, в ответ на требование написать какое-то неправдоподобное признание, я сказал следователю Наседкину: «Поймите, ведь этого никогда не было и быть не могло». Наседкин, человек очень нервный и лично в истязаниях участия не принимавший, ответил мне: «Я знаю, но Москва требует».

Было ли какое-нибудь вредительство в Наркомторге? В планировании использования товаров, в чем меня и Л. Б. Залкинда обвиняли? Не только не было, но и быть не могло. Ведь планы завоза промышленных товаров рассматривались с подробными обоснованиями на заседаниях коллегии Наркомторга. В заседаниях коллегии принимали участие ответственные и опытные партийные работники и эксперты от разных ведомств — ВСНХ, Наркомфина, крупнейших хозяйственных объединений, например, Текстильного Синдиката. Председательствовал на Коллегии А. И. Микоян, который критически, даже придирчиво просматривал каждую цифру, прежде чем согласиться на ее утверждение. О каком вредительстве в такой обстановке могла бы идти речь? Разве все, кроме меня, были слепцы? Да, я пользовался доверием Коллегии, Наркома и всех ответственных работников, меня знавших (включая Ф. Э. Дзержинского, с которым я непосредственно работал в комиссии СТО (Совет Труда и Оборона) по государственным фондам, где он был председатель, а я при нем управляющим делами). Но это доверие было завое-

вано обоснованностью и убедительностью докладов, которые я делал, а также многими годами работы в советском государственном аппарате, начиная с его первоначальной организации, наконец, «советской политической линией», которую я проводил сперва в рядах меньшевистской партии, а затем, порвав с ней в 1920 г., когда убедился, что не смогу повернуть ее на советский путь.

В следственном деле есть показания, написанные моей рукой, в которых перечисляются вредительские акты с указанием номеров, «исходящих» из Наркомторга. Но ведь в тюрьме я ни одного документа не видел и их мне никто не показывал. Эти номера взяты «с потолка» и рассчитаны на то, что их никто не будет проверять. Но был один факт прямого нарушения мною правительственного постановления о бронировании товарных континентов для Магнитостроя и Кузнецкстроя. И этот факт усиленно использовался следствием как центральный обвинительный материал против меня и доказательство раскрытого вредительства. Но как я совершил это нарушение? Народный комиссар торговли А. И. Микоян вызвал меня и передал устное распоряжение И. В. Сталина снять эти товарные континенты с Магнитостроя и Кузнецкстроя и, вопреки постановлению СТО, передать их Москве. Я колебался. Но А. И. Микоян сказал: «Что? Вы не знаете, кто такой Сталин?». Нет, я знал. И, конечно, выполнил его

Страница из журнала «Огонек», посвященная процессу меньшевиков

распоряжение. А через несколько дней в «Правде» появилась заметка о том, что Якубович не выполняет постановлений правительства и самовольно дает товарным фондам, предназначенным для Магнитостроя, другое направление. Я принес эту заметку т. Микояну. Он обещал поговорить со Сталиным. Не знаю, говорил ли. Когда меня спустя немного времени арестовали, то следователи обвинили меня во вредительстве, разоблаченном «Правдой». Я предлагал спросить Микояна, спросить Сталина. Но следователи надо мною хохотали. Вот в этом «вредительстве» я тоже «сознался».

Когда «Союзное Бюро» уже было «сформировано» на междуведомственной основе, его пополняли по указанию следователей дополнительными членами. В их числе, между прочим, оказался и В.К. Иков. Неожиданно для основных участников. Как происходило это пополнение, можно судить по примеру М.И. Тейтельбаума. Уже состав «Бюро» был определен и согласован следствием и обвиняемыми, когда меня вызвали из камеры к следователю Апресяну. В его кабинете я застал Тейтельбаума, которого никто из обвиняемых в своих показаниях не называл. Я знал Тейтельбаума много лет как партийного работника социал-демократа. В прошлом он был большевиком, во время первой мировой войны перешел к меньшевикам, в 1917 г. состоял секретарем Московского комитета меньшевиков, после Октябрьской революции порвал с меньшевиками и работал в заграничном аппарате Наркомвнешторга. Когда я вошел, Апресян поднялся и вышел, оставив нас вдвоем. Тейтельбаум обратился ко мне: «Я уже давно сижу в тюрьме, меня били и требовали признания в том, что я брал взятки за границей с капиталистических фирм. Я не выдержал истязаний и «признался». Это ужасно — ужасно жить и умереть с таким позором. Но следователь Апресян вдруг сказал мне: «Может быть, вы хотите переменить показания, признаться, что участвовали в контрреволюционной организации, в мень-

Поклонный крест узникам Унжлага

шевистском «Союзном Бюро»? Тогда у вас будет не уголовное, а политическое преступление.»— «Да, хочу». — ответил я. — «Как это сделать?» — Апресян говорит: «А я сейчас позову Якубовича, вы его знаете?» — «Знаю». — «Если он согласится принять вас в Союзное Бюро, я не возражаю». Вот он и позвал вас. Товарищ Якубович, умоляю вас, включите меня в это Союзное Бюро. Лучше я умру как контрик, а не как меньшевик и негодяй». Тут в комнату вошел Апресян.

«Ну как, договорились?» — обратился он ко мне с усмешкой. Я молчал. На меня смотрели с мольбой глаза Тейтельбаума. «Я согласен, — сказал я, — я подтверждаю участие Тейтельбаума в Союзном Бюро». «Ну, вот и хорошо, — сказал Апресян, — пишите все показания, а старые я уничтожу». Вот так формировалось «Союзное Бюро».

Ни один из обвиняемых по делу «Союзного Бюро» не принадлежал к числу моих личных друзей и ни с кем из них я не поддерживал до возникновения этого дела дружеских отношений. В.В. Шера, в прошлом моего друга, я не встречал до этого в течение нескольких лет. Мои действительные друзья и товарищи этих лет не были на-

званы мною и к делу «Союзного Бюро» не привлекались. Это были Ю.М. Двойлацкий, Л.Е. Гальперин, М.Л. Никифоров, И.В. Шостак. Никто из них никогда меньшевиком не был. Гальперин (по партийной кличке «Коняга») был членом ЦК большевиков во времена подполья, остальные были членами ВКП/б в описываемое время.

За несколько дней до начала процесса состоялось первое «организационное» заседание «Союзного Бюро» в кабинете старшего следователя Д.М. Дмитриева и под его председательством. В этом «заседании», кроме 14 обвиняемых, принимали участие следователи Апресян, Наседкин, Радищев. На заседании обвиняемые знакомились друг с другом, согласовывали и репетировали свое поведение на суде. На первом «заседании» эта работа не была закончена, и оно было повторено.

Я был в смятении: как вести себя на суде? Отрицать данные на следствии показания? Попытаться сорвать процесс? Устроить мировой скандал? Кому он пойдет на пользу? Разве это не удар в спину Советской власти, коммунистической партии? Я не вступал в нее, уйдя от меньшевиков, но ведь я политически и мо-

денное Крыленко. Так называемая «Заграничная делегация» меньшевистской партии обратилась к суду с пространной телеграммой-протестом, опровергающей материалы происходящего процесса. Крыленко огласил эту телеграмму и, окончив чтение, попросил председательствующего Н. М. Шверника предоставить слово подсудимому Якубовичу. Мое положение было бы затруднительным, если бы «Заграничная делегация» в своей телеграмме, честно отвергая лживые измышления о якобы совершавшемся по ее указанию вредительстве, высказала бы сочувствие к обвиняемым, вынужденным насильем давать ложные показания. Что мог бы я противопоставить таким заявлениям? Но «Заграничная делегация» сама облегчила мою роль. Отвергая обвинительный материал, она вместе с тем заявила, что подсудимые не имеют и никогда не имели никакого отношения к социал-демократической меньшевистской партии, что это не более как провокаторы, подкупленные Советским правительством.

Тут уж я мог говорить правдиво и честно, изобличая «Заграничную делегацию» во лжи и лицемерии, напоминая о роли и заслугах в истории меньшевистской партии ряда подсудимых и обвиняя меньшевистское руководство в измене революции и предательстве интересов социализма и рабочего класса.

Я говорил с эмоциональным подъемом и силой убеждения. Это была одна из моих лучших политических речей. Она произвела большое впечатление на аудиторию переполненного Колонного зала (я это чувствовал по моему ораторскому опыту) и, пожалуй, была кульминационным пунктом процесса — обеспечила его политический успех и значение. Мое обещание, данное Н. В. Крыленко, было выполнено.

На другой день, начиная свои показания перед судом, А. Ю. Финн-Енотаевский заявил, что он полностью присоединяется ко всему сказанному мною в адрес

рально был с нею и остаюсь с нею. Какие бы преступления ни совершал аппарат ОГПУ, я не должен изменять партии и государству. Не скрою, что я думал и о другом.

Если я откажусь от данных мной показаний, что со мною сделают палачи-следователи? Страшно об этом подумать. Если б только смерть! Я хочу смерти, я ее искал и пытался умереть. Но ведь они умереть не дадут, они будут медленно пытаться, пытаться бесконечно долго. Не будут давать спать, пока не наступит смерть. А когда она наступит? Раньше, вероятно, придет безумие. Как на это решиться? Во имя чего? Если бы я был врагом коммунистической партии и советского государства, я нашел бы нравственную опору своему мужеству в ненависти к ним. Но ведь я не враг. Что же может побудить меня на такое отчаянное поведение на суде?

С такими мыслями и в таком душевном состоянии меня вызвали из камеры и привели в кабинет, где сидел Н. В. Крыленко, назначенный государственным обвинителем на наш процесс. Я знал Н. В. Крыленко давно, еще с дореволюционных времен. Знал близко. А в 1920 г., когда я был

Смоленским губпродкомиссаром, он приезжал в Смоленск в качестве уполномоченного ЦК партии и ВЦИК Советов по наблюдению за хлебозаготовками. Некоторое время он жил в моей квартире, мы спали в одной комнате. Словом, я и Крыленко хорошо знали друг друга.

Предложив мне сесть, Крыленко сказал: «Я не сомневаюсь в том, что вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией — я вас считал и считаю коммунистом — я буду обвинителем, вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это наш с вами партийный долг. Но на процессе могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Я буду рассчитывать на вас. Я попрошу председателя в случае необходимости дать вам слово. А вы найдете, что сказать». Я молчал. «Договорились?» — спросил Крыленко. Я пробормотал что-то непонятное, но в том смысле, что обещаю выполнить свой долг. Кажется, на глазах у меня были слезы. Крыленко приветственно помахал рукой. Я вышел.

На процессе действительно возникло осложнение, предви-

«Заграничной делегации» и добавил, что я выступал в данном случае от имени всех обвиняемых.

Процесс прошел гладко — с внешним правдоподобием, несмотря на допущенные следствием грубые ошибки в его монтаже. В особенности в эпизоде с якобы имевшим место нелегальным приездом в Советский Союз члена меньшевистского ЦК Р. А. Рейн-Абрамовича. Надо было знать Абрамовича, как знал его я, чтобы понять всю нелепость утверждения о возможности его нелегального приезда в СССР. Во всем составе «Заграничной делегации» не было человека, менее способного на подобный риск. Как на предварительном, так и на судебном следствии мне удалось уклониться от подтверждения моего свидания с ним. Но Громан и некоторые другие подсудимые наперебой рассказывали о своих с ним встречах. Я слышал впоследствии, что Абрамович опубликовал на Западе неопровержимые доказательства своего алиби.

В своей обвинительной речи Крыленко потребовал применения высшей меры наказания к пяти подсудимым, включая меня. Он не оскорблял меня в этой речи — сказал, что не сомневается в моей личной честности и бескорыстности, назвал меня «старым революционером», но характеризовал меня как фанатика своей идеи, а идеи мои признал контрреволюционными. Поэтому и требовал моего расстрела. Я был ему благодарен за данную им мне характеристику, за то, что он не унижал меня перед смертью, не смешивал с грязью.

В своей защитительной речи я сказал, что преступления, в которых я сознался, заслуживают высшей

меры наказания, что требования государственного обвинителя не являются преувеличенными, что я не прошу у Верховного Суда сохранения мне жизни. Я хотел умереть. После дачи мною ложных показаний на следствии и на суде я ничего не хотел, кроме смерти, — не хотел жить, покрытый позором. Когда после выступления я сел на место на скамье подсудимых, Громан, сидевший рядом со мной, схватил меня за руку и в гневе и отчаянии проговорил полушепотом: «Вы с ума сошли! Вы нас всех губите! Вы не имели права перед товарищами так говорить!»

Но нас не приговорили к смерти.

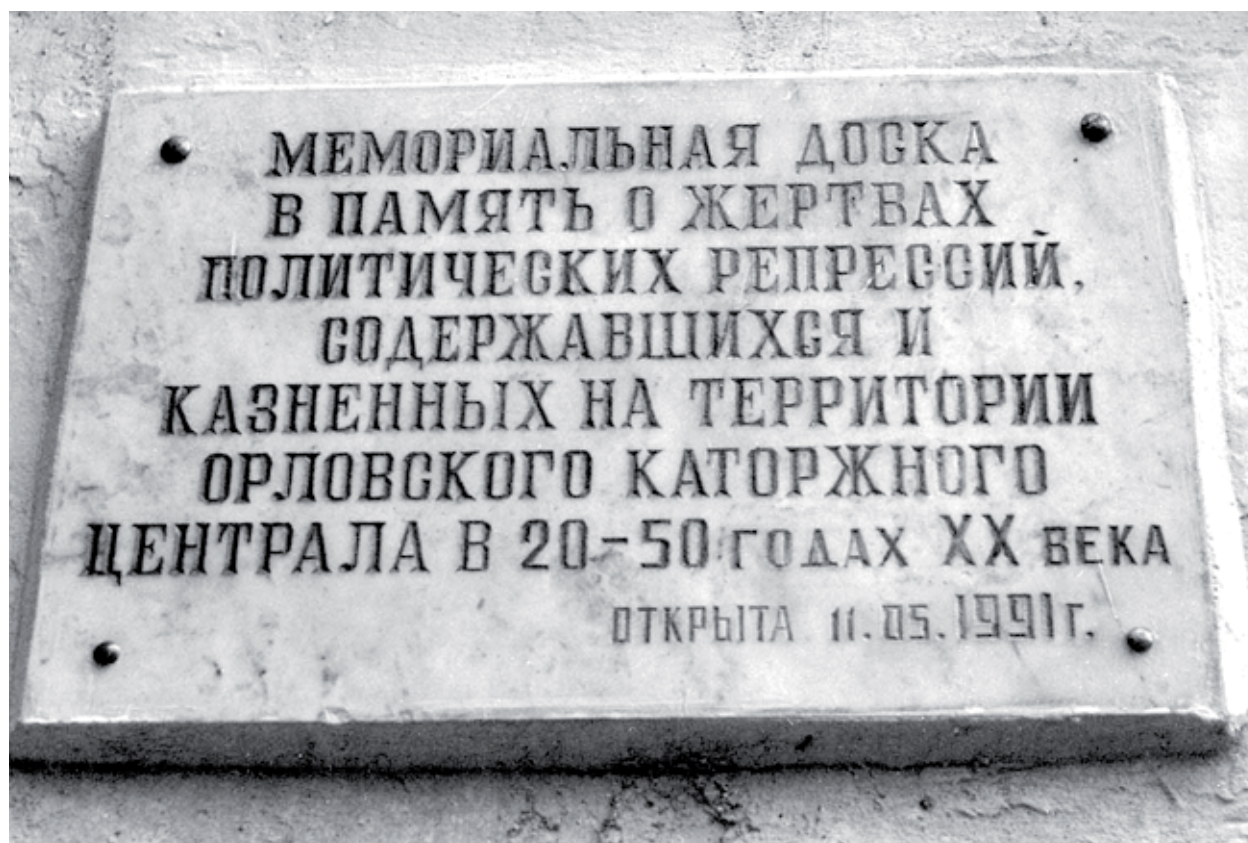
Когда после приговора нас выводили из зала, я столкнулся в дверях с А. Ю. Финн-Енотаевским. Он был старше по возрасту всех подсудимых и старше меня на двадцать лет. Он мне сказал: «Я не доживу до того времени, когда можно будет сказать правду о нашем процессе. Вы моложе всех, у вас больше, чем у всех остальных, шансов дожить до этого времени. Завещаю вам рассказать правду».

Исполняя это завещание моего старого товарища, я пишу эти объяснения и давал устные показания в Прокуратуре СССР.

*Михаил Якубович.
5.V.1967 г. »*

Правнук декабриста и племянник поэта-народовольца скончался в инвалидном доме города Караганды. Дата смерти неизвестна.

Все, как в России...

Рахель — уроженка Вятки

Рахель (справа) и Шошана Блювштейн

Впервые я узнал о Рахели Блювштейн, работая с перепиской писателя, краеведа и библиофила Е. Д. Петряева. В письме Михаилу Самуиловичу Губергрицу от 23 апреля 1966 года Евгений Дмитриевич писал: «Не знаете ли Вы некую Рахель Блювштейн (родилась в 1890 году в Вятке)? В «Литературной энциклопедии» (т. 3, с. 76) пишут, что она видный поэт Израиля, тонкий лирик. Может быть, есть ее русские книги? Писала ли она в Вятке?». (ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 1 б. Д. 26. Л. 170). (Фамилию поэтессы пишут и Блювштейн, и Блувштейн, но правильно, по-видимому, Блювштейн. По крайней мере, так во всех архивных документах вятского периода жизни ее семьи).

Рахель Блювштейн, национальная поэтесса Израиля, родилась в Вятке 20 сентября 1890 года, хотя некоторые источники почему-то указывают местом рождения город Саратов. Отец Рахели — Иссер Блювштейн — восьмилетним ребенком был отдан в кантонисты. Когда через четверть века участник

обороны Севастополя Иссер Блювштейн отслужил свой срок в царской армии, у него никого не было в целом мире. Но он сумел начать жизнь сначала — создал свое дело в Вятке, разбогател, женился, стал отцом двенадцати детей. Мать Рахели — Софья Мандельштам — была женщиной образованной, знала языки, состояла в переписке с выдающимися деятелями русской культуры — в частности, со Львом Толстым. Не исключено, что была родственницей поэта Осипа Эмилевича Мандельштама.

В числе купцов города Вятки за 1890 год указан Иссер Иосифович Блювштейн с сыновьями Давидом, Самуилом, Яковом, Моисеем, Абрамом и внуком Александром Давидовичем. По существовавшим тогда правилам, дети женского пола, к сожалению, в списки купеческих семейств не вносились. Эта купеческая семья числится в списке купцов города Вятки и за 1893 год. Позднее часть семьи переехала в Полтаву, где прошли детство и юность будущей поэтессы. Там она

училась в еврейской школе и начала брать первые частные уроки иврита. Там же она познакомилась с Владимиром Галактионовичем Короленко.

О духовной атмосфере дома, где росла Рахель, о ее ранней полтавской юности можно судить из воспоминаний ее сестры, Шошаны Блювштейн, начало которых сохранилось в многочисленных черновых редакциях, однако текст не был завершен и издан. Вот что писала Шошана: «Десятки лет назад в небольшом красивом украинском городе мы были молоды. (О, был бы у меня волшебный фонарь — вот бы глянуть хоть мельком!). Редки были в том городе приезды театра или концерты и становились — событием. И немое кино тоже делало там тогда первые шаги. Чем же жила наша душа? Книгами. (Полтава была центром одной из богатейших губерний России, книжным городом и имела очень хорошие библиотеки и читальни. — А. Р.). Полными пригоршнями черпали мы из щедрой русской литературы. Каждая книга была Божьим даром. Образы писателей и их героев вошли в круг наших друзей. Они сопровождали нас повседневно. Пушкин, Лермонтов, Надсон. Героини Тургенева: скромница Лиза, Елена... И над всеми — великан русской литературы — Толстой. Мы не только романы его читали, но и статьи, они манили нас, будили наши юные мысли... Беллетристика, публицистика, но превыше всего — поэзия. Мы пропадали на дворе ее Царства. Она всегда была у нас на устах: читаем по книге, заучиваем наизусть... Мы и литературу других народов узнавали на языке государства.

Кировский краевед Александр Львович Рашковский — со дня основания в 1973 году участник, а с 1987 года руководитель известного в России клуба «Вятские книголюбые», основанного писателем и краеведом Е. Д. Петряевым. Один из инициаторов проведения в Кирове Петряевских чтений, получивших статус всероссийских. Скрупулезно изучает вятские архивы. На их основе выпустил брошюру «Деятели науки, культуры и техники Вятского края». Активно публикует свои архивные находки в Интернете.

«О, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» — пел Тургенев в одном из своих «Стихотворений в прозе», так нами любимых. Мы декламировали эти слова — гимн писателя и поэта своему языку (не без легких угрызений совести, ведь мы были еврейками и хорошо знали это). Но русский язык был для нас выходом на общечеловеческий простор, к общечеловеческим ценностям. На обдуваемое ветром поле, где юная мысль парила, упоенная медом слов...» С 15 лет Рахель уже писала стихи на русском языке. В одной из дневниковых тетрадей Шошаны вписано по-русски детское стихотворение Рахели «Колыбельная», возможно, самое раннее из известных ее стихов:

*Спи, дитяtko, спи, милое...
Смотри-ка, вон и звездочки
Кричат, завидя нас:
Не спит еще ваш маленький?
Ведь очень поздний час...*

У Рахели с детства были слабые легкие, и ее посылали в Крым на лечение. В 1909 году Рахель с Шошаной решили съездить в Палестину и остались там. Являясь в начале XX века одним из наиболее романтических политических течений, сионизм привлек под свое знамя много молодежи. Юноши и девушки покидали Россию и отправлялись в Палестину, чтобы своими руками строить еврейские города, прокладывать дороги, осушать болота, насаждать леса и сады. Среди них была и девятнадцатилетняя Рахель Блювштейн.

Под влиянием жившего в Полтаве В. Г. Короленко Рахель и ее сестры отказались от материальной поддержки богатого отца и решили жить своим трудом. В Палестине, среди оживших, как им казалось, сказок «Тысячи и одной ночи», они оказались в поселении Реховот и сняли комнату в гостинице. Гостиница поразила их чистотой и добропорядочностью. Они поступили на ферму для девушек у озера Киннерет. Рахель встретила друзей, познала радость изучения языка предков, поэзии сельского труда. Дни, прожитые там, оказались самыми прекрасными в ее жизни. В 1913 году Рахель едет в Тулузу учиться на агронома, но Первая мировая война нарушает ее планы. Ее пребывание в Тулузе длилось два учебных года, и пометка «Тулуза, 1915» значится в первой записи в тетрадке с русскими стихами, которую Рахель будет продолжать в России.

В Тулузе Рахель познакомилась, видимо, через Короленко, с поэтессой Марией Шкапской, высланной за границу вместе с мужем за политическую деятельность. Их знакомство переросло в душевную дружбу, отголоски которой звучат в переписке двух поэтесс. Фрагменты этой переписки сохранились в РГАЛИ и писательском архиве Тель-Авива. Публикация этих документов не только прольет свет на некоторые малоизвестные обстоятельства жизни обеих корреспонденток, но и введет в научный оборот неизвестные ранее тексты.

Рахель возвращается в Россию, где ее настигает революция. Поселившись в Одессе, она работает учительницей, пишет стихи, занимается переводами. Публикует

в сионистском еженедельнике «Еврейская мысль» стихи и очерки об Израиле. В 1919 году на первом же корабле, отплывавшем после войны из Одессы в Палестину, Рахель покидает Россию, чтобы навсегда вернуться на берега Киннерета. Здесь Рахель вступила в члены киббуца Дгания. Из-за болезни она вынуждена была переехать в Иерусалим, потом в Цфат, а затем в Тель-Авив.

Дальнейшая жизнь поэтессы не очень богата событиями. По настоянию врачей она проходит, в основном, в пределах комнаты. Но большой мир заменяют стихи. Они все чаще появляются в печати, узнаваемы и ожидаемы читателями. Рахель Блювштейн начинают называть просто Рахелью. Именно так она подписывает свои произведения. Ее стихи удивительно лиричны. В них слиты воедино любовь к родной земле, к близкому человеку, к жизни вообще. Вот одно из ее стихотворений:

*Да, кровь ее в крови моей
И песня в песне неустанной.
Рахель, пастушка стад Лавана,
Рахель, прагматерь матерей.*

*И потому мне тесен дом.
За город — там пастушки пели,
Там трепетал платок Рахели
В пустыне, на ветру сухом.*

*Иду с котомкою своей,
Дорога знойная пылится,
В босых ногах моих хранится
Вся память тех далеких дней.*

Стихи и переводы Рахели (она переводила на иврит Пушкина, Ахматову, Есенина, Ходасевича, Верлена, Метерлинка и многих других поэтов) и национальны, и в то же время близки любому человеку. Независимо от того, к какой национальности он принадлежит. Некоторые из стихов, написанные на русском языке, были переведены на иврит и тоже прочно вошли в израильскую поэзию, так что многие и не подозревают об их русском источнике.

Рахели было 20, когда иврит стал для нее языком общения, ей было уже за 30, когда литература стала делом ее жизни. Она умерла 16 апреля 1931 года, в 41 год, став национальной поэтессой еврейского народа, и похоронена на берегу ее любимого озера Киннерет, на знаменитом кладбище, где покоятся многие выдающиеся деятели Израиля. Именем Рахели Блювштейн названы улицы во многих городах Израиля.

В этом сообщении использованы некоторые материалы Зои Копельман, которая провела огромную работу по изучению литературного наследия Рахели, а также материалы из книги «Тридцать три века еврейской поэзии. Краткая антология в переводах с иврита/Составление, предисловие, историко-литературные и биографические справки, примечания, редактирование стихотворений, художественное оформление Я. Л. Либермана» (Екатеринбург — Каменск-Уральский, 1997. С. 240–247).

Юний ГОРБУНОВ
Иллюстрации из заводского музея

Робинзонада комиссара Круза

(Продолжаем публикацию очерков по истории завода им. Калинина)

Три года Гражданской войны и иностранной интервенции в России обернулись для Петроградского оружейного трема сплошными зимами. По этим «зимам» мы пройдем, листая документы различных столичных архивов, копии которых хранятся в фондах заводского музея, и немногие воспоминания ветеранов. В советские годы они, кстати сказать, не очень-то были востребованы и практически не выходили из стен музея завода имени Калинина.

С 1914 года архитектором на Орудийном служил уже знакомый нам Анатолий Васильевич Самойлов. Памятуя о том, что вся-то затея эвакуации Орудийного с Литейного проспекта была вызвана прежде всего

благим намерением расширения производства, он, приехав в Подлипки еще весной 1918-го, задолго до первого эшелона, начал набрасывать эскизный проект генерального плана будущего завода. Дотошно осмотрел и назначил к делу 6 почти законченных заводских построек, 3 — «вполовину законченных» и около 50 — незаводского типа строений: барачков, сараев, навесов. Отопление, констатировал он, не установлено, канализация отсутствует, дороги только грунтовые, ограждение частичное; имеется ветка от Щелковской линии Северной ж.д. и временная узкоколейка...

Расхаживая по тающему снегу запустения, он уже творил свой завод, свое детище, рассчитывая проект

аж на 1300 работающих! Творил, как Робинзон на еще никем не обитаемом острове.

В его эскизах и проектах, перед его мысленным взором завод уже стоял. Бился, как сердце оживших Подлипков. В технологическую цепочку выстроились десять заводских цехов (мастерских): пушечно-компрессорный, сборочный, прицельно-затворный, инструментальный, ремонтно-механический, столлярный, кузнечный, закалочный, литейный, силовая станция с котельным отделением. А на месте двух дачных местечек — Ново-Перловки и Сапожниково — вольготно разместился рабочий поселок.

Вдохновленный проектом, архитектор написал в Пояснительной записке, что если будет безотлагательно выполнен ряд первоочередных строительных работ, то его завод начнет восстанавливать пушки с февраля 1919 года.

Так и хочется воскликнуть: вашими бы, Анатолий Васильевич, устами да мед пить!

Кое-где уже вспыхивали бунтами и репрессиями очаги недалекой Гражданской войны, уже угрожали советским границам армии белых генералов.

Год спустя, когда к станции Мытищи Северной железной дороги подходил очередной состав с техникой и людьми Петроградского завода, среди орудийцев царило понятное оживление. Как ни тяжела и нескончаема была дорога к новому месту пребывания, как ни беспросветна сопровождающая этот путь обстановка, как ни губителен голод и холод пути, как ни страшил хаос после головокружительных Октябрьских событий, люди не могли жить без веры и надежды.

Вот, мечталось им, доберемся, даст Бог, до Подлипков (имя-то какое теплое и радужное!), устроимся, обогреемся на новом месте, восстановим завод лучше прежнего — руки есть, головы на плечах, а пушки и бушсоли с дальномерами стране всегда будут нужны.

Издали новое место и впрямь смотрелось райским уголком. В двух десятках километров от Москвы, вдоль железной дороги рос вековой сосновый бор. В глубине его, как в теплых хвойных ладонях, обреталась липовая роща. В начале столетия здесь возник дачный поселок Подлипки. Как в старых дворянских усадьбах, в центре красовался двухэтажный белого камня особняк с колоннами, окруженный стоящими чуть на отшибе постройками: конюшней, манежем, большим птичником и роскошным фруктовым садом. Имение принадлежало богатому купцу-чаеоторговцу В. С. Перлову, владельцу московской чаеразвесочной фабрики.

Московские газеты писали, что Подлипки — единственное в окрестностях столицы дачное место с сухой почвой, чистым воздухом и исключительно вкусной водой из мытищенских подземных ключей. К общественным купальням на реке Клязьме вела четырехверстная конка по изумительной сосновой аллее...

В войну на землях, купленных у чаеоторговца, казна затеяла строительство авторемонтного завода. Концессию, по тогдашней моде, отдали англичанам — акционерному обществу «Бекос». Акционеры нашли хороших подрядчиков, и к 1917 году почти поднялись в Подлипках три солидных здания. В одном восстанавливали покалеченные войной автомашины, в других начали собирать новые грузовики. В лесном массиве в одночасье, как грибы-боровики, выросли два дачных поселка «Ново-Перловка» и «Сапожниково». А проект акционеров предусматривал возведение аж 11 заводских цехов, механической лаборатории и мастерских, а также жилого поселка с церковью, больницей, школой и баней — в расчете на 1200 жителей.

Такие вызревали перспективы. Но грянула революция, и акционерное общество распалось. Рабочие разбрелись кто куда — кто в Красную Армию, кто в деревню. Брошенные здания и территорию с английской скрупулезностью блюл оставленный здесь исполнительный директор Иван Вардроппер (если иностранец не Иван, то зачем он нам здесь нужен?).

В 1918 году недостроенный завод военных «самоходов» стал достоянием ВСНХ.

31 августа 1918 года Центральное правление артиллерийских заводов (ЦПАЗ), по рекомендации известной нам заводской комиссии, выдает официальное постановление: «Признать необходимым устройство прицельного завода с ремонтной мастерской в заводе «Бекос» из технических средств Орудийного завода, произведя реэвакуацию названного завода и рабочих из Нижнего Новгорода в Москву».

Вот в такой райский уголок, отмеченный большими заводскими перспективами, ехали измученные дорогой и изрядно поредевшие орудийцы со своего Литейного проспекта. В первых эшелонах, как вспоминают ветераны, прибыли самые стойкие и мастеровитые питерцы, коммунисты и беспартийные, уверенные в том, что их руки и головы пригодятся заводу с первых его дней на новом месте.

И что же ныне являло собой их новое пристанище под липками?

Территория завода не была огорожена даже обычным дощатым забором. В хаотическом беспорядке и страшной спешке на станции Подлипки выгружались прямо под открытое небо станки и прочее оборудование завода — на разгрузку вагонов железная дорога давала минимум времени, угрожая в противном случае привлечь к революционной ответственности. Не удивительно, что станки падали куда попало — в снег и сырость. А эшелоны все прибыва-

Обложка рекламного проспекта 1915 г.

ли — из Нижнего, Череповца, Рыбинска, Петрограда, Перми — отовсюду, куда их бросило и где мытарил революцией время. Прибывали вместе с людьми, что не сбежали, не оставили родной завод; многие с семьями, скарбом, в дотла изношенной одежде и обуви. Например, в январе 1919-го на станции в Мытищах скопилось более 500 вагонов.

Кадровый рабочий-слесарь Михаил Васильевич Бакин уезжал из Нижнего с последним эшелонем и прибыл в Подлипки в мае 1919 года. Вот его свидетельство. «Здесь были нагромождены горы больших и малых ящиков с инструментами и оборудованием. Горы в беспорядке наваленных разных станков, и рабочие уже перекачивали станки и ящики в здания будущих цехов, которые были еще без крыш. Эта тяжелая работа производилась только при помощи ломиков и деревянных катков без всяких подъемных кранов и других тягачей, в 35–37-градусный мороз, в голодуху не прекращалась эта работа, разжигали в здании костры и обогривались...»

Впрочем, и сама пролетарская Октябрьская революция грянула на российские «подлипки» как снег на голову — такая же нежданная и неподготовленная, и повсюду творила теперь свое черное дело.

Стихию революции и братоубийственную войну можно было одолеть только карательными мерами. К ним и прибегло молодое советское правительство. Национализировалась практически вся экономика, в которой царил теперь «главизм»; с голодом боролись государственной монополией на хлеб и прочие продукты, продразверсткой, уравниловкой и запрещением частной торговли. В сложившейся обстановке власть считала, что именно такими мерами и можно внедрить в общество зачатки лучезарного коммунизма. Отсюда и название политики, почти три года державшей страну под дулом пистолета — «военный коммунизм». Название, состоящее из двух взаимоисключающих слов.

Нам с вами опять-таки предстоит «пережить» этот исторический период на необозначенном еще забором «пяточке» Подмосковья, где волею судьбы оказался Петроградский орудийный завод. Не завод даже, а хаотично разобранный на части и детали прежде слаженный и сложный механизм. В этих условиях его предстояло собрать по винтику и заставить работать.

Первый, с кем мы непременно встретимся в Подлипках, будет комиссар Иван Михайлович Круз. Всевидящее око и всеслышащее ухо. Он появился здесь в самом конце января или первых числах февраля 1919 года — сразу, как только получил из рук председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Л. Б. Красина мандат военного комиссара Петроградского орудийного завода. Получил и по-военному щелкнул каблуками.

Полномочия у Круза были чрезвычайные и неограниченные. Никакие распоряжения местных властей не могли проникнуть в жизнь без утверждения их «товарищем Крузом». Он имел право привлекать к суду

и отстранять от службы лиц, если они, по его мнению, не соответствовали занимаемой должности. Мог пользоваться вооруженной силой, имеющейся на местах, или при необходимости требовать таковую в ближайшем гарнизоне. Словом, на этом «острове» Подлипки, не обитаемом слаженной заводской работой, военный комиссар Круз был безусловным хозяином и являл своей персонею олицетворенную «диктатуру пролетариата».

За дело он принялся круто. И, безусловно, в духе времени. Сначала поставил на место товарищей, плохо изучивших содержание его мандата. «Мною замечено, — писал уже в февральском приказе по заводу, — что многие должностные лица ПОЗ неправильно толкуют мои права и полномочия, ввиду чего игнорируются распоряжения за моей подписью. Согласно полномочиям, ... каждое, подписанное комиссаром, распоряжение... должно быть исполнено, чего бы то ни стоило».

А в апреле уже доносил военному комиссариату ЦПАЗ: «Директора на заводе ведут себя из рук вон плохо. Неряшливо и преступно выставлено заводское хозяйство. Люди они свободные, но для воссоздания завода не проявляют никакой инициативы. На заводе пока установлено только 2 токарных станка и один фрезерный, а также девять саженей трансмиссионного вала — вот все, что сделано по оборудованию, а между тем директора докладывают в ЦПАЗ, что дело идет хорошо...

Прошу вас, товарищи, выясните, какую роль они на заводе играют. По-моему, они не директора (распорядители), а статисты, получающие жалованье по положению директоров.

№ 111.

На основании предписания Т. А. У. от 6-го Марта 1919 г. за № 12355 сего шлю, отправляясь в г. Нижний Новгород совместно с Инженером Семановым и представителями Заводского Комитета, т. е. т. Семодоренко, Вгерь и Серебровица для поднесания листа на разрешение Петра Федоровича Орудина на заводе, эвакуированного из г. Петрограда, по распоряжению Совета Главного Артиллерийского Управления.

Для исполнения обязанностей Начальника завода вынужден попросить помощи по технической части Петрова.

Начальник завода С. Чуров

Со своей стороны я принимаю всевозможные меры, чтобы вывести завод из тупика и беспорядка.

Дабы не ослабить силы Красной Армии вооружением, я предлагаю принять следующие меры: удалить названных господ из завода и заменить новыми, предав их революционному трибуналу за бездействие и нераспорядительность».

Так характеризовались комиссаром кадровые артиллеристы с академическим образованием: многолетний начальник завода Семен Яковлевич Нарушевич, технический директор военный инженер-технолог Павел Иванович Петров, специалист с конструкторским мышлением, заявивший о себе еще на Обуховском сталелитейном, инженер-артиллерист Василий Прохорович Данилевский, десять лет державший в надежных руках прицельно-затворную мастерскую.

Скорее всего, комиссара наверху несколько урезонили, потому что и месяца не прошло, как он уже сменил тон своих докладов, кон-

статируя, что «заводоуправление стало проявлять признаки жизни. Директора принялись за работу по реорганизации завода, начались проводиться в жизнь постановления ГАУ». Разумеется, это произошло благодаря тому, что он, Круз, «руководствовался революционными приемами».

Но и сам Круз, и окружающие его люди видели, что «революционные» меры не дают результата, а подчас дают результат обратный. Обход завода членами его правления 17 мая 1919 года показал следующее: территория завода все еще не огорожена; ящиков с инструментами найдено и разобрано только 7–10 процентов; в двух мастерских еще не закончены бетонные работы; литейный корпус покрыт брезентом, потому что окна не застеклены; работы по изготовлению плиток и колец производятся двумя лекальщиками, которые оплачиваются премиально. И технический директор П. И. Петров, и инженер В. П. Данилевский в один голос

ссылаются на острый недостаток квалифицированных рабочих.

Вот извлекаем из архива протокол заседания комиссии по постройке поселка для рабочих. Коммерческий директор считает, что поселок остро нуждается в двух магазинах, приемном покое с квартирой фельдшера, гараже, пожарном сарае и конюшне, бане на 75 человек, мусоросжигательнице, заводоуправлении. Комиссия соглашается, что следует начать их строительство и приступить к земляным работам. Но в итоге из-за отсутствия сметы, материалов и рабочей силы решено отменить сооружение гаража, конюшен, пожарного сарая и бани. «Уцелели» в протоколе только приемный покой, мусоросжигательница и заводоуправление. Да и эвакуация завода в июне еще далеко не была закончена, развозка и даже разгрузка еще пребывали в стадии работ.

Как было комиссару не прийти в отчаяние от такой «наличности» в результате революционных мер? Отчаяние это выражалось подчас в совсем уж нелепых просьбах: «Немедленно прислать на завод орудия для мелкого ремонта или дать работы по сборке новых орудий — для этих целей нужны только сарай и слесарные тиски». Военный комиссар знал, что на весь 1919 год Петроградскому орудийному было отпущено казной на ремонт пушек, салазок, люлек и затворов всего 3 миллиона рублей. На эти деньги у местных крестьян можно было купить 280 тонн сена.

И отношение комиссара к делу заметно меняется. Еще «вчера» требуя у своего начальства удалить «господ»-директоров, он вдруг обратил внимание на англичанина Вардроппера, который руководил делами на заводе «самоходов» «Бекос» и продолжал «сторожить» уже давно национализированную собственность англичан-акционеров. Оказывается, это под его началом на территории завода возведены все имеющиеся постройки. И Круз предлагает начальству в ЦПАЗ привлечь И. В. Вардроппера к продолжению строительных работ, несмотря на то, что он «подданный враждебного Советской республике государства».

Это был действительно самостоятельный и смелый шаг комиссара, хотя к этому надо добавить, что за Вардроппера поручились пятеро коммунистов и ответственных работников. Летом того же 1919-го на заводе происходят кадровые перемены. Постановлением Президиума Совета ЦПАЗ многолетний начальник Орудийного С. Я. Нарушевич, оставшийся на посту в самые трудные годы эвакуации, был освобожден от руководства и переведен в ГАУ на должность ревизора по снабжению Красной Армии. Директором-распорядителем «на предварительное испытание» поставлен И. В. Вардроппер. Но остались на своих постах проверенные и опытные военные инженеры-технологи П. И. Петров (технический директор) и В. П. Данилевский (заведующий производством).

Тем же летом (24 июня 1919 г.) Петроградский орудийный был переименован в Московский орудийный завод.

Похоже, что Иван Вардроппер испытание выдержал. В документах архива находим свидетельства того, что при нем заметно ускорилось строительство заводских корпусов, а число строительных рабочих увеличилось до двух тысяч. Своим рациональным умом англичанин понял, что без улучшения положения рабочих никакие перемены невозможны, и сделал к этому первые шаги.

Внимательно листая страницы немногих воспоминаний, оставшихся от той уже далекой поры, видишь, как в недрах той самой внеклассовой среды рабочих, мастеров, инженеров шла подспудная, незаметная в революционной шумихе, восстановительная работа. Она подчас не выражалась в цифрах, не доходила до ушей «верхов», но именно она, подспудная и незаметная, держала разобранный по винтикам завод на плаву, начинала восстанавливать и оборудовать мастерские.

Вот читаем у того же Михаила Бакина, как тяжелейшей зимой 1919-го слесарь-коммунист Федор Матвеевич Федоров, не митингуя на собраниях, ходил с тетрадкой в руках по недостроенным помещениям и планировал установку станков, устройство трансмиссий. Одет он был в ношеную солдатскую шинель, а обут в стоптанные валенки. Где-то рядом, по примеру отца, трудились его сыновья Михаил и Евгений. Многие орудийцы приехали с семьями: Барабановы, Алексеевы, Бариновы, Игошины... Отцы, дети, жены — питерские орудийцы, они положили начало будущим заводским династиям.

Опытный механик Владимир Клемм вызвался наладить силовую станцию. А там едва дышал английский дизель, доставшийся в наследство от «Бекоса». Пожилой уже механик не знал ни дня, ни ночи. Надо было обновить регулятор. Мастер Афанасьев на станке, для такой операции не приспособленном, совершил технический фокус — сделал червячную шестерню для регулятора. И дизель стал дышать надежнее.

В бывшей конюшне чаеоторговца Перлова рабочие сами устроили мастерскую для подсобных работ и обогрева, в которой распоряжался никем не назначенный молодой токарь Петр Кадыков (коммунист? беспартийный?).

И таких «неназначенных», но болеющих за дело, в разных концах неогороженной заводской территории было много. Люди работали за мизерную зарплату, а вся работа по разгрузке и установке оборудования была исключительно ручной.

В недрах архива привлекает невольное внимание копия письма в «соответствующие органы» неизвестного доброжелателя. Он вскрывает уйму недостатков. Сетует на то, что переселившиеся первыми в Подлипки администрация и строители, «начали устройство своей личной жизни, т. е. заняли лучшие дачи». В эти директорские дачи «было проведено электроосвещение, установлены телефоны для связи со столицей, а на даче технического директора устроено водяное отопление, обошедшееся заводу недешево». Дровами, заготовленными для нужд завода, снабжались

в первую очередь дома строителей и администрации, а на завод шли остатки.

«...Правление завода было реорганизовано в коллегиальное. В него наряду с прежними директорами вошли три представителя из мастеровых. Но скоро избранники рабочих возомнили себя полными администраторами, попали под влияние директоров, хорошо лично устроились, занялись приемами и чиновничеством...»

«На заводе началось оснащение прицельно-затворной мастерской. Для нее было выбрано, отремонтировано и установлено на фундаменты несколько станков, а для привода их в действие запущен локомобиль. Вместо дров пустили в распиловку на топливо для него годные новые доски. Их хватило ненадолго, и мастеровые занялись работой на себя, т.е. делали домашнюю утварь: маленькие печи, кастрюли, чайники, топоры, пилы и т.п., разрезая на это большие листы железа, жести, стали, разбросанные без учета на территории завода...».

Мы выбрали самые «криминальные» моменты письма. Наверно, в то время, когда основным эпистолярным жанром была докладная записка, это письмо, пусть и безымянное, сыграло свою драматическую роль. Но сегодня оно неопровержимо констатирует тот факт, что люди, болеющие за судьбу свою, своей семьи и своего завода, сами, как могли и умели, устраивали эту судьбу.

Что стояло на пути тех, кто возрождал завод в Подлипках? Первым заклятым врагом был голод. Он и в стране достиг апогея. Вот строки из телеграммы Ленина и Цюрупы от 15 июля 1919 года: «Красный Петроград... вынужден сократить хлебный паек рабочим до трех четвертей фунта (фунт, напомним, это 400 грамм. — Авт.), выдаваемых на два дня. Москва уже десять дней совершенно не получает хлеба. Иваново-Вознесенск и другие пролетарские центры, большинство фабрик и заводов давно уже не выдают хлеба... Грозный час продовольственных испытаний требует принятия всех мер... в целях всемерного увеличения снабжения голодающего севера (снятие до крайнего предела местного пайка; уменьшение числа едоков, получающих хлеб от госорганов; крайне бережное расходование хлебных запасов; в армейских и воинских частях выдача хлеба по действительному числу едоков)».

Сегодня даже представить трудно, что это было. На заводе с августа вовсе прекратили выдачу хлебного пайка. Люди просто вынуждены были уходить с завода в поисках пропитания. Даже стойкие питерцы. А уж число строителей за две недели голода уменьшилось на треть. Комиссар Круз, что называется, сидел на телефоне, пытаясь выбить хотя бы для квалифициро-

С.Я. Нарушевич

ванных рабочих красноармейский паек. Но все было бесполезно. Рабочих это раздражало: завод-то был военный. Да и так называемая «классовая» пайка выдавалась нерегулярно. А гражданский паек служащих был еще меньше «классового».

В отчаянии, чтобы предотвратить массовое бегство рабочих, комиссар пошел на нарушение советских декретов — можно себе представить, чего ему это стоило. Он потворствовал Вардропперу, который давал рабочим 8–10-дневные отпуска, чтобы они могли нелегально (частная торговля хлебом была строго запрещена) добыть хлеба в соседних губерниях. Кроме того, находчивый директор-распорядитель придумал оригинальную денежную премиальную систему: жалованья она не прибавляла, но интересовывала рабочих повышать производительность труда. То есть шла поперек практикуемой в стране уравниловки. И это опасное новшество комиссар Круз пропустил мимо ушей.

Вторым заклятым врагом орудийцев в Подлипках оказалось отсутствие жилья. Дач, конечно же, всем не хватило, а другого жилья на новом месте еще не было. Жили зимами в летних бараках. Основная масса рабочих была расселена в Москве — на Сретенке, Тверской, даже в гостинице «Метрополь».

80 семей — в Тайнинке, соседнем с Подлипками дачном поселке в пяти километрах от завода. И только около 100 человек в Подлипках. Проживая на отшибе, рабочий не мог ни огород завести, ни корову. Это прямо влияло на продолжительность рабочего дня. «Москвичи» каждое утро добирались до Ярославского вокзала, «штурмом» брали вагоны поезда. Вечером приходилось делать то же самое, чтобы вернуться домой. Расписание движения поезда было таково, что рабочий день «москвичей» не набирал и пяти часов. В просьбе о том, чтобы дать рабочим отдельный поезд или чтобы обычный останавливался прямо напротив завода и люди не шли бы полторы версты, Чрезкомснабарм отказал, заявив, что «арестует все Правление, если работа не будет интенсивна». Наконец, после долгих настояний и жалоб было принято решение всех рабочих из Москвы переселить в Тайнинку в реквизированные для этого 150 дач. Но зима была уже «на носу», а дачи-то летние, их надо утеплять...

Транспортные мытарства расшатывали дисциплину, в семьях оружейцев разыгрывались тяжелые драмы. Приезжая на завод, рабочие мерзли в холодных мастерских и вместо работы добывали дрова для костров, прихватывая и строительные доски. «Отнять было нельзя, — писал в ЦПАЗ заместитель председателя Правления В. Н. Петров, — люди зверели и делались опасны. Они врывались в комнату, где заседали правление завода и представители Госконтроля, устраивали скандалы, показывая руки с кровоточащими от мороза пальцами. Общее настроение было

такое: заводу здесь не быть». «Москвичи» на общих собраниях выносили протестующие постановления. Правление завода, боясь ответственности за такой «произвол», сообщало в ЦПАЗ о каждом нарушении графика движения поездов. На завод присылали комиссии, которые сами не могли сесть в поезд и приехать вовремя.

Нарисовав в своем «Заявлении» удручающую картину, В. Н. Петров вопрошал: «Неужели надо не чернилами, а кровью написать, чтоб поняли товарищи из Центров тот ужас, что нашему заводу принесли эти две зимы?»

В таких условиях жили и работали оружейцы в Подлипках в пору «военного коммунизма» и Гражданской войны. Добраивали и оборудовали станками главный заводской корпус. Обустроивали в нем четыре мастерских. Одну — для изготовления люлек, 3-дм пушек и ремонта орудий; вторую — для производства прицелов; третью — для пушечных затворов и четвертую — для выпуска буссолей. Сооружали подсобные объекты: электростанцию, котельную, бурили скважину, чтобы добыть воду для промышленных и бытовых нужд.

Что выпускал в те зимы завод? Сведения в разных источниках разные. Но несомненно то, что, как сообщал сам Круз, Московский оружейный, «выполняющий ныне работы ремонтных мастерских, а не заводского характера», выдавал собранные орудия, части их, а также буссоли — штуками. В октябре

Здание завода «Бекос» (современный вид)

1919-го директор-распорядитель сообщает в ЦПАЗ, что «изготовлено 50 штук буссолей и восстановлено 4 штуки 42 лин. пушки обр. 1910 г.». Даже в 1920-м году «завод был введен лишь в частичную эксплуатацию».

И была еще одна, пожалуй, главная для Орудийного завода проблема: как удержать, как сохранить квалифицированные кадры орудийцев, без которых уж точно орудийному заводу в Подлипках не бывать. Как уберечь и не сломать тот внеклассовый людской стержень — из мастеровых, техников, инженеров, на котором только и способен восстать и развиваться орудийный завод, каким он сформировался многими поколениями людей талантливых и мастеровитых.

Это можно было сделать только вопреки общей политике молодого пролетарского государства. «Военный коммунизм» всеми своими фибрами этому препятствовал, пребывал с этим человеческим стержнем в антагонизме. Сохранением кадров были, помимо про-

чего, озабочены и заняты все руководители завода. Безразличных среди них не было.

Обратимся опять и процитируем «Заявление» заместителя председателя Правления В. Н. Петрова: «На заводе осталась только небольшая группа петербургских высококвалифицированных рабочих, и как раз тех специальностей, без которых орудийный завод воссоздаваться не может. Правление всеми силами удерживало их на предприятии, даже в то время, когда могло без них обойтись, оберегая как необходимый фундамент... Два года таскало оно их за собой, чтобы не разрушить производство, и, не видя другого выхода, решило сохранить за ними тот заработок, который они имели до введения премиальной системы. Она же не давала рабочим больше того, что они получали». Стехниками и специалистами, считал он, ни репрессиями, ни враждебным к ним отношением ничего не поделаешь, а можешь только запугать и отнять остаток здравого смысла.

«Заявление», которое мы уже не раз цитировали, было вызвано результатами заседания Президиума ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов (ВСРМ) от 21 апреля 1920 года, на котором слушался вопрос о тарифной политике на Московском орудийном заводе. Заводоуправлению и его Расценочной комиссии вменялись серьезные нарушения финансовой дисциплины. Революционная законность была неулолима. Президиум постановил предать дисциплинарному суду председателей завкома и Расценочной комиссии, а председателя заводууправления — суду революционного трибунала.

Председателем в это время состоял Иван Михайлович Круз, бывший чрезвычайный военный комиссар. Вардроппер, загодя почувствовав, что запахло «жареным», подался в свою Англию. У Круза и других членов Правления Англии в запасе не было. Круз и товарищ председателя В. Н. Петров написали пространные за-

явления, пытаясь некой логикой трех зим объяснить вынужденные и вовсе не губительные, а, напротив, спасительные для завода нарушения.

Петров, например, писал так: «Ведь здесь большие миллионы расходовались. Двадцать раз можно было попасть под суд за то, что денег пожалели, а имущество погубили, или кадры необходимых работников распустили, или же за то, что народные деньги непроизводительно затратили. Можно только удивляться, что первая такая оплошность с товарищами случилась...»

Круз: «Мне, работавшему 22 года на заводах и не имевшему за это время хотя бы месячного отдыха, очень обидно, что опрометчивое постановление ВЦИКа Металлистов и ЦПАЗа кладет на нас пятно и изгоняет из той среды, где мы выросли с детства, и обвиняет публично в разгильдяйстве».

Не надеясь, что эти заявления будут кем-то внимательно прочитаны и учтены, он решает написать письмо председателю ВЦИК М. И. Калинину и пойти при этом на заведомую неправду, видимо, считая, что делает это во спасение: «Был я командирован на завод с широкими полномочиями, и через центральное правление артиллерийских заводов мне была дана программа чисто боевого характера, требовалось выпускать ежемесячно определенное количество пушек, угломеров, панорам, прицелов и пулеметов. Заданную программу я блестяще выполнил, даже с избытком, но при этом в силу необходимости допускал иногда отступления от закона, только для того, чтобы иметь возможность выполнить возложенную задачу».

Мы должны земным поклоном поклониться этим людям за то, что они жертвами трех ужасных зим сумели спасти завод и его мастеровую элиту. А еще за то, что предпочитали они в эти зимы работать печки, кастрюли, пилы и топоры, а не придуманные Крузом пулеметы для братоубийственной Гражданской войны.

Николай ГЕЛЕВЕРОВ

Фото предоставлено автором

Автор «народной» песни

Краеведческая копилка

РЕКА ВРЕМЕНИ

В декабре 1996 г., в санатории Усть-Качка, зайдя в книжный киоск, совершенно случайно увидел книгу песен «В нашу гавань заходили корабли» (сост.

Э. Н. Успенский и Ф. Э. Николаева). Я почти регулярно слушал песни в одноименной радиопередаче, поэтому, придя к себе в палату, сразу же погрузился

тоже дало толчок развитию его поэтических способностей: учитель литературы разрешил ему писать на уроках стихи вместо сочинений на заданную тему.

в чтение. Меня заинтересовала песня, начинавшаяся словами: «Как ты встретишь меня, любимая...» По приезде из санатория, позвонил своему коллеге по работе на приборном заводе УЭХК – Геннадию Филаретовичу Васильеву. Ведь это была песня, написанная им еще в годы войны...

Геннадий Васильев родился в селе Покровском Томской губернии (сейчас – это Чановский район Новосибирской области). Семья была большая, семеро детей. Вместе со старшими братьями он учил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова... В это же время в его душе стали складываться собственные стихотворные строчки. Учась в школе, в 10-м классе, редактировал школьный журнал «Юность». Стал в это же время членом краеведческой организации по изучению творчества народов Западной Сибири, что

Николай Евгеньевич Гелеверов 46 лет работал инженером-конструктором на Уральском электрохимическом комбинате (г. Новоуральск Свердловской обл.). Руководил одним из сильнейших в Минатоме общественным конструкторским бюро. Ветеран атомной энергетики и промышленности. Заслуженный путешественник России. Академик Московской международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, руководитель ее регионального отделения в Свердловской области. Живет в Новоуральске.

По совету того же учителя Геннадий после школы поступил в Московский институт истории, философии и литературы (ИФЛИ). Но вынужден был забрать свои документы из-за призыва в армию (сентябрь 1940).

Служил в войсках НКВД по охране важных государственных объектов. В годы войны эти войска охраняли эшелоны военной техники и вооружения, уходящие к линии фронта. После войны участвовал в ликвидации бандформирований на территории Украины. С 1941 по 1945 годы был внештатным корреспондентом армейской газеты «Боевой призыв».

Когда война завершилась, Геннадий Филаретович, сдав экстерном экзамен на присвоение офицерского звания, в октябре 1945 года был откомандирован в город Горький. А в июне 1946-го получил назначение в Верх-Нейвинск, где создавалась новая воинская часть. Он комплектовал книжный фонд и создавал библиотеку. Затем был назначен начальником клуба, организовал художественную самодеятельность: массовый хор, постановку одноактных пьес. Среди участников: солдаты, сержанты, офицеры и их жены.

В 1957 году, в связи с болезнью, оставил военную службу и перешел на Уральский электрохимический комбинат (УЭХК). Стал учиться заочно и после получения диплома в 1961 году работал на приборном заводе УЭХК (как и автор этих строк). Оба, не зная друг друга, попали в техотдел техниками-технологами. Затем наши пути разошлись: я перешел работать в КБ ОКБ инженером, а Геннадий Филаретович остался инженером в техотделе, затем старшим инженером-технологом по нормированию расхода материалов.

Конечно же, он всегда и очень активно участвовал в общественной жизни коллектива технического отдела и приборного завода. В стенгазете регулярно появлялись его стихи «на злобу дня»: поздравительные, лирические, юмористические, а позднее и остросатирические. Ему присвоено звание «Ветеран комбината», за долголетний добросовестный труд он награжден медалью «Ветеран труда СССР». Через всю свою жизнь этот воин, технолог высокой квалификации, пронес любовь, пожалуй, к основному делу его души – к стихам.

Среди написанного им, несомненно, выделяется «Письмо сержанта», рожденное в годы войны в госпитале, ставшее затем песней, подхваченной воинами Красной армии и донесенной ими до Берлина.

Текст этой песни, что вошел в сборник «В нашу гавань заходили корабли» (М., 1995), взят в установленном народном варианте (без указания имени автора)...

А вот полный оригинальный текст стихотворения «Письмо сержанта», взятый из книги Г. Ф. Васильева «Сборник стихов» (1999).

ПИСЬМО СЕРЖАНТА

(песня «Сибирячка»)

Как ты встретишь меня, любимая,
Если вдруг, у людей на виду,
Из сражений, огня и дыма я,
Уцелевший, к тебе приду?
Запорошенный пылью дорожною,
Я приду, на себя не похож.
Чем ты думу развеешь тревожную?
Как тогда ты ко мне подойдешь?
Или вовсе ты с места не сдвинешься,
Тихо имя мое говоря?
Или птицей на грудь мою кинешься,
Жарким пламенем в сердце горя?
Может, встретишь как гостя нежданного –
С удивлением, скукой в глазах?
Или встретишь как друга желанного
И от радости будешь в слезах?
Я хочу, чтобы ты меня встретила,
Как бывало: спокойно, без слез,
Седины чтоб моей не заметила
И морщин тех, что с фронта принес.
Чтобы встреча с тобою, желанная,
Была радостью нашей полна.
А молчанье твое очень странное:
Ведь причина разлуки – война!

Книжка стихов Г. Ф. Васильева была отпечатана в типографии Уральского электрохимического комбината благодаря усилиям Вячеслава Сергеевича Родюшкина, возглавлявшего Специальное конструкторское бюро приборного завода. Он поручил редактирование сборника, написание вступления к нему одной из ведущих поэтесс Новоуральска Нине Албычевой, «выбил» необходимую сумму денег для оплаты затрат на издание – к 50-летию УЭХК. Автор сборника подключился к делу на его последней стадии – сборке и брошюровке тиража. В сборнике, вышедшем фактически самиздатом, много стихов о месте поэта в жизни, о дружбе, об отношении к женщине, о природе.

Вячеслав ПРЫТКОВ

Фото автора

«Сеттер в стойке»: Франция, Урал, Прибалтика

Много лет назад, во время поездки из Каунаса в Ригу к родственнице матери – тете Марусе, я стал обладателем чугунной статуэтки в виде собаки. Хорошо запомнились слова дарительницы: «Возьми этого друга на память». Статуэтка была тяжелой и долго использовалась как груз при склейке каких-либо домашних изделий.

Три года назад, читая журнал «Антиквариат», я неожиданно наткнулся на статью «Свердловский чугунолитейный завод» (СЧЛЗ) с призывом: «Время собирать советское литье!» и среди многочисленных фотографий – продукции Свердловского завода художественного литья (этот завод является преемником СЧЛЗа) – обнаружил нашу, забытую всеми, статуэтку. Она, оказывается, носила название «Сеттер в стойке» и выпускалась СЧЛЗ с 1956 года. Ее пресс-форма изготавливалась на каслинской отливке конца XIX века. Оригинал скульптуры создал французский скульптор-анималист Пьер-Жюль Мен (1810–1879). Его работы из бронзы, серебра и чугуна экспонируются во многих музеях мира.

Все образцы продукции Свердловского завода художественного литья выпускались с клеймом «△△ С». Сигнатура клейма вписана в вытянутый по горизонтали ромб. И действительно, перевернув статуэтку, я обнаружил искомое клеймо. Любопытна история Свердловского чугунолитейного завода. Все началось с артели «Литейщик», занимавшейся сначала выпуском водогрейных колонок и литых деталей для печек. В 1955 году на новом литейном участке артели организовали производство художественного чугунного литья. Занимались этой

технологией главный инженер предприятия И.Г. Вагин и техник Л.А. Грачева. Тогда и появились первые статуэтки, отлитые по двум пресс-формам Каслинского машиностроительного завода: «Лошадь на выпасе» неизвестного автора и «Дон Кихот» работы французского скульптора Жана-Луи Готье. Они сразу же нашли спрос у населения и стали выпускаться массово.

В 1956 году артель «Литейщик» была преобразована

в Свердловский чугунолитейный завод (СЧЛЗ). Производство по выплавляемым моделям расширилось, возник цех художественного литья. Благодаря цеховому мастеру-умельцу В.И. Садовскому, который изготавливал отливки сложнейшей конфигурации, одновременно их прочеканивая, пошли в производство скульптуры: «Рыцарь», «Сидящая собака», «Глухарь на току», «Рыбачок», «Черт, делающий нос», наш «Сеттер в стойке», чернильницы «Крестьянин на пне», «Голова медведя». В 1957 году для создания новых моделей приглашаются скульпторы Свердловских художественных мастерских З.Г. Селиванова, А.А. Анисимов, Г.В. Петрова, В.Ф. Ермаков. Они создали целый ряд замечательных образцов.

В 1966 году СЧЛЗ получил название Свердловский завод художественного литья (СЗХЛ). Однако на отливки, изготовленные по пресс-формам до 1962 года, ставили еще старое клеймо «СЧЛЗ». С переименованием завода ставилось клеймо «△△ С» без указания года изготовления.

Со временем продукцию завода на рынке товаров народного потребления теснили более качественные и дешевые отливки Каслинского завода. В 1970 году решением Свердловского горисполкома ставшее «вредным» производство чугунного литья, к тому же располагавшееся в городе, было закрыто. Завод прекратил свое существование. Осталась неизвестной судьба 50 пресс-форм для точного литья по выплавляемым моделям.

Литератор из Каунаса (Литва) Вячеслав Прытков – давний автор «Уральского следопыта». Его краеведческие материалы журнал печатал в начале 1990-х годов. Прадед, дед и отец Вячеслава Юрьевича были родом из уральского города Оренбурга.

Валерий ЛЕНДЕНЕВ

Иллюстрации предоставлены автором

Георг Стеллер на острове Беринга

Предполагаемый портрет Г.В. Стеллера

ложение» к названному труду — хранящиеся в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук РФ. Перевод книги и всех материалов осуществила З. Д. Титова.

Весьма вероятно, что Стеллер уже в Галле знал о планировавшейся второй камчатской экспедиции.

В Санкт-Петербурге он был принят в доме архиепископа Феофана Прокоповича, имевшего прочные связи с Галле. Хорошее образование и целеустремленность открыли молодому человеку дорогу в Академию. Там он помогал ботанику Иоганну Амману и хлопотал, при поддержке архиепископа, об участии во второй камчатской экспедиции. Правительствующий Сенат удовлетворил его прошение. 7 февраля 1737 г. Стеллер подписал контракт с Академией наук, по которому он должен был участвовать в экспедиции как адъюнкт натуральной истории. В том же году он женился на вдове Даниэля Готлиба Мессершмидта, известного исследователя Северо-Восточной Азии.

Основательно изучив записки Мессершмидта и первые отчеты, поступившие от экспедиции, 24 декабря 1737 г. Стеллер вместе с живописцем Иоганном Корнелиусом Деккером отправился в путь в далекую Сибирь.

До Москвы его провожала супруга. От дальнейшего совместного путешествия Бригитта Елена

Десять лет назад в книжном издательстве «Камчатский печатный двор» вышли «Краеведческие записки» под авторским названием «Историко-этнографическое описание народов Камчатки XVIII века в трудах Г.В. Стеллера». Составила сборник петербурженка Зоя Дмитриевна Титова, доктор исторических наук.

Широкому кругу читателей представлено уникальное издание — книга, содержащая малоизвестный и забытый источник XVIII века о народах Камчатки. Это труд Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки», изданный на немецком языке в Германии в 1774 году. И две рукописи Стеллера — «Дополнение» и «При-

Валерий Сергеевич Ленденев — прямой потомок участника 2-й камчатской экспедиции (1733–1746) Якоба Линденау. Экономист по образованию, он активно изучает историю освоения Сибири в XVIII веке. Участник многих международных конференций. Его очерки печатались в «Уральском следопыте», «Тобольске», «Урале», в еженедельнике «Aus Sibirien». Живет в г. Новоуральске Свердловской области.

Шаман, вид сзади

отказалась и осталась в Москве. Раздоры между ними начались, помимо прочего, из-за ее непомерных требований денег.

Через Казань, Тобольск и Томск Стеллер добрался в декабре 1738 г. до Енисейска, где состоялась его встреча с Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелином. Они снабдили его инструкциями для дальнейшего путешествия и отправили в начале марта 1739 г. через Иркутск на Камчатку. От Енисейска и до конца поездки его сопровождали студент Алексей Горланов и живописец Иоганн Кристиан Беркхан. Но нехватка в пути продовольствия и транспортных средств на целый год задержала группу Стеллера в Иркутске.

Разлад в отношениях с женой и непредвиденные задержки чрезвычайно расстраивали эмоционального Стеллера. Вот что он написал в письме профессору Г.Ф. Миллеру: «Получил Ваше драгоценное письмо и чрезвычайно Вам признателен за открытые и дружеские предложения, но мне и самому очень досадно, что при всем моем приподнятом настроении ничего все-таки не удается сде-

лать, ибо я уже видел, как жестоко Россия меня обманула и даже надломилась, — если я не смогу из нее выехать, мне предстоит увидеть себя в Сибири окончательно сломленным, ибо если уж госпожа докторша Мессершмидт не может прожить в Москве на 300 рублей в год, да еще продав имущество ценою более 300 рублей, то я уж и не знаю, откуда же мне еще отправляться в путешествие, гораздо более тяжелое и дорогостоящее».

Профессор Г.Ф. Миллер пытался помирить Георга и Бригитту и всячески морально поддерживал Стеллера. Тот обладал непростым характером. В одном из своих писем он назвал себя «взрывной натурой». Но он был талантливым и трудолюбивым человеком, что при наличии «взрывного» поведения еще больше настраивало против него руководство Академии и многих чиновников.

Он жаловался Г. Миллеру в своем письме от 24.03.1740 г.: «... господу профессору не верят, что я денно и нощно неустанно тружусь, а напротив, выставляют меня бравым студиозусом, они же еще,

особенно господин доктор, отказывают мне в добросовестности, с которой я весь этот год работал, делают меня каким-то плутом с дурными намерениями, убогим изгнанником, и поэтому он избегает переписки прямо со мной и приказывает раструбить об этом вплоть до Камчатки, покуда в канцеляриях будут обсуждать его промемории. То-то будет славное эхо для репутации немецкой нации и всей Академии наук».

Г.Ф. Миллер в своих письмах Стеллеру корил его за несдержанность, некорректность, порой за излишнее проявление самолюбия. Стеллер отвечал профессору: «... из высказывания Вашего высокоблагородия я сделал своего рода клятву и буду стараться ей следовать: никогда и ни за что не оскорблять ближних: поверьте, больше, чем славы, я хочу иметь рассудительное сердце и работающие руки и ноги, а вовсе не наоборот: Ваши слова я считаю для себя очень полезными и значительными».

В марте Стеллер смог, наконец, выехать к Лене, Якутску и Охотску, где впервые встретился с командиром Берингом. В сентябре 1740 г. небольшая группа Стеллера переправилась на Камчатку, в Больше-рецкий острог, и начала исследование территории и населения, прежде всего ительменов (камчадалов) и коряков.

За восемь месяцев пребывания на Камчатке Стеллер изучил эту страну, провел много исследований, встреч, изучал языки местных народов. В результате этой огромной работы и появилась вышеназванная книга, изданная в 1774 г. в Германии.

А уже в середине 1741 г. Стеллера отправили в морскую экспедицию с Витусом Берингом к берегам Северо-Западной Америки. В 1742 г. вместе с оставшимися в живых членами экспедиции под командой лейтенанта Свена Вакселя он вернулся на Камчатку, где продолжал знакомиться с ее природой и населением. Уехав с Камчатки в 1744 г., Г.В. Стеллер некоторое время работал в Якутии, затем отправился в Петербург, но с дороги

был возвращен в Иркутск и подвергся аресту за то, что отпустил на свободу двенадцать камчадалов, содержащихся в Большерецком остроге за бунт и измену. Через некоторое время он был освобожден и вновь поехал в Петербург, но добрался только до Тюмени, где и умер в 1746 г. Похоронен ученый на берегу р. Тары.

Своим трудом о Камчатке Г.В. Стеллер внес значительный вклад в российскую и мировую науку. Его книга — первоисточник для изучения народов Камчатки. В ней даны не только первые в литературе описания некоторых обрядов и обычаев, но и приведены первые записи фольклорных материалов ительменов. Г. В. Стеллер первым подал голос в защиту сибирских народов — писал донесения в Сенат о тяжелом положении аборигенов, их большой смертности, указывая на злоупотребления, какие чинили царские чиновники и казаки. На примере ительменов, одного из самых отдаленных сибирских народов, он видел возможность приобщения аборигенов к культуре и цивилизации.

Труды Стеллера содержат 13 иллюстраций по рисункам художника И.Х. Беркхана, который входил в его группу на Камчатке в 1740 году.

Исследователи, изучая оказавшиеся в их руках рисунки-первоисточники, надеются и пытаются обнаружить на них изображения самого Стеллера. Так, в его записной книжке есть рисунок «стеллеровой коровы», которую ученый и описал в своих трудах. На туше «коровы» изображен человек, измеряющий это исчезнувшее ныне животное. Тюмонец В.Е. Копылов в своей книге «Окрик памяти» (книга первая) предположил, что в центре рисунка Стеллер изобразил самого себя.

Это весьма логично. На необитаемом острове Беринга потерпевшие кораблекрушение, отчаявшиеся люди, для которых «корова» представляла ценность прежде всего как большой запас еды, не стали бы измерять животное. Это мог делать только настоящий ученый, целеустремленный и ответственный, каким и был Георг Стеллер.

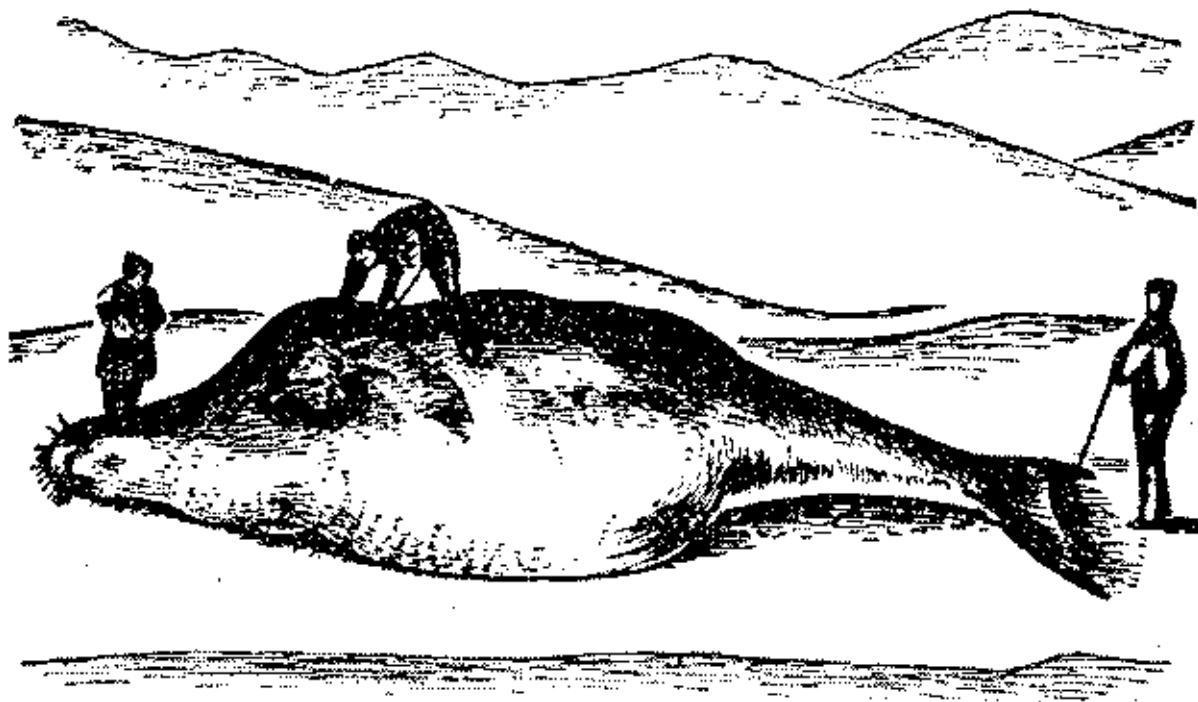
Мое внимание привлекли два рисунка с изображением шамана: «вид сбоку» и «вид сзади». На рисунке «Шаман сзади» изображен человек с монгольской внешностью, с прической шамана.

Можно предположить, что обычный представитель племени не посмел бы придавать себе шаманский вид. В те времена он мог за это поплатиться жизнью. На рисунке действительно шаман. Но лицо шамана изображать было нельзя.

На рисунке «Шаман сбоку» мы видим «шамана» с лицом европейца. Ничто не напоминает в нем человека с первого рисунка. По этому поводу я консультировался со специалистом из «судебно-медицинской экспертизы», с художниками-портретистами. Ответ был однозначен: это европеец, причем, вероятнее всего, он не славянин.

Группа Г.Стеллера на Камчатке состояла из трех человек: Г. Стеллер, И. Беркхан и А. Горланов. Из них троих только Г. Стеллер мог позволить себе нарядиться в шаманский костюм.

Новоуральский художник Александр Макаров «одел» «шамана сбоку» в камзол, галстук и парик тех времен, и получился предполагаемый портрет Георга Вильгельма Стеллера.

Стеллерова корова по зарисовке ученого в его записной книжке, остров Беринга, 1742 г., в центре рисунка Стеллер по предположению изобразил самого себя за исследованием туши животного

Владимир ТРУСОВ

Фото автора

Новая находка птицеидолов

Летом 2009 года в нескольких километрах от Чертова Городища житель Екатеринбурга обнаружил фигурки птицеидолов. Еще один снимок сделан в краеведческом музее Центра детского творчества Первоуральска (Руководитель З. П. Мехонцева). Когда и откуда в музей появились птицеидолы – неизвестно.

Обратимся к книге В. Д. Викторовой «Древние Угры в лесах Урала» (Екатеринбург, 2008): «В раннем железном веке, когда в степи и лесостепи Урала скотоводы с подвижным образом жизни продолжали хоронить своих сородичей в курганах, а в Приуралье появились грунтовые могильники, в Среднем и Северном Зауралье устойчиво сохранялась прежняя традиция одиночных погребений.

С определенной долей достоверности можно предполагать погребение по способу кремации (к сожалению, кальцинированные косточки не определены) на юго-западной площадке острова Каменные палатки. Косточки лежали на двух линзах прокала. В первой, наиболее крупной линзе они сопровождалась медным наконечником стрелы, фрагментом булавы и половиной сосуда иткульского типа. Кальцинированные косточки второй линзы находками не сопровождалась (жертвоприношение?).

Есть основания предполагать, что в тот период у населения горно-лесного Зауралья, как и в Западной Сибири, зарождалась традиция изготовления изделий, вмещающих душу умершего. Но если в районе Западной Сибири эти изделия были представлены

преимущественно антропоморфной пластикой, то для уральского населения были характерны иные вместилища душ умерших. В горно-лесной зоне – ареале иткульских металлургов – на вершинах гор захоронены вместилища душ в виде медных фигурок хищных птиц. В местах обитания северных охотников и рыбаков эту же функцию выполняли антропоморфные изображения с фигурами хищных ночных птиц на голове» (с. 41).

С находками птицеидолов можно познакомиться и в статье Ю. П. Чемякина «Случайная находка в окрестностях Коркино» («Пятые Берсовские чтения», Екатеринбург, 2006). К статье прилагаются семьдесят девять рисунков птицеидолов. Думаю, что и новые изображения птицевидных идолов войдут в коллекцию орнитоморфной металлопластики.

В окрестностях Екатеринбурга уже найдено более двухсот дольменов. Это сооружения из гранита, тоже охраняющие души умерших. Археологи исследовали несколько дольменов. Перед дольменом или внутри его зафиксированы остатки кострища в виде прокала и угольков, содержащего также и мелкие кальцинированные косточки.

Исследования дольменов Среднего Урала ведутся с 2001 года. Наверное, правильное было бы вести одновременное изучение дольменов, птицеидолов и каменных жертвениц на вершинах гор.

Владимир Александрович Трусов – автор более 150 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

Творческие мастерские на базе отдыха «Хрустальная»

Иногда хочется сделать что-то своими руками, выразить свою фантазию и вложить в это что-то кусочек души, а потом с гордостью всем рассказывать — это сделал я. Психологи утверждают, что в каждом из нас живет художник, творец. Возможность созидать что-либо очень благотворно влияет на психику человека, оказывая успокаивающее действие. В медицине даже существует понятие — «арт-терапия».

В настоящее время пройти курс «арт-терапии» может каждый желающий, совместив активный отдых на базе отдыха «Хрустальная» с творческими начинаниями. Мы организуем для Вас мастер-классы по лепке из глины, декупажу, рисованию в технике «батик» по ткани (как индивидуальные (1–2 человека), так и групповые (до 15 чел)).

Наибольшей популярностью среди гостей базы отдыха «Хрустальная» пользуется мастер-класс по лепке из глины. Психологи считают, что глина восприимчива к эмоциям человека, и в процессе лепки Вы можете избавиться от агрессии, гнева, отрицательных эмоций, переживаний. Во многих случаях процесс «вылепливания» снижает внутреннее сопротивление и дает возможность увидеть решение. Лепка из глины развивает творческое мышление, меняет отношение к себе и окружающему миру.

Кроме того, Вы получаете возможность поработать под руководством профессионала — мастер-классы проводит Юлия Гармонина — профессиональный художник, выпускница Екатеринбургского художественного училища им. Шадра, член Союза художников г. Екатеринбурга. Юлия регулярно принимает участие в международных, всероссийских, региональных и областных выставках. Работы Юлии Гармониной «Лесная сказка» и «Ожившая гравюра» стали лауреатами выставок-конкурсов «Мой край родной» (1999) и «Искусство и бизнес» (2002). Работы Юлии Гармониной находятся в частном музее глиняной игрушки

(Италия), в частных коллекциях Германии, Франции, Италии, Украины и России.

Гости, посещающие мастер-классы на базе отдыха «Хрустальная» на постоянной основе (1 раз в неделю), уже радуют себя и своих близких замечательными работами.

Приглашаем Вас на базу отдыха «Хрустальная» совместить процесс оздоровления своего организма (активный отдых на свежем воздухе, посещение бассейна с артезианской водой, релакс-центра с массажами и косметологическими процедурами) с открытием в себе творческого начала!

Подробную информацию
Вы можете получить на сайте базы:
www.базахрустальная.рф
или в службе бронирования:
(343) 213-76-16, 213-76-26

Илья ТЁ

Аврора

Я сел в аппарат, пристегнулся, пошевелил на голове гермошлем и помахал рукой техникам. Румын, который залез в аппарат чуть раньше, сидел слева, причем совершенно неподвижно. Когда я посмотрел на него, лицо напарника показалось абсолютно белым, почти матовым — словно мел или пена на молоке. Конечно, это был обман зрения, эффект от яркого света, заливающего площадку из жерл сотен прожекторов.

— Как ощущения? — спросил я, решив поддержать товарища перед новым рабочим днем.

— Нормально, Ромик, — ответил он очень тихо и, в общем, без сильной дрожи. Однако голос румына при этом был хриплый, какой-то сдавленный, и я догадался, что мой бесценный напарник почти наделал в штаны. Страх окутывал его, плыл внутри, обтекал снаружи, сочился паром из пор.

Тем временем, аппарат зацепили крючком транспортера и потащили по рельсам вниз, на стартовую площадку. Я видел это множество раз, поэтому не смотрел. Спустя минут двадцать — встали. Транспортёр медленно отвалил, и мы с румыном, как всегда перед стартом, оказались сами с собой и друг с другом: два комка плоти в железной банке, с парашютами за спиной. Потенциальные трупы — вместе и вроде врозь. С ощущением близкой смерти каждый сражается в одиночестве. С ужасом, танцующим в сердце, каждый вальсирует сам.

В этот короткий момент, ничтожное мгновение передышки, когда руки и голова не заняты делом, а только лишь ожиданием, мне стало действительно страшно. Чтобы сдержать в руках дрожь, я ткнул румына кулаком в бок, поскольку в пристегнутом положении не дотягивался ему до плеча. И весело прокричал сквозь нарастающий гул ракетносителя:

— А что, Аврора, у себя в Бухаресте ты, небось, не прыгал с такой высоты?

— Пошел ты, Ромик, — проорал мне Аврора, среагировав на шутку именно так, как положено. — Я молдованин, а не румын. А ты что, прыгал с такой высоты в своей паршивой Вологде?

— Бывало.

— Гонишь, Рома, — искренне возмутился он, — твой «яшка» и близко не дотянет до стратосферы!

Рассмеявшись в ответ, я лишь глубоко вздохнул. Конечно, это был треп. «Яки» и «Миги», на которых нам доводилось гонять, казались бумажными самолетиками

по сравнению с тем чудовищем, что должно было отринуть нас сейчас от земли. С такой высоты я не прыгал никогда прежде. И очень возможно — не прыгну никогда более.

Гул, тем временем, достиг своего наивысшего пика — своей свистящей, разрезающей уши, заключительной ноты, такой знакомой мне по прошлым прыжкам. И это значило — у нас с Авророй счет пошел уже на мгновения.

— Значит, так, — проорал в гермошлеме чуть слышимый голос руководителя ЦУП. — К старту готовы? Прекрасно. Напоминаю еще раз. Аппарат пойдет в небо на автомате. Вам нужно только пережить перегрузку и не сдохнуть раньше, чем я велю. Как только пройдете уровень стратосферы, датчик высоты выдаст сигнал. Автоматически. После этого вы вручную срываете люк и по очереди, я повторяю, по очереди, выпрыгиваете с парашютом. Примерно минуту идете в свободном падении, затем раскроется парашют, и скорость падения начнет замедляться. Цель задания, таким образом, — подняться на сто километров, прыгнуть и приземлиться в заданной точке живыми. Вы слышите, черти? В заданной точке ЖИВЫМИ — это приказ! Голованы из расчетного подсчитали, что падать из космоса каждый из вас будет примерно семь с половиной минут. Вы уж их как-нибудь переживите, а то у нас мало осталось нормальных парашютистов. Вопросы есть?

— Семен Палыч, — подал голос Аврора, пытаюсь шуткою, как и я, отогнать липкий холод от немеющих в ужасе позвонков, — а вот ежели мы из космоса будем падать, так, может, мы теперь космонавты? И по звезде вручат, аки Гагарину?

— Хрен ты, а не космонавт, рожа молдованская, — просипел в гермошлеме ЦУП. — Вы из космоса будете именно падать, а вовсе там не летать. В минобороны нужно точно знать, с какой высоты бойцы могут прыгать с парашютом, десантируясь на вражескую территорию, и с какой не могут. Орать об этом по всем каналам никто не станет. Понятно вам, товарищи испытатели?

— Так точно, товарищ генерал-майор!

— Да вы не волнуйтесь, — смягчился вдруг грозный голос в наушниках, — с таким опытом прыжков, как у вас, пролетите как мухи, ей богу. Ромик, ты че молчишь?

— А у меня нет вопросов, товарищ генерал-майор. Партия сказала «надо», комсомол ответил...

Те Илья Борисович родился 4 декабря 1975 г. во Владивостоке. Среднюю школу окончил с серебряной медалью. В 1998 г. окончил юридический факультет Дальневосточного государственного университета. С 2002 года работает генеральным директором ООО «Красный Мамонт». Автор нескольких фантастических романов, вышедших в «Ленинградском издательстве».

— Все! — отрубил генерал. — Валяйте, черти, время на старт.

В следующую секунду он отключился, аппарат дрогнул всем своим стальным телом, как будто загнанное животное от заряда картечи в бок, и мы с Авророй действительно стали «валять», вернее валяться на своих креслах, со скрипом сжимая зубы, чтобы не заорать. Окружающий воздух вдруг стал массивнее чугуна, нечто ужасное вдавило меня в жесткое стартовое сиденье, будто втоптал в него сапогом. Один техник рассказывал мне, что технология таких стартов не отработана, все оборудование — экспериментальное, и перегрузки рассчитаны лишь приблизительно и примерно. Это потом, спустя месяцы, космонавты будут махать руками в телевизионные камеры и улыбаться Стране Советов. А чтоб они улыбались, есть мы — безумные крысы для опытов и для рывков.

Где-то слева Аврора смеется от предвкушения подвига или стенает от раздирающей ребра боли — я не могу разобрать. Наверняка смеется, ведь от боли он не кричит никогда. И только красная, жуткая, почти кумачового цвета кровь, такая яркая в заливающих мир лучах света, плещет из его носа жирными кривыми потоками.

Мы поднимаемся вверх. Сначала медленно, затем быстрее и быстрее. Иллюминаторов нет, они нам и не нужны. Мы с Авророй старые птицы, и сверлили собой небеса уже больше тысячи раз. Скажу вам — нечего там смотреть. Смотрите вниз, на земле. Я опускаю веки, и лица жены и дочери проплывают передо мной. Сегодня, как и всегда, семья не хотела меня отпускать. Но я опять отшутился: мол, что вы, обычный рабочий день. «Сегодня прыгаешь?» — спросила меня жена, как будто чувствуя мой подсознательный, тщательно скрытый, подавленный волей страх. «Всегда!» — подмигнул ей я и в губы поцеловал.

Кровь скользит по губам Авроры, а из жерл ракетоносителя вниз исторгается пламя. От нас сейчас ничего не зависит, думаем мы. Думаем вместе, одновременно — мой верный Аврора и я. Поднимемся — хорошо, но если что-то сорвется, то сдохнем наверняка. Из стратосферы нет выхода, кроме того, которым мы попытаемся сейчас спасти свои жизни. Вот это и есть наша вера, наш гимн, наш священный догмат. Если выживем, будем жить, а если не выживем — к черту! «Фатализм? Стоицизм? Мистицизм?» — часто спрашивают меня на земле. О нет, отвечаю им, это всего лишь привычка.

Наконец, датчик щелкает, и я открываю глаза. Связи с ЦУПом нет на такой высоте, да и не о чем говорить: «Вручную срываете люк, приземляетесь в заданной точке!»

Я отстегиваю ремни, тело парит над сиденьем. Вокруг уже царит невесомость. Аврора кивает — давай! Я подплываю к крышке и, зацепившись ногами за встроенные уступы, выворачиваю рычаг до упора. Крышка внезапно срывается, и бешеный рывок воздуха выстреливает мной из кабины...

Спустя секунду я вновь открываю глаза. Шлем заливает рвота, затылок ужасно саднит. Там, внизу, кто-то сделал маленькую ошибку — это ясно теперь как день. Очень глупо так умирать, решаю я, и пытаюсь осмотреться вокруг.

Мир неистово вертится, обегая мой шлем по кругу, однако повсюду я вижу одно и то же — куски и части бездонных, серых, безграничных, враждебных небес. Они сливаются в моих глазах в сплошной стеклянный неистово закрученный калейдоскоп. Земли не видно, но через семь с половиной минут она врежется в меня как снаряд — это единственное, что я знаю наверняка. Ужасно саднит рука, видимо, сломана рывком ветра. Она не слушается меня, и каждое движение мускулов отдает жутким спазмом по всему телу, как будто уколom шпильки отдаваясь в самом мозгу.

Жутким усилием я концентрируюсь и заставляю конечности повиноваться почти безумевшей воле. Я выпрямляюсь в стойку ныряльщика, и мельтешение мира медленно замедляется, сменяясь стремительным, но все же плавным скольжением сквозь толщи облачной рвани.

Но температура растет. Воздух бешено трет мне бока. Кажется, я весь горю, словно грешник в глубине преисподней. Я поднимаю взгляд вверх, но замираюсь почти сразу — ноги окутаны алым маревом. Они сыплют искрами, как крутящаяся стальная фреза.

Всего семь с половиной минут, успокаиваю я себя. Господь Всемогущий, пусть скафандр мой выдержит это!

И вот, наконец, впереди показывается земля. Она падает мне на голову резко, будто прыгнув из-за угла. Туман облаков расступается, и твердь рушится на меня тысячетонной стеной...

Следует страшный рывок — это раскрывается парашют.

Я не сдерживаюсь и кричу от нечеловеческой боли. Мне кажется, позвоночник мой порван, плечи вывернуты наизнанку, а сломанная рука падает вниз отдельно от остального меня.

Удар!!!

Когда сознание возвращается, я слышу, как жужжит вертолет.

Семен Палыч склоняется надо мной.

— Жив, жив! — причитает он. — Молодчина, Ромик, какой же ты молодчина!

Сильные руки медиков срывают с меня тесный шлем, и плотная, остывшая рвота, медленно сползает по моей шее и моим бледным щекам. Из опыта я понимаю, что прошел уже как минимум час. Я лежу на земле, все еще привязанный к парашюту, не чувствуя обваренных ног. От обугленных стоп цвета сажи простирается борозда — это след от моей посадки... А вокруг простирается степь. Ковыль шевелится как вода волна за волной, бурунами и валами.

— Что Аврора? — хрипит мое горло.

Генерал мрачно качает седой головой.

— Мертв, — отвечает он твердо. — Мои головы ошнблись. Сила воздушной пробки оказалась выше расчетной. А может, давление на такой высоте было сегодня другим. Мы думаем, что при выходе из аппарата он ударился головой о проем. Компенсаторы выдержали, конечно, ведь удар был не сильным. Но в стекле гермошлема мы нашли микротрещину, толщиной с человеческий волос. Аврора умер мгновенно, как только разряженный воздух коснулся его лица.

Я киваю. Я все понимаю. Обычный рабочий день.

* * *

Спустя тридцать лет, рано утром, когда тьма еще правит, но уже готовится отступить, я выхожу на крыльцо своей старой хрущевки в Вологде и гляжу в черные, бездонные небеса. Сейчас там пусто и тихо, как в глинобитном колодце среди выжженной джезказганской пустыни. Звезд нет — они уже не горят. Ладонью, испещренной морщинами, я провожу по пергаментной лысине и остаткам седых волос.

Полуслепые глаза мои отрываются от небес и опускаются вниз, к земле. Они смотрят вокруг — на окружающий меня глупый, светливый, копошащийся в грязи мир.

Мимо проскальзывает дочь. Красавица, если подумать. Она презрительно смотрит на меня — старого инвалида с ничтожной пенсией, и садится в угловатую иномарку, которая увозит ее в Москву.

Там, в Москве, полгода назад какой-то подонок объявил о развале Союза. И в благодатной Молдавии, где похоронен мой бесстрашный Аврора, сейчас другая страна. В каком-то смысле повезло только нашему генералу — он скончался с инфарктом точно в восемьдесят шестом...

Зачем мы делали это, размышляю я иногда? Взяли державу, верили, не жалели здоровья, молодости, семейного счастья и даже жизни самой? Ради этого —

нищих пенсий, убогих квартирок и подержанных иномарок, увозящих от нас дочерей?

О нет, говорю я себе, мы делали это ради совершенно иного. Великого, злого, страстного. Не имеющего меры или цены!

На груди моей, на лацкане старого пиджака, качается маленькая звезда. Золотая звезда, врученная мне моим Советским Союзом. Ничтожный кусок металла... Благодарность огромной нации одному из своих бесчисленных, забытых ныне героев!

Я вновь поднимаю голову и гляжу в небо сильным, открытым взглядом. Врешь, говорю я во тьму, одна звезда все же есть! И снова смеюсь — как всегда, перед стартом на космодроме. Мне уже семьдесят пять, и очень скоро моя звезда поднимется в небеса в свой самый последний раз. Поднимется, чтобы не упасть никогда.

И пусть мои руки дрожат, а глаза слезятся, я верю — моя Родина выстоит. И вслед за мной и Авророй в это бездонное небо придут другие — бесстрашные, крепкие, молодые. Они будут искать и строить. Не из корысти, не ради убогой сытости. А только ... из жажды неба. И, конечно, — для жажды Земли!

На горизонте медленно разгорается новый, почти кумачовый рассвет. Он очень ярок и красен — как цвет старого, настоящего флага.

Я гляжу на эту алую зарю и улыбаюсь.

Аврора, жди меня, шепчу я одними губами.

Я иду к тебе. Я иду.

Издательский дом «Уральский следопыт»
представляет журнал

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Шины для бездорожья.

Возможен ли въездной охотничий туризм на Урале?

На краю

Я нащупал внутри себя новое чувство. Потрогал, приняхался, облизал, как карамельку, и внутренним взглядом с какого-то хитрого ракурса вычитал: «Стр...».

— Fear, — опередил сознание осколок англоязычного бессознательного, оставшийся с прошлого раза. — Frightened you are!

И засмеялся этаким злодейским смехом, размеренным, медленным и понятным повсемучно, даже дуближа не потребовалось:

— Ха. Ха. Ха.

При ближайшем рассмотрении причина подобно веселья стала ясна. Уж больно у страха оказался своеобразный психологический подтекст и нелепый поведенческий инструментарий. На какое-то время он меня занял. Потом пришла пора выглянуть наружу.

Я открыл глаза и обнаружил, что лежу в ванной. Свет проникал только через мутное стекло под потолком, но даже при таком скудном освещении вырисовывалась картина явного запустения: ржавые трубы, текущие краны, обвалившаяся местами со стен и треснувшая плитка.

Отнюдь не страдая излишней брезгливостью, я, тем не менее, не стал оценивать степень чистоты воды, в которой находился. И покинул ее с максимально возможным проворством. Прощлепал, оставляя мокрые следы, до двери. Та возмущенно захрустела хлопьями облупившейся краски, но отворилась.

Вздыбленный паркет на полу, заколоченные крест накрест окна с выбитыми стеклами. Длинный коридор, сорванные с петель двери. И, как обычно, никого. Капли с мокрой одежды падали вниз, крошечные звуки разбегались по сторонам, юрко ввинчиваясь во все углы. Я прислушался. Да, в пределах дома — судя по эху, этажа два, не меньше, комнат с десяток — точно никого живого.

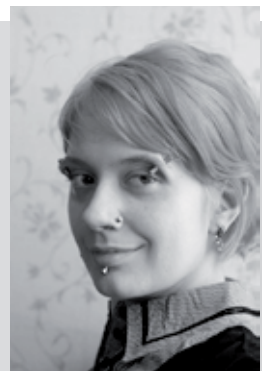
Выглянул в окно. Снаружи дом оказался грязно-желтым, стоящим в стороне от остальных зданий. Вниз, почти сразу же от стен, срывался поросший бурьяном склон — пара тропинок, три мусорных кучи, сиротливо торчащие группки деревьев. От его подножья, как, впрочем, я и ожидал, тянулись в разные стороны линии схемы. А чуть дальше плескалось серое, с островками коричневых водорослей, грязное, но все же правильно пахнущее отраженным в нем небом море.

Надпись над подъездом «дом с привЕдениями» — кривыми красными буквами — наводила на мысль, что визиты вежливости к соседям можно отложить. Да что там — вообще не совершать. Тем более, что соседей вокруг не наблюдалось. Или таковыми следовало признать всю людскую массу из многоэтажных кирпичных муравейников, торчащих чуть поодаль? Вряд ли.

Я вздохнул с облегчением: дом не нужно приводить в порядок целиком. Обжить пару комнат, оборудовать угол для хранения еды, выдраить ванную, поплотнее закрыть окна, чтобы не привлечь случайно внимание охотников вышеупомянутыми привидениями. За пару дней управлюсь, заодно осмотруюсь и пойму, куда меня на этот раз забросило.

В поисках забегаловки, где обычно и начинается главное действие, я прочесывал окрестности довольно долго, почти неделю. Одни не подходили в силу скудного ассортимента, в других отсутствовал хрестоматийный элемент — барная стойка, третьи не обладали должной атмосферой. Я понемногу начинал нервничать и все чаще, воровато оглядываясь — что самое смешное, от себя же скрывался, больше не от кого — спускался по склону холма и вглядывался в схему.

Александра Давыдова, родилась в Ростове-на-Дону, с 2010 года живет в Екатеринбурге. По образованию — филолог (специальность — теория литературы). Перепробовала на себе массу профессий: от преподавателя английского до бармена и от промоутера до директора по развитию. Сейчас занимается разработкой и продвижением игровых проектов (например, Questoria.ru). Фантастику начала писать в 2008 году. Рассказы публиковались в журнале «Реальность фантастики», в сборниках издательства «Снежный ком», в сборнике «Завтра не будет луны» по результатам Роскон-Грелки 2010 года. В соавторстве с Виктором Колюжником (рассказ «Ничья победа») печаталась в журнале «Если». Любимые жанры — киберпанк и социальная фантастика.

Линии все еще были слабыми, любой легкий ветерок сдувал их в сторону, а пролетающая паутинка разрывала «на ура». Но схема уже твердо застолбила здесь свой центр, свернувшись лохматым клубком под боком у спящего моря. Она не определилась еще в точном сценарии, не желала показывать мне точку отсчета, не позволяла определить пока что масштабы грядущего действия, но четко давала понять — хотя бы самим фактом моего появления — здесь. И точка.

На одного из «актеров» я натолкнулся случайно. Вдоль длинного прилавка стояла длиннющая очередь в кассу — еще бы, кафе «Красный мак», пирожные не дороже десятки за штуку, а за пятьдесят рублей можно фактически полноценно пообедать. Я уже протягивал купюру, когда на самой грани бессознательного, каким-то органом, находящимся приблизительно между интуицией и пятой точкой, почувствовал сзади отрицательное поле.

Сначала звонко грохнула входная дверь. Потом раздался возмущенный мям местного пушистого прикормыша. Если учесть, что сопровождался он звуковым эффектом пинка, то неудивительно — сердобольные тетеньки в очереди возмущенно загудели. Я медленно обернулся.

Еще бы, он всегда появлялся эффектно. С криковой улыбкой выступал из темноты. Запрыгивал на эшафот, расталкивая своих подручных, и сам хватался за топор. С тяжелым звоном распахивал массивные створки замковых ворот. Пинком выбивал дверь салуна. Отрицательный герой всегда приходит с пафосом. Иного ему не положено.

Очередь за клубилась, изменив своей обреченной линейности, самые яркие любители животных заголосили и стали наступать на возмутителя спокойствия. Ошалевший Мурзик плялил из-под стола, вылизывая перебитую лапу. Антигерой, не ожидавший такого эффекта от случайного столкновения ноги с животным, под нее попавшим, пятился к выходу.

Когда он спешно покинул «поле боя», решил не связываться со сторонниками гуманизма, я вышел за ним. Прошел пешком до местного университета. Незаметно проводил товарища до аудитории, выяснил номер группы, тем же вечером пораскинул мозгами, разложив их по полочкам, утром пообщался с его одноклассниками, представившись социальным работником. В конце концов, еще не овладев знаменитой дедукцией, пару веков назад я и не такие «страшные» тайны хоть из-под земли вытаскивал. Вскоре деталей и зацепок вполне хватало, чтобы начать действовать.

Вилга Андрей, восемьдесят пятого года рождения, студент Таганрогского радиотехнического

университета, тихий, немного странный троечник. Носит широкополую шляпу, неплохо рисует, ничем особым не выделяется. Сейчас находится в ссоре со своим бывшим другом. Не сошлись во мнении по каким-то идейным соображениям. Недавно сильно повздорились.

Друга я отыскал через три дня. Направление работы оказалось верным: именно Олег претендовал на роль положительного героя. Полностью оправданные родительские ожидания в виде отличной учебы, ни одного плохого отзыва со стороны соседей и знакомых, активист, лидер и кандидат в мастера спорта по айкидо. Славится своей искренностью и бесстрашием.

На этом месте я и споткнулся.

Когда маятник судьбы выкидывает меня в центре, я всегда знаю, что на моей стороне. Шериф в пыльном городке длиной в одну улицу, являющийся центром общественной жизни на десятки миль в округе. Советник для полководца огромной армии. Сыщик — гарант раскрытия самых запутанных преступлений в Лондоне и его пригородах. Закон и порядок. Наказать виновных, спасти невинных, реабилитировать справедливость. Помочь хорошему герою победить злого во имя добра и прочих социально признанных ценностей.

В таких случаях зло может быть многоликим и сильным, но положительный персонаж всегда одерживает верх. Вы никогда не задумывались, почему? Потому что на помощь к инспектору Лестрейду, чтобы сохранить порядок в городе, или к Закрывающему Джеку, чтобы сохранить баланс в Игре, приходит Шерлок Холмс. Удалому ковбою способствует в его борьбе против непотребств дебоширов шериф. А за спиной Александра Македонского стоит его наставник, Аристотель. Одерживаются победы в сражениях, выигрываются схватки, удачно заканчиваются перестрелки. Закон и логика развития истории — или просто событий — берут свое. Никаких глобальных потрясений и изменений.

Но совсем другое дело — когда маятник высаживает меня на краю. Ни войн, ни революций, ни массовых движений. Личное. Внутреннее. Спор родственников. Непонимание друзей. Ссора возлюбленных. Маленький круг, никаких «чужих». И я — непрошенный советчик. Каждый такой раз получаю новый подарок от судьбы — чувство, ощущение, свойство — и именно его нужно «отдать» хорошему герою как оружие против злого. И в такой момент я чувствую себя канатоходцем с завязанными глазами.

Не только из-за того, что чувство это и для меня в новинку — теоретически осознаю его, объяснить могу, но понять в полной мере — нет.

Но и потому, что, возвращаясь в следующий раз, я вижу, как ломается мир. Как ощущение, подаренное одному, убивает его же и волной выплескивается, заливая не то что города — страны и континенты, от океана до океана.

Показать слишком драчливому сыну плотника из Назарета, как можно покорно подставлять щеку под удар, вместо того, чтобы давать сдачи. Научить маленькую забитую и скромную девочку из французской деревни верить в Бога и свое предназначение. Рассказать слишком мягкосердечному Владу о том, что в некоторых случаях бывает нужна жестокость.

А потом вернуться в этот мир и узнать, что из твоего поучения выросла религия. Героическая легенда. Новая сказка — например, о жестоком вампире. Причем и то, и другое, и третье — на все времена. Раньше о них рифмоплетствовали поэты и брэнчали менестрели, теперь — над вложенными в их антуражный видеоряд миллионами охают и ахают кинозалы по всему миру.

Маятник в центре — царит равновесие, закон и порядок предсказуемы. Маятник с краю — мир слепо шагает по краю пропасти, покорно ведомый мной за веревочку. Только и я — с завязанными глазами. Хотя никогда особо не любил Брейгеля.

А что будет, если подарить человечеству то, что мне досталось в этот раз? Страх — такой, из которого вырастет химера уровня христианской религии или легенды о Жанне Д`Арк?..

Одна силовая линия тянулась к морю, за океаном, в будущее. Другая держалась за старый дом — раньше с «привЕдениями», теперь со мной. За стандартную декорацию для фильма ужасов. За фабрику по пробуждению страха. Остальные две — за бывших друзей: Андрея, которого стоило бы бояться, и Олега, который не умел этого делать. Я уже начинал видеть, правда, еще с помехами, как на старой киноплёнке, дальнейший ход «спектакля». Встреча молодых людей для объяснения вечером, в пустынном месте, рядом с заброшенным домом почти на берегу моря. Разговор глухих. Один, считающий собеседника абсолютно нормальным. И второй, давно, незаметно для остальных погрузившийся в пучину скрытой шизофрении, безумных видений, с затуманенным мозгом, с неизвестно где раздобытым пистолетом за пазухой. Что стоит жертве хотя бы насторожиться, самой сделать шаг назад, без моей помощи убежать или вернуться? Тогда бы и вмешательство не понадобилось...

Но нет, на краю спасает не разум. Не уверенность в том, что все нормально. Не рассудочность и не законность. Только эмоция, вера или чувство помогают победить, когда ты на краю. Таковы правила игры. В «глухой провинции» мещетковых трагедий правит иррацио.

Всего-то: достать из себя бережно обдуманый, отполированный размышлениями и сомнениями страх, положить в сердце схемы. Пойти вечером в бар, дожидаться, пока за стойку рядом с тобой присядет положительный герой (перед предстоящим нелегким разговором решил выпить кружечку пива, что ж такого?). Встретиться с ним глазами, прищуриться, бросить, как монету на стол, округло-острое «бойся», встать и уйти.

Шериф сделал свое дело, миссия выполнена. Злой герой не застрелит доброго, потому что тот не будет верить в его нормальность до последнего, а вовремя увернется и убежит. Harry End, я лягу в ванну с теплой водой — откуда пришел — и закрою глаза.

Только в каком свете я вновь проснусь? В том, где науку ужаса преподают в школе? Или там, где не останется ни комедий, ни веры в то, что «все будет хорошо»? В цивилизации, где наивысшая мера страха признана величайшей ценностью?

И — главное — что будет являться в таком мире залогом добра и законности? Что-то мне подсказывает, что вовсе не гуманизм, мужество или отсутствие состава преступления.

С другой стороны, от начала времен я ни разу не отступил от своей миссии. Добрый герой должен победить злого или хотя бы не пасть от его рук. Я должен кинуть из будки суфлера свою реплику, которая в корне изменит спектакль.

Если выпустить из рук поводок, на котором я веду судьбу человечества вот уже тысячи лет, не приведет ли это к полному краху, по сравнению с которым глобальное преклонение перед страхом покажется детскими играми в песочнице? Или я всего лишь один из поводырей, и дезертирство окажется незамеченным?..

...

Олег заказал «Крушовице», темное. В любимом баре былолюдно и накурено, свободных мест совсем не наблюдалось — а, нет, обнаружилось одно в углу за стойкой, рядом с бледным невзрачным типом, никогда его здесь не видел. Олег сел, обхватил кружку ладонями и задумался о предстоящей встрече. Он поговорит с товарищем, убедит того в своей правоте, потом придет домой, выпьет чашечку кофе и засядет за дипломный проект...

Его сосед вздохнул, полез дрожащей рукой в карман, нашарил там монету, уронил на стойку и подслеповато взгляделся — какой стороной та упала.

— Гадаете? — спросил бармен для поддержания атмосферы дружелюбного интереса.

— Choose fear or freedom, — усмехнулся тот в ответ и...

Алена ДАШУК

Коммуналка

(Рассказ – победитель 20-го конкурса «Мини-проза», 2010 год)

Из темноты бесконечно длинного узкого коридора донеслись лязг и шарканье – ба-бах, ширк-ширк, ба-бах, ширк-ширк. Возящийся у плиты Иннокентий поморщился. Приближающиеся звуки пахли дряхлостью и медленным умиранием – так, во всяком случае, ему казалось с тех пор, как восставший после второго инсульта дед Василь стал бродить по квартире, опираясь на ходунки. Ноги старику служить отказывались, и он передвигался по коммуналке подобно биотехническому монстру, навсегда соединившему в себе плоть и металл. Вцепится трясущимися руками в подпорку и подтаскивает к ней свое полуживое тело; снова приподнимет легкую конструкцию, бахнет ею об пол – и опять следом тянется. От этого зрелища Иннокентия охватывал брезгливый ужас. Нет, он бы так жить не смог! А дед ничего, пыхтит. Только заслышит, на кухню кто вышел – тащится со своей колымагой. Поговорить ему, видишь ли, требуется. Доконал!

Хмурясь, Иннокентий поставил на конфорку сковороду. Улизнуть не удастся. Вера с детьми подались в деревню, так что кухонных забот не миновать. Как и нытья не в меру общительного соседа.

Пока жарилась яичница с ветчиной, дед Василь доковылял до кухни.

– Здоров, – просипел трудно, с присвистом.

– И тебе не хворать, – приветствие прозвучало как издевка. Иннокентий отвернулся.

За спиной послышался весь царапающий слух набор: ба-бах, ширк-ширк, ба-бах, ширк-ширк. Затем облегченный вздох – старик добрался до табурета.

– Чайку-то со мной, а? – голос деда звучал заискивающе. – А, ежели че, то и... того... вчера пенсию принесли...

– Не, дед, пить не буду. Вечером к своим еду. Верка унюхает... Ну, сам знаешь.

– Зна-а-аю! – старик махнул изуродованной артритными шишками рукой. – Сердитая она у тебя. Моя вот тоже... это самое... не одобряла. Царствие ей небесное. М-да... Ну, так чайничек-то поставишь? Угощу хоть так. Пенсия, говорю... И... это... разговор имеется.

Дед потупился – понимал, вечно куда-то спешащей молодежи его болтовня хуже горькой редьки. Иннокентий поежился. О чем будет говорить старик, знал наперед – Пашка-Сивый. Подхватить бы сейчас пышущую жаром сковороду с аппетитно скворчащей яишной да запереться в чисто убранной домовитой Веркой комнатухе! Кеша покосился на старика. Дед смотрел умоляюще – в упор, не отрываясь. В выцветших радужках когда-то темно-карих глаз поблескивала влага.

– Ладно, недолго только, – буркнул Кеша, ненавидя себя за мягкотелость.

Дед Василь прихлебывал крепкий чай из огромной щербатой кружки. Молчал, покусывая болезненно кривящиеся губы. Молчал и Кеша. На старика старался не смотреть – этот живущий отдельно от лица мокрый рот с прилипшими к нему крошками – фу!

– Так вот чего говорю, – нарушил сгустившуюся тишину дед, – опять приходил Пашка-то.

– Брось! – Иннокентий раздраженно фыркнул. – В одной квартире, чай, живем, ничего я не слышал. Мерещится тебе.

Дед насупился.

– Ты, может, и не слышал. В твои-то годы меня бы тоже пушками не добудились. Теперь бессонница окаянная... М-да... А иноходь Пашкину я всегда узнаю. Припадал на ногу-то, – старик отставил кружку, долго сопел, точно страхась выговорить вертевшееся на языке. – Манера у него была – идет себе мимо, да у двери моей и останавливается. Ждет, когда окликну. А не окликну, так в дверь и поскребет. Тихонько, стесняется вроде.

Алена Дашук (Дашук Елена Владимировна). Родилась в 1973 году в г. Норильске Красноярского края. С 1976 года живет в Великом Новгороде. Закончила Новгородский Государственный Университет им. Я. Мудрого. Журналист, медик. Публиковаться начала с 2005 года (Сборник юмористических рассказов *Нетература-2008*, сборник Клуба Любителей Фантастики-2009, альманах «Автор», журнал «Искатель» –4,2010 и пр.). Первые крупные публикации – повесть «Трудная пациентка» (изд. ЭКСМО 2010 г.) и рассказ «Голуби Теслы» (ЭКСМО 2010 г.). Пишет в жанрах: социальная фантастика, НФ, мистический реализм, проза.

Знаешь же, на пол-литру я ему, случалось, ссуживал. Всегда так было. Вот и в этот раз...

— Ну и дурак, что ссужал! — попытался обойти преследующую деда тему Иннокентий. — Алкашу займы давать!

— Ты меня не суди, — набычился Василь. — Другие не больно-то заходили. Да я не в претензии, понимаю, своих забот полон рот. А Пашка, нет-нет, да уважит, посидит со стариком.

— Чего ж не посидеть... на халяву-то.

— На халяву или нет, а все не так муторно. Ольга моя как преставилась, словом перекинуться не с кем. Только... — дед замылся, — живому живой нужон. Че ж он... нынче-то? — Василь втянул голову в плечи. — Как думаешь, Кеш, чего Пашка ко мне привязался? Иль за собой зовет?

— На кой ты ему сдался?! — Кеша скривился. — Не компания ты ему. Помрешь и прямиком в рай. А Сивому скитаться положено, раз уж по своей воле удавился. Грех это, понял?

— Так вот я и говорю, мается душенька-то его! Скучно ей, поди, одной. Товарища ищет. Я ж к нему при жизни по-доброму, вот он меня и выбрал. А?

Иннокентий стиснул зубы — старый хрыч, еле дышит, а туда же, за жизнь свою никчемную цепляется. Вида, однако, не показал. Улыбнулся, ободряюще хлопнул соседа по плечу.

— Я, дед, такое дело слышал — покойник без приглашения чужой порог не переступит, если дверь не заперта. Его по всей форме позвать надо. А так ни-ни! Имени его не поминай и дверь открытой держи. Спереть никто ничего не сопрет. Один же в квартире остаешься.

— Один... — дед Василь понурился. — А помнишь, Кешка, сколько народу раньше тут толкалось? Почитай, семь семей. Весело.

— Да уж, веселуха! — Кеша хохотнул. — Только когда то было! До расселения еще. Это ты, черт старый, окопался здесь, оборону держишь. Квартиру ему отдельную дают, а он...

— Так ведь... — Василь сконфузился, — подохну в отдельной-то, и не узнает никто. А тут ты с Верой да ребятишки ваши. С вами сподручней как-то. Вот съедете, тогда уж и я двинусь. М-да... Боязно мне, Кеш, от норы своей отрываться, привык сам себе хозяином быть. — Взгляд старика заволокла полынная горечь. Точно устыдившись своей откровенности, дед Василь тут же перевел разговор. — Скучаешь, небось, по своим-то?

Иннокентий отмахнулся.

— Мне, дед, недельку в тишине побыть — морковная шанежка! Шутишь что ли, двое охламонов, один другого горластей, третий на подходе. Докторша говорит, дочка будет. Ладно, хоть Пашкину комнату нам отписали, а то уж не знал, где голову приклонить.

— Это да, это верно, — дед с готовностью закивал. Внезапно осекся. Осторожно тронул дрожащими пальцами руку Иннокентия. — Кеш, остал-

ся бы сегодня, а? Куда ж на ночь глядя в такую дорогу... Завтра поедешь, с утра.

Кеша шумно втянул носом воздух. Отобрав руку, на старика глянул с укоризной.

— Нельзя, дед. Верка ждет, пацанам обещал, — насмешливо прищурился. — Да ты никак в портки наложил?! Ну и ну! Я ж мальцом был, когда ты с дружинниками шантрапу гонял! Грамоту имеешь. Или помнишь, как тетку Зину от хахалей нахрапистых отбивал? А тут чего, мертвяка испугался? — Дед Василь, наморщив нос, отвел глаза. Не получив ответа, Кеша поднялся. — Лады, дед. Пора мне. А Сивый... да чего Сивый! Ты ему много добра сделал, не слопаешь, поди. Дверь не запирай, по имени не поминай — он и сгинет. — Видя, как нахохлился старик, Иннокентий подмигнул, легонько ткнул деда кулаком в грудь. — Шучу я! Не вибрируй! Свет в коридоре тебе оставляю. Только ерунда это все. Какие покойники?! В ушах у тебя шумит. Или вон Прокоп грызет чего. — Кеша махнул рукой в сторону просторного аквариума, в котором суетилась ручная крыса, оставленная старику в подарок съевшими соседями. — Делов-то!

— Может, и так, — дед Василь криво усмехнулся. — Ты, Кеша, в голову не бери. Стар я стал вот и... Мы с Прокопом тебя дожидаться будем, — старик повел слезящимися глазами в направлении шуршащего обрывками газет зверька. — Не привыкать нам вдвоем ночи-то коротать.

— Вот и ладно. Вернусь через пару дней, еще побазарим, — открыв дверь, Кеша махнул старику рукой. — Листьев смородины привезу. Такого чаю заварим, закачаешься! Бывай!

Дед Василь курсировал вдоль осиротевших соседских комнат. Волочить непослушное тело было тяжело, сидеть одному в комнатенке, таращась в приоткрытую пасть дверного проема, — вовсе невыносимо. Все казалось, вот-вот за порогом раздастся шорох неуверенных шагов...

Василь остановился перевести дух, осмотрелся. Квартира силилась разглядеть его сквозь бельма запертых дверей. Взгляд старика невольно притягивался к одной из них. Внешне она ничем не отличалась от прочих — такая же пустынно-белая, слепая. Дед поежился, вспоминая, как однажды толкнул ее и вошел, озадаченный струящимся из-под двери холодом. В комнате что-то негромко поскрипывало. Что — он тогда сразу не разобрал. Раннее ноябрьское утро, глаз коли...

Слава богу, сейчас там все иначе: двуспальная кровать, пара полированных тумбочек со старомодными слониками, подхваченные золотистыми шнурами занавески. Верочка — отличная хозяйка. Она не пустит мертвую пустоту на отвоеванную ею для жизни территорию! Шалопаю Кешку и того к порядку приучила. Дед Василь довольно крякнул. Мысли о дышащих человеческим теплом предметах обстановки вытеснили те, другие —

о синюшно-багровом, страшном, покачивающемся посреди комнаты на сложенной втрое белой веревке...

Пашка, Пашка — неприкаянный, вечно пьяный недотепа. Недаром, умирая, белугой его мать ревела — не по своей ускользающей жизни убивалась, по остающемуся без ее забот сыну. Точно наперед все знала.

Старик приподнял ходунки, переставил, подтянулся. «А все ж нехорошая какая-то эта Пашкина дверь...» — подумал вдруг и осекся.

Пашкина?

Почему Пашкина?! Комната давно обжита другими обитателями!

Ошибка оглушила пронизывающим до костей холодом. Дед Василь попятился и принялся торопливо разворачивать ходунки. Подальше отсюда! Ну ее, эту внезапно меняющую личины деревяшку! Металлические сочленения конструкции скрипнули, заставив лихорадочно бьющееся сердце на мгновение замереть. Отвратительный звук! Так похожий на тот, что слышал в мутно-серое ноябрьское утро — старый крюк; вздыбившаяся люстра; втрое сложенная, натянутая под тяжестью обмякшего тела веревка — и вкрадчивый, обволакивающий затылок ледяной изморозью скрип. А еще накатывающий штормовой волной в распахнутое окно ветер...

Скрипа с тех пор дед Василь не выносил.

Надо бы смазать ходунки.

Готовясь подтащить ослабевшее от непривычной нагрузки тело к опоре, Василь остановился, чтобы набрать в легкие воздуха. Растревоживший его скрип не прекратился. Старик беспомощно огляделся. Монотонный звук доносился из-за ослепленной белой краской двери. Скрип-скрип, скрип, скрип — размеренно, чуть слышно — как тогда.

И как тогда же из-под двери тянуло холодом.

И без того онемевшие колени деда Василя мелко затряслись. Не долго думая, старик плюхнулся на пол и, отталкиваясь локтями, поволок тяжелеющее с каждой секундой тело вдоль коридора. Так быстрее. Прочь от проклятой, хранящей кошмарное эхо былого комнаты!

Едва уловимое поскрипывание следовало за ним неотступно.

Когда наступаемый видениями прошлого старик преодолел порог собственного жилища, злобная дверь с грохотом распахнулась. Василь вскрикнул и, распластавшись на полу, повернул голову на звук.

Щель между косяком и дверным бельмом чернела пустотой, притягивала взор, гипнотизировала. Скрип за ней прекратился, сменившись звуком грузной поступи чуть припадающего на одну ногу человека — Пашкиной поступи.

Из последних сил подавшись вперед, дед Василь захлопнул дверь своей комнаты. По-

том, уронив голову на руки, заплакал. От ужаса, от обиды на собственную беспомощность — ходунки остались в коридоре, а он не способен даже подняться, чтобы защелкнуть замок. И позвать-то некого. Один...

Один!

Сквозь захлебывающиеся всхлипы Василя пробился звук приближающихся шагов. Приподняв голову, старик остановившимся взглядом уставился на дверную ручку — сейчас она плавно опустится, и дверь откроется...

Сейчас...

СЕЙЧАС...

Достигнув порога, шаги стихли. Кто-то стоял совсем рядом, скрытый от глаз лишь хлипкой фанерой. Старик слышал как тот переминался с ноги на ногу. ТОТ или ТО? Разве способен неуклюжий, жалкий Пашка породить этот парализующий сознание холод! Нет, ТО, что таилось сейчас за дверью, было неведомым, чужим, опасным.

В памяти всплыло полушутливое наставление Иннокентия: «Дверь не запирай, по имени не поминай — он и сгинет». Дед Василь с надеждой воззрился на остающуюся недвижимой ручку. Может, к лучшему, что не сумел подняться и опустить собачку замка? Может, хранит его Господь-то? Только бы не думать сейчас о Паш... о ТОМ. Не окликнуть даже мысленно! Старик зашевелил сухими губами, шепча застрявший когда-то в памяти детский стишок:

Картина, корзина, картонка

И маленькая собачонка...

Он снова и снова повторял кружащуюся назойливой мухой в мозгу строку, а кто-то незримый, не имеющий ничего общего с бывшим соседом, чуть слышно царапал дверь — точь-в-точь, как это делал когда-то Сивый.

«Картина, корзина, картонка... — задыхался Василь, — картина, корзина, картина, картина, картина...».

Скоро шорох за дверью смолк. Легкое шуршание донеслось из угла комнаты. Старик порывисто обернулся.

Комната была пуста. Только в стоящем у кровати аквариуме по изгрызленным клочьям газет метался встревоженный чем-то крыс.

— Прокоп! — дед Василь зашелся в приступе смешанного со всхлипами и кашлем смеха. По щекам снова потекли неудержимые старческие слезы — вечные спутники не столько переживаемых эмоций, сколько немощи.

Крыс притих, уселся на задние лапки, повел вздрагивающим носом. То ли имя свое услышал, то ли тончайшим звериным чутьем уловил — внимание кормильца сосредоточено на нем. Старик отер со щек постыдную влагу, хмыкнул — виданное ли дело, разрюмился, как дите малое. Эх, старость!

Собравшись, встал на четвереньки. Ухватившись за косяк, вполз на стоящий рядом стул. Отдышался. Перебрался в кресло. Трудновато без ходунков, да и ослаб с перепугу. Ничего, еще одно усилие, и он достигнет кровати — отлежится, выспится, а утречком и до ходунков как-нибудь... с божьей помощью. Отвлеченный призывом, Прокоп вернулся к своим крысиным делам: засуетился, зашуршал крохотными коготками по подстилке. Комната наполнилась живым, привычным.

В коридоре было тихо.

Когда старик, придерживаясь за стену, преодолевал последние метры до кровати, погас свет. Только этого не хватало! Обернувшись, Василь отметил — не пробивается свет и из-под двери. Вырубил во всей квартире? Ох, не вовремя! Дед выругался.

За дверью скрипнули половицы.

Отступивший было ужас потек из мрака, прополз по лопаткам, сковал и без того непокорные суставы.

Рывком дед Василь швырнул непослушное тело на постель, зажмурился. Уснуть! Уснуть, чтобы не слышать осторожных шагов в погруженном во тьму коридоре. Не всматриваться в вязкую черноту, ожидая различить в ней то... то, чего нет. Не чувствовать скользящего из-под двери сквозняка. Утром все наладится. Все покажется глупыми шутками разыгравшейся стариковской памяти.

Василь опустил руку в стоящий у ножки кровати аквариум. Легонько постучал по стеклу. В ладонь ткнулся крошечный влажный нос, кожу щекотнули антенки усиков. Старик улыбнулся. Всю жизнь ненавидел крыс, а поди ж ты... Он погладил теплый меховой комочек. Какая же Прокоп крыса?! Он друг — маленький, бессловесный, но умеющий разогнать гнетущую пустоту.

С возрастом ночи стали казаться деду Василью все длиннее, все безысходней. Проснувшись, он чувствовал, как давит его многотонная равнодушная тишина. Был покрепче, так вставал и шел на кухню курить. А теперь что? Не греметь же ходунками по гулкому лабиринту коридоров, будя утомленных круговертью дня соседей. Оставалось включать свет и лежать, таращась в давно не белевший потолок. Когда покидающие старую коммуналку Никитины презентовали ему на прощание Прокопа, стало легче. Крыс никогда не отказывал в помощи. Стоило постучать пальцами по стенке аквариума, являлся и тыкался прохладным носом в просительно протянутую руку — «я тут, ты не один». Дружеский жест на деда Василя действовал лучше любого снотворного.

Помог забыться Прокоп и в этот раз. Измученное борьбой с фантомами сознание отключилось, сменив будоражащие воспоминания отборнейшими кошмарами. Из сновидений выныривали чьи-то туманные образы. Звали давно канувшими в небытие голосами, сливались в жутковатый хор,

потом вдруг превращались в жалобный стон самого Василя. Поскрипывала раскачивающаяся на ветру люстра. Медленно, словно крадучись, приоткрывалась дверь. Плавал по комнате чей-то едва угадывающийся в непобедимом мраке силуэт. Кто-то стоял у изножья кровати... И все так реально, зримо — где явь, где сон — не разобрать.

Проснулся дед Василь от собственного крика. Лоб был покрыт испариной. Сердце стучало так, точно задалось целью переломать своему хозяину ребра. Старик отер лицо, сел. Пощелкав выключателем ночника, убедился, что света все еще нет. Припомнил, где-то на заваленных хламом полках лежит фонарь. Расхаживать по комнате без ходунков нелегко, но после обрушившихся на него кошмаров сидеть в темноте... Увольте!

Старик спустил ноги с кровати, передернулся. Холодно. Форточка что ли открылась? Вцепившись в изголовье, встал. Перебирая руками, добрался до шкафа. Фонарь нашелся быстро. Хоть тут повезло! Облегченно вздохнув, дед Василь повел им по сторонам. Бархатисто-желтый пятячок света побежал по углам, выхватывая из черноты край стола, поблескивающие ручки комода, парящую на уровне лица острую мордочку...

Охнув, старик отшатнулся, едва не выронив фонарь. Крохотные дула крысиных глаз никуда не исчезали — целили в лоб. Старик схватил воздух открытым ртом, захлебнулся, вцепившись в угол стола, сумел все же устоять. Луч фонаря метнулся по комнате — чужой, незнакомой — как всякое измененное непривычным источником света пространство. Пробежал по тонкому, втрое сложенному шпагату. Он тянулся откуда-то сверху из темноты к шее зверька. Как замороженный, старик смотрел на веревку, на висящее на ней тельце Прокопа. Кошмар продолжается?

Срочно проснуться!

Старик тронул морок леденеющей рукой. Это не может быть явью!

Видение оказалось осязаемым. Холодное мягкое тельце качнулось. Под потолком чуть слышно скрипнуло. Дед Василь закричал — громко, страшно.

Уже плохо осознавая, где он находится, старик рухнул на кровать. Скуля и подвывая, зарылся лицом в измятую подушку.

Холодно.

Холодно...

Распахнутое окно.

Ветер...

Тепло и помощь только там...

Дед Василь опустил ладонь в аквариум. Пальцы тут же ощутили знакомую, баюкающую прохладу — «я здесь, ты не один». Что-то вспомнив, старик отдернул руку. Сел рывком. Захохотал, широко раскрыв беззубый рот. Белеющие, выкатившиеся из орбит глаза обвели уносящуюся в непроглядный омут комнату. Остановившийся взгляд вмерз

в едва намеченный абрис покачивающейся в воздухе крысиной тушки.

Темнота упала громадной, величиной с целый мир, глыбой...

Открывая калитку, Иннокентий недовольно сплюнул — скрип он не любил теперь, пожалуй, не меньше, чем дед Василь.

В куче сваленного у сарая песка копался младший сын Иннокентия Вовка.

— Папка приехал, — констатировал он и вернулся к бомбардировке камушками песочной башни.

Кеша подошел.

— Здоров, а где Антошка?

— На речку пошел с ребятами. Меня не взял. Говорит, мал еще, — отозвался сын, обиженно шмыгнув носом. Глянув на пакеты в отцовских руках, тут же смекнул, что дело может обернуться к нему счастливой стороной. — Чур, я первый смотреть!

— Да я... — Кеша смутился. — Мясо там, крупы разные. Мамка велела. Автолавка-то раз в неделю приходит.

— А-а-а! — мальчик разочарованно отвернулся.

Потоптавшись за Вовкиной спиной, Иннокентий неожиданно для себя сказал:

— Дед Василь помер. Вчера похоронили. — Вовка обернулся, наморщил лоб, точно силился понять, о чем идет речь. — Он тебе еще машину на день рождения дарил, красную, — напомнил Кеша.

— Пожарную, — уточнил Вовка.

— Верно.

Помолчали.

— А у Пальмы щенки, — спустя минуту поделился местными новостями Вовка. — Пальма никого к ним не пускает. Антоху чуть не цапнула, когда полез. Мамка к дяде Вите ходила, пристрелить просила, а он не стал. Сказал, щенки подрастут, опять нормальная станет. А мамка сказала, кормить ее не будет. Мы с Антохой кашу ей отдаем. Она все равно невкусная. Мамка когда не смотрит, прячем, потом Пальме кидаем. Потому что жалко. Только ты мамке не говори, ладно?

— Ладно, — Иннокентий кивнул. Жизнь шла своим чередом. Каша для Пальмы живым оказалась важнее смерти какого-то там деда. В животе ворохнулся стылый ком. Идти в дом не хотелось. — Покажешь щенков?

— Ага, — Вовка встрепенулся. — Только близко не подходи. Мамка говорит, Пальма бешеная. По-рвет.

Пальма лежала у входа в будку, положив голову на толстые лапы. Стоящие торчком уши настороженно подрагивали. Заслышав шаги, собака вскочила и ринулась к нарушителям определенной

длиной цепи границы. Цепь натянулась гудящей басовой струной — вот-вот лопнет.

— Дальше нельзя, — предостерег Вовка. — Она щенков охраняет. Они в будке сейчас, не видно. Жалко. Потом, может, вылезут, тогда поглядим.

Иннокентий смотрел в налитые кровью глаза Пальмы, на ощеренные клыки, на врезавшийся в могучую шею ошейник. Охраняющая свое потомство псина явно не остановилась бы и перед убийством. Страшно. Страшила даже не свирепость обуреваемого инстинктами зверя, пугала сама мысль о торжестве жизни, готовой за свое продолжение платить чьей-то смертью.

Кеша молча достал из пакета увесистый кусок говядины. Швырнул его собаке. Та на лету подхватила мясо, улеглась тут же и принялась жадно рвать зубами, рыча и не отрывая свирепого взгляда от стоящих в отдалении людей. Еды ей сейчас требовалось много.

Развернувшись, Иннокентий пошел прочь. Эта вздыбившаяся на загривке шерсть, эти горящие одержимостью глаза вызывали в нем отвращение и ужас. Сорвись Пальма с цепи, так же, как этот кусок мяса, рвала бы она любого, кто мог стать для нее пищей — его, тайком подкармливающего ее Вовку, Антоху... Пальме сейчас все равно, главное, чтобы ее щенки были сыты и защищены. Что с нее взять — зверь.

Привлеченная рычанием Пальмы, Вера вышла в сени. До крыльца дойти не успела, навстречу открылась дверь, в дом вошел Иннокентий.

— Привет! — он мельком глянул на живот жены, невольно отметил — в этот раз больше обычного — богатырь-дочка будет. — Все вроде привез. — Он помахал туго набитыми пакетами.

— Хорошо. Проходи живее, обед стынет.

Переваливаясь по-утиному, Вера пошла в комнату.

Кеша ел наваристый борщ, не чувствуя вкуса. Заговорить не решался, боялся, что утрамбованные за эти дни усилием воли фразы вырвутся сами собой.

— Ты уж нажми там, чтобы без проволочек, — наставляла Вера. — Скажи, трое детей у нас, куда ж в две комнаты.

— Так обещали же. Освободится третья, сразу дадут.

— Дать-то дадут, но сколько нам еще в коммуналке мыкаться?! И так последние уж остались! Дочку из роддома в новую квартиру привезти хочу. Пусть разворачиваются.

— Треху сразу трудно. Изыщут возможности, говорят, тогда. Они ж нам двушку готовили, по числу занимаемых комнат, — Иннокентий отложил ложку и взялся за сочащийся жиром кусок свинины.

Вера дернула плечом.

— По документам у нас теперь три, так что обязаны!

— Не три пока, — покосившись на жену, Кеша отодвинул тарелку. Мясо есть отчего-то расхотелось. — Комнату деда еще переоформлять надо.

— Подсуетись. Нажми! Заявление на расширение жилплощади давным-давно подавали. Или врал, что все на мази? — Вера прищурилась.

— Не врал, Семенов лично обещал. Подмазано ведь, куда он денется!

Вера откинулась на спинку стула, губы растянулись в блаженной улыбке.

— Господи, неужели этот ад, наконец, кончится! Отдельная квартира! Нам своя комната, мальчишкам своя...

Тепловатый ком подступил к Кешину горлу, но наружу вырвались только сдерживаемые стиснутыми зубами слова.

— Вер, я деда Василя с пеленок знал...

Улыбка сползла с Вериного лица.

— Понимаю, Кешенька. Тяжело тебе, — склонившись над столом, она погладила судорожно сжатый кулак мужа. — Только не виноватый ты. Срок уж ему пришел. Старый был. Разве ж из-за крысы помер? Подумаешь, крыса! — склонив голову набок, Вера цепко глянула на мужа. — Прокоп тоже уже на ладан дышал, они года три живут, а ему за четвертый перевалило.

Кеша вскочил, кругами заходил по комнате. Заговорил скоро, задыхаясь и взмахивая руками.

— Вера, Верка! Как мы могли?! Он ведь подарки пацанам... конфеты... Он же сам нам все рассказывал про то утро! Верил! А мы... Я его как увидел там... паршиво мне, Вера, стало. Рука в аквариуме... Крысу... КРЫСУ звал, умирая! А больше и некого было. К стеклу холодному, видать, притронулся, почудилось, Прокоп явился. А Прокоп-то... вот он — висит!

— Прекрати истерику! — Вера зло хлопнула по столу ладонью. — Что такого ты сделал?! Хребет крысе сломал да на веревочку подвесил?! Так их во все времена истребляли! Объявил, что едешь в деревню, а сам дома остался? В собственной, заметь, комнате. Имеешь право! Ты не обязан отчитываться перед соседом, где и когда находишься! Окно открыл? Вот уж преступление! Электричество отключил? За это еще никого не казнили! — внезапно Вера встала и, подойдя к Иннокентию, обняла, прижалась теплым тугим животом. Заговорила мягко, успокаивающе, точно баюкала. — Ну, что ты, Кешенька, мы же все с тобой когда еще обговорили. Ты согласился. Мы сделали это ради наших детей. Им место нужно, чтоб расти. — Вдруг добавила совсем другим голосом — деловитым, строгим: — Надеюсь, крысы ты перед приездом служб догадался убрать?

Иннокентий отстранился. Глянув на Веру, споткнулся о ее взгляд. Такие глаза он сегодня уже видел — одержимые, без капли сомнений, готовые

на все во имя своей затмившей тьму и свет цели. Вот только Пальма была надежно прикована цепью...

Снова стало страшно.

Иннокентий сглотнул слюну, опустил на стул.

— Прокопа убрал, — смиренно произнес он.

— Вопросов тебе никаких не задавали? — Кеша отрицательно мотнул головой. — Прекрасно! Теперь поезжай и займись оформлением. Отвлечешься, да и дело сделаешь.

Гремя посудой, Вера принялась убирать со стола. Иннокентий смотрел на ее ловкие руки, уверенные движения и понимал — противиться этой не сомневающейся в своей правоте самке он не в силах. Слишком велик его ужас перед той, которая, не задумавшись, расплатилась чужой смертью за единственно для нее значимое. Будет надо — расплатится и им. Теперь он знал это точно.

Страшно.

Деду Василию тоже было страшно. Но какие же разные их страхи! И неизвестно, чей страшнее...

Иннокентий вышел, не прощаясь.

Он сделает все, что она требует. Он тоже должен спасти жизнь. Собственную жизнь. Так велик инстинкт самосохранения.

Или все тот же страх?

Не все ли равно! Нечто не поддающееся ни логике, ни морали, ни контролю — животное, темное, необузданное, непобедимое.

Опустевшая коммуналка напоминала коматозного больного. Иннокентию было известно — выкарабкаться обреченному «пациенту» не суждено, ветхий дом скоро будет снесен. Еще пара подписей, и новенькая трешка в спальном районе встретит его шумное семейство.

Он стоял у кухонного окна, уставившись в темноту утонувшего в ночи двора. Курил. Дурная привычка появилась у него недавно. Ерунда, вернется Вера, и он бросит. Она не выносит табачного дыма.

А уж в новой квартире...

В звенящей тишине коридора послышался негромкий скрип открываемой двери, потом хлопок. По кухне прошла волна пронизывающего ветра.

Быть не может! В квартире он один!

Кеша порывисто обернулся. Боковым зрением успел заметить мелькнувшую за порогом тень крохотного зверька с тянущимся за ним обрывком шпагата.

Ба-бах, ширк-ширк, ба-бах, ширк-ширк доносилось из проваливающегося в мутную бесконечность коридора.

ДЫМОМ СГОРЕВШИХ ЛИСТЬЕВ

Странный человек в костюме пепельного цвета и надвинутой на самые глаза фетровой шляпе был замечен в городе рано утром.

Как, когда и откуда прибыл незнакомец, не видел никто. Серый гость, казалось, просто появился посреди широкой аллеи городского парка, необычайно оживленной для субботнего утра. Пожилые супруги — бывший антиквар и его жена — не спеша прогуливались от скамейки к скамейке; художник, разложив кисти, краски и палитры прямо на земле, пытался запечатлеть на ватмане хрупкое очарование раннего часа; молодая женщина дремала на скамейке, пухлощекий малыш в красной вязаной шапочке, сосредоточенно сопя, крутился у ее ног. Прохладную тишину нарушали двое подростков — повизгивая и подначивая друг дружку, мальчики носились за юркими, быстрыми белками.

Незнакомец глубоко вдохнул горьковатый воздух и даже не закашлялся. Проезжавший мимо на велосипеде худой мужчина в форме почтальона удивленно поднял брови. На его веку новичкам всегда было не просто привыкнуть к специфическому духу города: едкому, терпкому, с полынным привкусом — словно где-то жгли сухие листья.

Вдруг позади человека в сером раздалось резкое «А-а!». Тот даже не вздрогнул — лениво, не спеша, оглянулся.

— Простите, — миловидная брюнетка вскочила со скамьи и подхватила на руки полуторагодовалого малыша. Мальчик надрывно плакал, размазывая по покрасневшему, словно его шапочка, личику крупные слезы. — Напугали мы вас.

Незнакомец отрицательно качнул головой.

— Убегает все время, — виновато улыбнулась молодая мама. — Сладу с ним нет, только потеряешь бдительность, а его уже и след простыл.

Она вытащила носовой платок и вытерла реве лицо.

— Только по звуку могу его отыскать, — закончила свою мысль женщина. — Убегать-то он убегает, а потом в слезы: мамы на горизонте не видно. Сирена моя маленькая, — она поцеловала малыша и повторила: — Напугали вас. Простите.

— Что вы, — мягко улыбнулся незнакомец. — Где же это... — он сделал вид, что что-то ищет в карманах. — Вот оно! Держи! — и протянул ребенку резной ярко-желтый с красной окантовкой листок. Красивый, большой и совершенно не примятый.

Малыш, округлив глаза, уставился на подарок.

— Надо же! — выдохнула женщина. — Я таких и не видела. Не растут здесь клены.

— Это не просто лист, он волшебный, — загадочно произнес серый незнакомец, когда пухлая ручка схватила листок. — Он исполняет желание.

— Желание? — молодая мама засмеялась, подхватив игру странного человека. — Он же маленький, говорить толком не умеет. Какие желания? Дайте лучше лист мне.

— Запросто, — мгновение, и в пальцах осеннего гостя возник другой листик — на этот раз оранжевый с тонкими зелеными капиллярами прожилок.

— Вы фокусник? — женщина озорно прищурилась.

— Нет, я волшебник. Ну что же вы? Держите! — человек протянул ей крохотный дар осени.

Молодая мама несмело взяла листок, словно опасаясь, что тот вот-вот исчезнет или превратится в голубя.

— Волшебников не бывает, — не слишком уверенно произнесла она.

— Не бывает, — вмиг погрузнев, кивнул осенний гость.

Они замолчали.

Женщине было неудобно вот так распрощаться, а незнакомец, казалось, даже не замечал затянувшейся неловкой паузы. Он стоял и смотрел в конец аллеи, туда, где среди уже сбросивших свою крону деревьев, задумчиво покусывая кончик кисточки, стоял художник.

— Вы сказали, он желания исполняет? — наконец произнесла молодая мама, покрутив листок.

Малыш на ее руках заерзал, выронил свой листок.

Лист, словно танцуя, спланировал на мелкий дорожный гравий.

Сырцова Анна Вячеславовна

Родилась в 1982 году, живет в Екатеринбурге.

Окончила Уральский Государственный Горный Университет. По специальности экономист — управляющий предприятием (горной промышленности), работает по специальности.

С 2007 года активно участвует в литературных Интернет-конкурсах, где рассказы автора неоднократно выходили в финалы.

Пишет фантастику, сказки, фэнтези. Отдает предпочтение малой форме.

– Не желания, – поправил незнакомец, – желание.

– Всего одно? Не честно, – по-детски протянула женщина.

– Одно, – твердо кивнул человек, – зато самое-самое заветное. То, которое невозможно высказать словами.

– Как это? – удивилась молодая мама.

– Вам бывает иногда грустно просто так, без причины, словно «кошки на душе скребутся», а отчего – не понятно?

Женщина, секунду подумав, кивнула.

– Это и есть невысказанное желание вашей души, вашего подсознания, – подытожил незнакомец.

– А как я пойму, что я этого хотела? Вернее, если мне будет не нужно то, что пожелает мое подсознание?

– Так не бывает. Душа, она, знаете ли, мудрее самого мудрого человека. Потому что людям свойственно ошибаться.

– ...Людям свойственно ошибаться, – последнее, что успел сказать ди-джей, прежде чем Александр выключил магнитолау.

Джип съехал с дороги. Автомобиль тряхнуло – после ровной поверхности тракта ехать по гравияу было непривычно.

Мужчина припарковал машину на обочине.

Несколько минут Александр сидел, откинувшись на кресло, и бездумно созерцал открывшийся перед ним вид.

Слева тянулась дорога – широкая серая лента ровного асфальта, справа возвышалась кованая решетка городского парка. Тоненькие, хрупкие лиственницы, осины и березы несмело протягивали сквозь прутья ветки, словно здороваясь, приглашая войти, насладиться их компанией.

Александр был уверен, что в этот час в парке пусто, как, впрочем, и во все остальные – расположенный на самом краю города парк популярностью не пользовался. Зато мужчина ездил сюда каждую вторую субботу месяца, как на работу.

За три года это стало не просто его желанием, а безусловным рефлексом, некоей потребностью души – парк тянул Александра к себе, манил, звал в тревожных снах, пугал своей настойчивостью. И за все три года мужчина ни разу не вышел из машины, ни разу не вошел в гостеприимно распахнутые ворота. Он специально проезжал их на максимально возможной скорости, стараясь даже не смотреть на призывно раскрытые объезы.

А сегодня в воздухе носилось нечто такое... – аромат сухих осенних деревьев, запах хрусткого гравия и терпкий, ни с чем не сравнимый, дух горящих листьев. Мужчина специально сделал два круга вокруг парка, но так и не увидел дымящихся куч – но призрак огня, тем не менее, витал повсюду.

В общем, сегодня был такой день, и Александр остановил свой джип напротив ворот.

И сейчас сидел, не в силах не то чтобы выйти из салона, мужчина не мог даже повернуть голову, посмотреть на витые узоры решетки.

И дело было вовсе не в самом парке, не в гостеприимных объезах ворот и не в дороге, к которой Александр давным-давно привык, а в запахе гари, в красных, словно языки пламени, осенних листьях... в боли, что, казалось, должна была уже притупиться.

Новый порыв ветра бросил на лобовое стекло пригоршню алых, тронутых серой пеленой тлена листьев. Александр вздрогнул и впервые за три года заплакал.

Скрипучий деревянный двухэтажный дом стоял на самом краю города. Как очутился он именно там, вдалеке от оживленных автострад, магазинов, аптек, заводов и детских садов – запутанная история. Старейшие жители дома – пожилой антиквар и его жена – любили вспоминать летними вечерами за чашкой малинового чая, что, когда они бежали в этот город из блокадного Ленинграда, дом уже стоял здесь – заброшенный, с выбитыми стеклами, холодный и негостеприимный. Черной громадой он возвышался на пригорке, невдалеке от леса.

Ходили слухи, что в этом доме некогда располагалась инфекционная больница, куда свозили недужных со всей округи. Судачили о жутких завываниях, раздающихся в его стенах, и странных свечениях его окон. Кто-то рассказывал про постоянный двор, алчные хозяева которого грабили и убивали постояльцев. Другие намекали на наличие в нем некогда публичного дома, обитатели которого погибли от странным образом начавшегося пожара. Третьи опровергали эти версии, выдвигая в оппозицию совсем уж безумную – вроде бы дом уже стоял, когда первые переселенцы начали строительство самого города.

За годы дом оброс огромным количеством легенд, слухов и мифов. Даже в городской управе не могли сказать ничего определенного о дате его постройки.

И хотя вряд ли хоть один из этих слухов имел историческую основу, загородное место дома среди горожан считалось проклятым. И даже наличие в нем жильцов не могло нарушить эту странную, сверхъестественную уверенность.

За все время дом сменил множество жильцов – люди переезжали в более комфортные квартиры, уезжали в другие города – но бывший антиквар с женой никогда не изменяли своей обители, приютившей беженцев, казалось, на время.

Звонкое «Ах ты, зараза!» нарушило сонную тишину старого дома.

Жена антиквара выглянула в окно. С крыши, подгоняемые криками тетки, слезали растрепанные пацаны. В одинаковых шортах, некогда бывших целыми джинсами, и выгоревших футболках, ребята выглядели близнецами, хотя Витька был на целых два года старше Семена.

— Что там? — антиквар оторвался от газеты и близоруко посмотрел на жену.

— Витька с Семкой опять змея запускать решили, — отозвалась пожилая женщина. — Вот Верка и злится.

— А что ж в этом дурного?

— Я ж рассказывала? — внимательно посмотрела на мужа женщина. — Запутается бумажный змей в проводах — не дай бог пожар случится! Провода старые, то и дело искриться у столба начинают. Уж сколько аварийку вызывали — нет денег на замену, и все тут! Подремонтируют кое-как, и живите — радуйтесь!

Антиквар молча кивал, изучая газету. Жена махнула рукой. Что толку рассказывать? Все равно не слушает — пока до последней страницы не прочтет, потерял для мира.

В стекло вежливо постучала миловидная брюнетка.

— Ирина Витальевна, можно у вас соску вымыть?

— Опять выплюнул? — расцвела в улыбке жена антиквара, открывая форточку. — Давай, сполосну.

— Спасибо большое! Все время безобразничает — сил уже нет.

— То ли еще будет, — пожилая женщина вернула назад вымытую соску. — То ли еще будет, когда ходить начнет. Выброшенные непонятно куда пустышки и игрушки сущей ерундой покажутся.

— Это ваше? — послушалось сзади. Молодая мама обернулась.

Высокий брюнет протянул плюшевого мишку.

— Игорек, — обрадовалась молодая мама медвежонку. — Спасибо вам, — обратилась она уже к молодому человеку. — Игорек — это любимчик сынишки, — засмутилась она двусмысленности своей радости.

— Я так и понял, — кивнул брюнет и, развернувшись, пошел в подъезд.

— Новый сосед со второго этажа, — прошептала из окна жена антиквара. — Говорят, художник.

— А-а, — протянула молодая мама. — Надо сходить, по-нормальному познакомиться, когда муж приедет. А то неудобно вышло...

— А когда Саша вернется?

— Обещал в следующую субботу, если командировка не затянется...

Выбравшись на крышу, молодой человек огляделся. Вид потрясающий! Красота вокруг неопишная! Недаром ему присоветовали снять квартиру именно в этом доме.

Художник прошел к старому дымоходу, раздумывая, куда лучше поставить мольберт, и увидел вихрастого паренька. Тот, сидя на корточках, расправлял что-то на пахнувших солнцем и пылью досках.

— Привет! — сказал молодой человек. — Не думал, что здесь кто-то есть.

— Ага, — раздалось снизу. — Мы тоже! Кидай, Семка!

Паренек подошел к краю:

— Сейчас! — и уже художнику: — Тетка разоралась, и мы змея на крыше забыли. Это Витька, — кивнул он вниз.

— Салют! — поздоровался второй мальчик.

Семка подхватил большой малиново-оранжевый ромб и кинул вниз.

Внезапный порыв ветра подхватил змея. Его развивающийся ленточный хвост легонько мазнул художника по щеке.

— Куда?! — взвизгнул Семка.

— Пускай летит! — крикнул снизу Витька. — Потом поймаем!

— Куда там — поймаем?! — подпрыгивал брат. — Снесет на лес — пиши пропало!

— Я сейчас!! — мигом оценив перспективы, на бегу закричал паренек.

Красный змей, сделав пару кувырков, внезапно взял влево и повис на проводах.

— Ой! — испугался Семка. — Палкой сбить? — мальчик посмотрел на художника, но ответить тот не успел.

Снизу послышался недовольный мужской голос и вслед за ним дребезжание упавшего велосипеда.

Раздалось надрывное «брямс», и провод упал на крышу. Яростно извиваясь, он разбрасывал во все стороны колкие искры.

— Уходим! Быстро! — успел крикнуть художник, прежде чем змея-провод впилась ему в лодыжку.

— Бежим к речке? Окунемся... — предложил Витька, провожая глазами вылетевшую из куста рябины ворону.

— Не, — лениво отозвался Семка. — Холодно купаться. Давай лучше белку поймаем! У Вовки из седьмого «А» всю зиму одна жила. Так классно орехи грызла! Прямо с рук брала!

— А давай! — обрадовался брат. — Чур моя белка будет!

— С чего это твоя?

— Я старше!

— Ах ты!!

Семка бросился на брата, но был ловко сбит им с ног.

— Не честно!

— Еще как честно! — Витька придавил брата коленом к земле.

— Смотри — белка! — Семка ловко вывернулся и, вскочив, бросился за пушистым зверьком.

— Удрала, зараза, — сказал Семка, когда запыхавшийся брат нагнал его.

— А если это была не белка, — отдышавшись, зловещим голосом начал Витька, — а призрак-ак!

— Дурак! — обиделся брат. — Какие призраки днем в парке?

— Стра-ашные, — с подвыванием произнес Витька. — Не слышал чтоли, как Ирина Витальевна рассказывала?

– Старушечьи байки! – дернул плечом Семка.
 – Ну-ну, – насупился брат.
 – Да ладно! Неужели ты в них веришь? – не сдавался младший.

– А что? Помнишь, наша бабушка тоже рассказывала?

Семка нахмурился, сгреб сухие листья, удобно устроился на них и уставился на брата снизу вверх.

– Она каждое дуновение ветра считала дыханием приведения.

– А что? – Виться тоже шмякнулся на листья. – Вот представь, мы тут за белками носимся, а рядом призраки расхаживают. Вон какой ветер, – он показал на раскачивающиеся кроны деревьев.

– А еще она говорила, что призраки – это души, которые не могут уйти, которых что-то держит на Земле, – продолжил Семка.

– Ну да, – согласился старший брат, не понимая, куда клонит младший.

– Эта же ерунда! Сам подумай: вот ты умер, и охота тебе бестелесной оболочкой таскаться? Что такое-эдакое тебя здесь удержать может?

Витька окинул взглядом парк.

Ирина Витальевна, поддерживаемая за руку мужем, присаживалась на скамейку; художник сосредоточенно водил карандашом по ватману; Вероника бежала за озорным сыном; почтальон слез с велосипеда и не спеша шел вдоль аллеи... Серая спина уходящего незнакомца терялась среди графично черных стволов...

– Ну-у... – наконец сказал мальчик. – Видимо, ничего удержать не может.

– Вот именно, – удовлетворенно потер руки Семка. – Кстати, ты уже решил, что загадаешь? – он вытащил из кармана курточки мятый осенний лист.

– Ты ему поверил? – расхохотался Семка, кивая на удаляющегося незнакомца. – Волшебный! Желание! – передразнил мальчик.

Витька пожал плечами, крутя в пальцах листок.

Семка помолчал, достал свой, поднес к губам, но тут же резко отдернул.

– Смотри, с ним что-то происходит!

– С моим тоже!

На другом конце аллеи молодая мама с удивлением смотрела на свой листок.

Александр высморкался, вытер тыльной стороной ладони глаза и решительно вышел из машины.

Аромат жженой листвы стал насыщенно-невыносим.

Открытые ворота манили. Ветки деревьев покачивались в такт порывам ветра.

Александр поехал и решительно вошел в парк.

– Смотри, вон белка! – услышал он звонкий голосок за спиной.

Резко обернулся. Никого.

Господи, как напряжены нервы, как прыгает сердце в груди.

– Да смотри же! Вот там! – тот же детский крик. Александру показалось, он узнал, кому принадлежит этот голос.

Принадлежал...

Сердце дрогнуло и пропустило удар.

Александр опустился на скамейку, сжал ладонями виски. Он знал, что будет тяжело, но что так плохо, даже не предполагал.

Невдалеке на пригорке чернел большой выгоревший прямоугольник – все, что осталось от его прежней жизни.

Александр помогал разбирать пепелище.

На месте дома уже два с половиной года расположен парк, а «проклятое» место все так же черно, как и в первые дни после пожара.

Хрустнул гравий. Мужчина вскочил. Опять показалось?

Коренастый человек в сером пальто медленно прогуливался по аллее.

– Добрый день, – поздоровался он, поравнявшись с Александром. – Прекрасное место, не ходите?

– Не сказал бы, – пробормотал мужчина.

– Вы об этом, – человек в сером кивнул на чернеющий прямоугольник.

Александр кивнул.

– Знаете, – продолжил незнакомец. – Многие места сохраняют ауру того, что, казалось бы, не оставило после себя ничего.

– Что вы имеете в виду? – не понял Александр.

Станный человек промолчал.

– Я думал, здесь никого не бывает... – сказал мужчина, – в субботу, утром, – решил уточнить он.

– Никого не бывает... – эхом повторил незнакомец. – Знаете, – он в упор посмотрел на Александра. – Никого – понятие относительное.

– Здесь когда-то стоял дом, в котором я... мы жили.

Человек кивнул:

– Слыхал ту историю. Жуткий пожар. Никто не выжил?

– Женщина. Жила на первом этаже, в последний момент успела выскочить, – вздохнул Александр. – Сейчас в психиатрической клинике. Ее племянники погибли. Одна воспитывала, сестра за полгода до этого... Не смогла смириться.

– А вы?

Александру показалось, что колкие немигающие глаза незнакомца прожигают его насквозь.

– Часто приезжаю сюда, – признался мужчина. – Это место не отпускает меня. От них ведь ничего не осталось, – шепотом добавил он.

– А вы бы хотели? – серый человек сел на скамейку, закинул ногу на ногу. – Отпустить.

«Белка!» – словно бритвой по нервам.

Александр кивнул.

– Так в чем дело? – незнакомец протянул мужчине сухой, почти прозрачный, листик.

– И что мне с ним делать?

Незнакомец вновь проигнорировал вопрос мужчины.

— Человеческие души словно сухие листья. Для того, чтобы дерево возродилось весной, осень вынуждена собирать свой печальный урожай.

— Вы так говорите... — начал Александр, — слово это благо.

— Для дерева — благо.

— А если дерево не хочет расставаться со своими листьями?

Незнакомец усмехнулся.

— Не нам спорить с природой.

— Ах, да, — разозлился Александр, — великий и непреложный закон круговорота вещества в природе.

— Можно и так сказать.

— Вы кто? — помимо воли вырвалось у Александра. Мало того, что странный человек приперся в его парк, так еще и смеет нарушать шаткое душевное равновесия, расковыривая и без того не затянувшиеся раны.

— Никто, — тот пожал плечами и, казалось, потерял к мужчине всякий интерес.

Александр, спрятав руки глубже в карманы, двинулся по аллее прочь от скамейки с незнакомцем.

— Умник какой выискался, — досадовал мужчина. — Души, листья, благо. Что б ты понимал?!

«... рядом призраки расхаживают. Вон какой ветер». Александр остановился. Показалось?

Закрыв глаза, прислушиваясь к сухим осенним шорохам.

«... вот ты умер, и охота тебе бестелесной оболочкой таскаться? Что тебя здесь удержать может?»

— Схожу с ума, — подумал Александр, и холодная волна мурашек пробежала по его коже.

«Лист желание исполняет. Одно, но самое-самое заветное», — услышал мужчина сквозь оглушительный стук собственного сердца и только сейчас понял, что до сих пор сжимает в ладони лист, врученный ему незнакомцем.

Лист измялся, раскрошился, и только твердые, упругие прожилки еще держали форму некогда красивого творения природы.

«А что, если?..», — ударила в висок Александра шальная мысль. — Чем черт не шутит?!»

— Я хочу, чтобы моя жена и сын были живы! — прошептал он, прижимая лист к губам.

Огляделся. Ничего не изменилось.

— Я хочу, чтобы пожара не было! — вновь попытался Александр.

Бесполезно.

По пустым аллеям гулял ветер.

Может, лист потерял волшебные свойства? Помялся, осыпался...

«А может, никогда их и не имел?» — усмехнулся внутренний рациональный голос.

Александр вновь поднес лист к губам.

— Не сработает, — странный незнакомец стоял за спиной.

— Почему? — с нескрываемой обидой спросил Александр. «Мне же ветер сказал...» — мелькнуло в голове.

— Потому что никому не в силах повернуть время вспять. Ушедшие не в свое время души связаны, словно жемчужины — одной ниткой. Тот, кто держит одну из них, владеет всеми. Я сделал для вас все, что мог. Прощайте.

Александр растерялся. Тот же рациональный внутренний голос подсказывал, что кто-то из них определенно спятил.

Незнакомец развернулся.

«Наверное, надо что-то сказать... спросить...» — подумал мужчина.

— Это место действительно проклято? — слова сорвались с языка сами собой.

— Что? — человек в сером остановился. — Ах, место! Нет, конечно. Что за ерунду вы говорите!

Яростный порыв ветра поднял и закружил опавшую листву. Ярко-красный с оранжевыми всполохами вихрь хлестнул Александра по щекам. На глаза выступили слезы.

Пыль?

Когда Александр протер глаза — на дорожке аллеи никого не было.

Незнакомец исчез.

Александр стоял посреди кружащихся в бешеном танце листьев и с тоской смотрел в глубь парка.

Вихрь стих так же внезапно, как и начался. Падающий сухой лист нежно прикоснулся ко лбу мужчины.

В горле возник упругий комок. Так касалась Вероника.

— Отпускаю, — пробормотал Александр и достал зажигалку.

Вначале вспыхнули листья в руках у пожилых супругов. Затем огонь перекинулся на кожу. Их силуэты стали зыбкими, прозрачными. Ирина Витальевна крепко взяла мужа за руку, и супруги растворились в осеннем воздухе. Дымом взметнулись вверх и затерялись среди пушистых облаков.

То же самое случилось с Витькой и Семкой. Превратившись в дым, они, словно продолжая соревноваться, ринулись ввысь и навсегда пропали в небе.

— Эх, сорванцы... — пробормотал почтальон и, уже растворяясь, крепче сжал двухколесного друга.

И только художник долго смотрел на тлеющий лист, словно желал запомнить все нюансы цвета горячей осенней души. Наконец, растаял и он.

— Отпускаю, — повторил Александр, и ветер оставил на его губах поцелуй. Теплый и нежный. С горьковатым осенним привкусом — печали и огня.

Олег ТИТОВ

Волчья пена

(Рассказ занял 2 место на 20-м конкурсе Мини-прозы, 2010 год)

Человек в серой бесформенной хламиде скрючился в углу, что-то выцарапывая ложкой на стене. На вошедших он не обратил внимания. Санитар, сопровождавший следователя и главврача, грубо оттащил пациента, отнял у него ложку, пихнул на кровать. Тот съехался и затих, что-то бормоча про себя.

Андрей Аланович наклонился к надписи.

— Волк, — сказал он с удовлетворением. — Что и требовалось доказать. Ай-яй-яй, Роман, — он погрозил пальцем пациенту, — хватит портить стены! Накажу!

Пациент съехался еще сильнее. Сергей Пикалев посмотрел на надпись. Действительно, Роман успел накарять буквы «вол» и начал выводить вертикальную черту от «к».

— Не знаю, что вы сможете выяснить, — сказал Пикалеву врач. — Он говорит белиберду.

— Посмотрим, Андрей Аланович, — кивнул следователь и обратился к пациенту: — Что случилось в Сергеихе?

Пациент с надеждой посмотрел на Пикалеву.

— Мертвые кошки, — с надрывом произнес он. — Трава светится. Мертвые кошки бродят по дорожке. Волки боятся травы. Она светится.

— Почему вы напали на человека? — прервал его Пикалев. — Бомж на помойке. Почему вы напали на него?

— Он заодно, — забормотал Роман. — Он с волками заодно. Он растит траву.

— Но волки боятся травы, — снисходительно заметил главврач. — Как он может им помочь?

— Она светится! — заорал пациент. — Волки боятся!

Андрей Аланович пожал плечами.

— Видите, — сказал он Пикалеву. — Я предупреждал, что ничего не получится.

— Да уж, — вздохнул следователь. — Пойдемте.

«Мертвые кошки!» — доносилось им вслед по коридору. «Мертвые кошки царапают в окошки! Волки идут! Стены не помогут! Волки идут!»

В закрытой пробирке лежало несколько травинок с красноватым оттенком. Пикалев потряс их над ухом — раздался явственный шорох. Василий Курта, присоединившийся к ним по дороге из больничного крыла, с интересом следил за другом. Он не пошел к Телеху, вместо этого решив погреться на солнышке, перечитывая исто-

рию болезни. Теперь они втроем сидели в мягких кожаных креслах в кабинете главврача.

— Это та самая трава? — спросил Курта.

Пикалев кивнул.

— Нашли среди вещей пациента, — сказал главврач. — Если будете ее щупать, будьте осторожнее. Уколетесь.

— Вы ничего с ней не делали? — спросил Пикалев.

— Попросили проверить на радиоактивность. На всякий случай. Уж очень насторожила нас эта светящаяся трава.

— Ничего?

— Естественно. Но я бы рекомендовал показать ее экспертам. Она... странная. Слишком уж жесткая. К тому же ее цвет мне кажется не совсем нормальным.

Пикалев проверил пробку и сунул пробирку в карман.

— Больше у него ничего интересного при себе не было?

Андрей Аланович покачал головой.

— Тут написано, — Курта ткнул пальцем в бумаги, — что пациент регулярно пишет на стенах большие буквы «W». Что это значит, по-вашему?

— Зря вы не пошли с нами, — ответил главврач. — Я как раз рассказывал вашему коллеге, что у Телеха одержимость идеей оборотней. Возможно, он отождествляет себя с одним из них. Большую часть времени он выглядит нормальным. Но иногда начинает рычать, неразборчиво грызаться. Боится яркого света, не ходит на прогулки, в его палате даже лампочки пришлось вывинтить. Бормочет во сне какие-то стишки о волках. Вот и буквы «W» зубной пастой рисует.

— И что это означает?

— Вервольф, очевидно. Ну или, возможно, просто волк.

— А почему на английском?

— Обратни — англоязычная традиция. Даже если человек не знает английского, слова «wolf» и «werewolf» ему знакомы с детства. Сказки, фильмы, фантастические романы. Он не мог не встречаться с ними.

— Вы сказали, — прервал Пикалев, — что вам пришлось вывинтить лампочки. Дело в том, что Телеха арестовали, когда тот внезапно напал на бомжа у помойки. Тот держал

Титов Олег Николаевич, родился в 1975 году в Москве. С детства любил книги и читать научился раньше, чем говорить. При выборе будущей профессии разрывался между химией и компьютерами, но два последних школьных года в физмате при МГТУ им. Н.Э. Баумана повернули судьбу в другую сторону, так что на данный момент автор является дипломированным специалистом по автоматизированным системам управления и обработке информации.

Серьезно писать начал в начале 2008 года. В конце 2008 года рассказ «Прошедшее время Стеллы Уэйнрайт» был опубликован одесским журналом «Азимут». Впоследствии там же было опубликовано еще несколько рассказов. Ряд рассказов был опубликован в сборнике «Авантюра по имени «Жизнь»».

в руке лампочку. Он, что, расценивал ее как потенциальный источник света?

— Скорее всего, — кивнул врач. — Обычное дело для подобного психоза.

У выхода из больницы Пикалев закурил. Проходящая женщина в белом халате неодобрительно посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Как Телех? — спросил Курта. — Выяснить ничего не удалось?

Сергей молча покачал головой.

— Что делать будем?

— Что, что? Лететь во Владимир, что. Там ведь где-то эта Сергеиха. Одна шишка просит другую разобраться, а нам расхлебывать, — Пикалев щелчком отправил окурок в урну. — Ну ладно. Дуй за билетами, а я сгоняю к Артуру, отдам травку.

— Артур любит травку, — хихикнул Курта. — Вот пускай с ней и повозится. Пошли, до метро тебя подброшу.

* * *

От Сергеихи друзья ожидали худшего. Покосившиеся дома тут и там перемежались крепкими, недавно поставленными срубями. Лениво потягивались на заборах кошки. На скамейках у заборов грелись бабульки, с интересом поглядывая на приезжих. По проселочной дороге важно переваливался гусь. В отдалении, полускрытая буйной зеленью, белела новенькая церковь.

Деловитые бабушки быстро нашли радушного мужулистого мужичка, у которого несколько дней квартировался Роман. Тот, назвавшись Игнатом, а также старостой деревни, повел их в сторону большого, свежеевыкрашенного дома.

— Скажите, а волки у вас есть? — спросил Пикалев, проходя в калитку.

— Странно, что вы спросили. Нет у нас волков. Когда-то были, конечно, еще мой дед встречал последних. Но их уже давно не видели.

Шедший за ними Курта резко остановился. Не двигаясь, он смотрел на крыльцо дома. На лице Василия медленно проступало выражение удивленного омерзения.

С притолоки, из-под резного козырька, на них смотрела прикрепленная наподобие охотничьих трофеев высушенная кошачья голова.

— Вот и Роман так же среагировал, — вздохнул Игнат. — Пойдемте в дом, я вам легенду расскажу.

Хозяйка дома, пышная веселая женщина, усадила гостей на скамью, налила чаю. Игнат сел напротив, отхлебнул из чашки и безо всякого предисловия начал:

— Давным-давно жил-был в деревне человек по имени Петр. Была у этого человека кошка, Марфуша. Затем Петр женился. Жена его невзлюбила Марфушу и потребовала, чтобы муж выгнал кошку. Но как ни бился Петр, не мог он отвадить Марфушу от дома.

Поэтому однажды он засунул ее в мешок и унес далеко в лес, понадеявшись, что та не найдет дорогу домой.

Долго скиталась Марфуша по лесу и однажды поранила лапки о траву. Станным показалась это ей, и решила кошка посмотреть, откуда появилась такая трава. Так она набрела на становище бешеных волков. Обсуждали волки, как нападут на деревню, пена из пасти капала в траву, и стебли ее обращались ножами.

Испугалась Марфуша и решила во что бы то ни стало рассказать людям о нападении, которое готовят волки. Только не учла она, что трава изранила ее лапки до крови. Учужали волки кошачью кровь, настигли Марфушу и разорвали в клочья.

Так сильно было желание кошки помочь людям, что призрак ее спустился с неба в деревню и проник в сон Петра. Рассказала Марфуша человеку о волках. Но не поверил ей Петр. Испугался, что, если расскажет людям о волках и о кошке, посетившей его во сне, засмеют его односельчане. Поэтому он ничего не сказал людям.

А потом в мирно спящую, беззащитную деревню пришли волки. Они загрызли почти всех жителей, в том числе и Петра, и его жену. Те же, кто выжил, рассказывали, что отгонять волков им помогал едва заметный в лунном свете призрак какого-то зверя, похожего на кошку.

Игнат умолк. Некоторое время над столом висела тишина.

— Я вот чего не понимаю, — сказал Курта. — Это же легенда. Сказка. Почему вы в нее верите? Кошек убиваете?

— Сказка сказке — рознь, — нахмурился Игнат. — Легенды не появляются из ниоткуда и не уходят в никуда. Они вокруг нас и внутри нас. Не вам судить о том, чего не знаете... А кошек мы не убиваем. Напротив, лишь умершие естественной смертью кошки предупреждают о волках. Убитые же — смотрят и молчат.

— Все равно, издеваться над мертвыми кошками...

Курта умолк, потому что Пикалев пнул его под столом ногой.

— Скажите, — сказал он, — Телех ничего необычного не рассказывал?

Староста покряхтел, поерзал по скамейке.

— Для него тут все было необычным, — уклончиво ответил он.

— Тем не менее, что конкретно ему казалось странным?

— Возможно, наши приношения богу. Мы несем ему символы света. К сожалению, старый священник умер, а новый, молодой, не принимает наши подношения, ругает нас, называет язычниками. Поэтому мы оставляем приношения у старой церкви, за холмами.

— Где это?

Игнат хмуро посмотрел на Сергея.

— Не надо вам туда ходить. Свет может вылечить, может испепелить. Роман вот не выдержал.

— И все же придется. Работа такая, — с наигранным легкомыслием ответил Пикалев.

До заката оставалось еще несколько часов, и друзья решили не терять времени. Они вышли на проселочную дорогу, размышляя, что делать дальше.

— Все равно это сумасшествие! — сказал Курта, исподлобья оглядывая соседние дома. — Смотри, они везде! На каждом доме!

— В нашем мире полно странных обычаев. Уймись.

— Почему живые кошки не боятся?

— Привыкли.

— Серега, объясни, зачем людям, которые сто лет не встречались с волками, обереги от волков?

— Знаешь, что! — не выдержал Пикалев. — Хочешь ответов — иди потолкуй с местным батюшкой. Раз они тут новенькую церковь отгрохали, значит, она им нужна. Вот и разузнай, что он думает по поводу этих языческих обычаев. А я пойду на старую церковь гляну.

Он шел в сторону, указанную старостой, когда услышал детский голос, доносящийся из-за перевитой зеленым плющом изгороди. Раздвинув стебли, он увидел маленькую девочку, которая напевала, подкидывая мяч:

— Мертвые кошки бродят по дорожке, царапают окошки.

Хватит людям верить, запирайте двери, нападают звери...

Пикалев отшатнулся и быстро пошел прочь.

Глинобитная церковь одиноко стояла в низине, на границе бывших земельных участков. От них оставались еще ржавые столбики, на которых когда-то висела рабица, да понатыканные тут и там пугала. Сами участки обильно поросли сорняками. Дальше, за церковью, начиналось поле. Еще дальше, на глаз километрах в двух, высился лес. Мимо шла узкая заброшенная дорога из бетонных плит. Она пыльной нитью вилась меж полей и скрывалась за горизонтом.

Невысокая ограда вокруг церкви все еще стояла, но ворот уже не было. На дворе все поросло травой. Неподалеку от входа, метрах в пяти, зачем-то поставили еще одно пугало. Пикалев присмотрелся к нему и ощутил ползущий по спине противный холодок. Пугало, как обычно, состояло из двух палок, на концах которых висели какие-то тряпки. В перекрестье этих палок красовался облезлый кошачий череп.

Не сводя глаз с пугала, Сергей пошел ко входу, но на очередном шаге его правую ногу вдруг ощутил что-то укололо. В сердцах ругнувшись, он ретировался к забору и, неловко балансируя, снял ботинок и носок. На пятке сразу же набухла капелька крови. Пикалев пощупал носок и мрачно уставился на испачканные красным пальцы. Поискал глазами ближайший подорожник, записал листья в носок и вновь надел туфлю, предварительно осмотрев подошву. Маленький, в полсантиметра, разрез был бы почти незаметен, если не знать, где искать.

Аккуратно, шаркая и волоча ногами по земле, Пикалев подошел к месту, где что-то впилося ему в ногу, и легонько провел рукой по траве, надеясь найти этот предмет. Ладонь ощутила десятки жестких лезвий, способных не только порезать кожу, но и пробить резиновую подошву.

Это была сама трава!

Сергей отломал — оторвать не получилось — одну стрелку и недоверчиво поднес к глазам. Трава имела ошутимый красноватый цвет. Создавалось ощущение, что она поблескивала на солнце, будто была сделана из металла. Кромки были острыми, как бритвы.

Пена из пасти капала в траву, и стебли ее обращались ножами.

Легенды вокруг нас.

Пикалев задумался, глядя на темнеющий дверной проем. Ему отчаянно не хотелось идти внутрь заброшенной церкви, охраняемой черепом кошки и стальной травой. Потом пришла мысль, что это, возможно, тюрьма, и эти жуткие обереги здесь не столько не пускают кого-то внутрь, сколько не выпускают кого-то оттуда.

Почему ее забросили? Разве православные так поступают?

Причудливой буквой возвышался над ним крест с обломанными поперечинами.

Отругав себя за слабость, Сергей решительно вошел внутрь.

Помещение было пустым. От иконостаса не сохранилось и следа, на месте алтаря стояли два деревянных ящика. Вокруг них были разбросаны обломки досок. Пикалев присмотрелся — в одном из ящиков лежали лампочки. Множество разбитых лампочек. Он подошел поближе и выяснил, что на дне другого ящика лежало несколько целых. Он наклонился и взял одну из них. Лампочки были перегоревшими.

Взгляд Пикалева упал на следы вокруг ящиков. Следы какого-то животного, сантиметров пятнадцать в диаметре, похожие на собачьи. Или волчьи. Их было немного, будто одинокий заблудившийся зверь потоптался вокруг ящиков, прогулялся до ниши в стене и затем ушел обратно...

Обратно куда?

У входа следов не было.

Сергей минут пять осматривал притвор, предполагая, что случайно затоптал отпечатки, что не могла эта зверюга появиться из ниоткуда. Безрезультатно. Следы появлялись буквально из стены, даже не приближаясь ко входу в церковь.

В нише, примерно на метровой высоте, обнаружилась маленькая полочка. На ней лежало несколько штуквин из серого металла, похожих на противотанковые ежи в миниатюре. Пикалев однажды видел такие в кино — там эти железки впивались неприятелю в ноги. У этих, впрочем, концы были тупыми. Просто четыре тонких прутка, сплавленные между собой.

На улице постепенно темнело. Сергей вытащил фотоаппарат, сделал несколько снимков — следы, ящики с лампочками, полочку с «ежами». Затем начал осматривать стену, рядом с которой следов было особенно много. Вскоре он обнаружил маленькое отверстие — он решил бы, что оно осталось от гвоздя, если бы вокруг не блеснул еле заметный металлический ободок. Недолго думая, Сергей взял с полочки один из ежей и воткнул его в дырку.

Стена будто потекла!

Темные пятна проступили меж каменных щелей. Пикалев в страхе отскочил, успев вытащить ежа, однако темные пятна не исчезли — они увеличивались, стекали на пол. Черная лужа, постепенно вытягиваясь, поползла к его ногам. Кисло завоняло какой-то химией — чужой, неестественный запах, смешанный со странно знакомым... с запахом мокрой шерсти.

Сергей бросился к выходу. Уже совершенно стемнело, он бежал, едва различая путь, и вдруг врезался в пугало, откуда-то взявшееся прямо на тропинке. Оно сломалось и упало. Пикалев попытался перепрыгнуть через него, но споткнулся и замер, растянувшись на земле, одной рукой инстинктивно сжав древко.

Стояла тишина.

Пикалев сел на корточки, щелкнул зажигалкой. Ночь отступила, но некоторые кусочки тьмы на мгновение задержались, вышмыгнули из светящегося круга уже после того, как вспыхнул огонь. Они кружили где-то там, на границе восприятия; тени в темноте, прячущиеся в уголках глаз.

Тени выжидали. Они боялись света, но казалось, что они боялись не только света. Сергей осторожно нащупал другой рукой пугало и поднял его высоко вверх.

Руки-тряпки раскинулись над человеком.

Череп оскалился с перекрестья в темноту.

Откуда-то послышался тихий урчащий звук, будто неподалеку маленького котенка гладили по мохнату-му пузу. Затем к нему присоединился еще один, и еще, и вскоре ночь вокруг наполнилась довольными котятками, которые подбирались все ближе и ближе.

Сердце бешено колотилось. Пикалев поставил пугало на землю — кошачий череп едва не прильнул к щеке — и, придерживая его локтем, нащупал в кармане пачку сигарет. Когда он закурил, невидимые тени отпрянули еще дальше, урчание затихло. Тогда он рискнул потушить зажигалку, встал, взялся обеими руками за древко и очертил в воздухе вокруг себя широкий круг.

Во тьме что-то испуганно, беспорядочно засуетилось, замельтешилось и вдруг пропало. Ночь стала обычной, на небе проступили звезды.

Пикалев прислушался. Вокруг никого и ничего не было.

Он поднял пугало высоко над головой и пошел к деревне.

В огнях деревенских окон маячили два темных силуэта. Они были привычны и материальны. Они вышли навстречу, обеспокоенные его отсутствием.

Курта смотрел на него с тревогой. Пикалев подумал вдруг, как он, должно быть, выглядит в глазах друга: грязный, с безумными глазами, с облезлым кошачьим черепом на перекрестье и демонстративно выставленной сигаретой. Странно, но ему совсем не было стыдно или хотя бы неловко. Страх вытеснил остальные эмоции. Страх перед монстрами во тьме.

— Нехорошо это, — сурово сказал Игнат и уверенно, одной рукой отнял у Пикалева крест. — Не надо было этого делать. Пойду, на место поставлю.

Сергей кивнул. Проходя мимо все еще молчащего Курты, он, подняв палец, будто предупреждая слова друга, заявил:

— Потом расскажу!

Они пошли по проселочной дороге к домам, светящимся в ночи. К деревьям, которые мирно колышут листьями под звездным небом.

К кошачьей голове, оберегающей людской сон.

Курта не сказал Пикалеву ничего нового. Батюшка, не такой уж и молодой, ругался на бестолковых жителей деревни, убеждая, что никаких подношений бог не требует. Однако люди продолжали таскать лампочки. Доходило до того, что самые рьяные привозили их из окрестных деревень. Батюшка честил их почем зря, накладывал епитимьи, но непрошибаемые жители никак не могли отказаться от своего суеверия.

Друзья уже подходили к дому старосты, когда резкий звонок мобильного чуть не заставил Сергея подпрыгнуть на месте.

— Артур? — воскликнул он в трубку. — Привет! Что-нибудь необычное есть?

Трубка фыркнула.

— Вольфрам в составе растительных волокон — это, я тебе скажу, довольно необычно!

— Вольфрам?! Это возможно?

— Всегда считал, что нет, — почему-то язвительно отозвался Артур.

— А он может быть причиной красного оттенка?

— В чистом виде — нет. Но, кроме вольфрама, хромография показала наличие свинца. Я предполагаю, что в траве содержится вольфрамат свинца. Он действительно может дать красный цвет. Но вот как он туда попал, я, хоть убей, не в курсе. Может, ты мне скажешь?

— Откуда я знаю?

— Ваша парочка печально известна своей изобретательностью. Вольфрамат свинца — это монокристаллы, которые специально выращивают в лабораторных условиях. У меня только одно предположение по поводу того, как они попали в траву.

— Это не мы! — растерянно сказал Пикалев. — Спасибо, Артур! Это правда не мы! Откуда мы его возьмем?

Он положил телефон в карман, посмотрел на Курту и сказал:

— Он думает, что мы его разыгрываем. Что мы напихали в траву вольфрам.

Василий поднял бровь.

— А на самом деле... — он жестом предложил Сергею закончить фразу.

— Что на самом деле?

— Это не мы его разыгрываем. Это ты его разыгрываешь.

— Ты-то откуда это взял?! — разозлился Пикалев.

— Думаешь, я тебя не знаю? Дождался, пока я пойду тебя искать, схватил этот крест и начал вышагивать с безумным видом.

— Да ты!.. Да я!.. Я тебе завтра следы покажу! Там полно следов! Волчьих! — оскорбленно крикнул Пикалев и негодуя забежал в дом, оставив Курту недоверчиво смотреть ему в спину.

Следов не было.

Пикалев кружил по опустевшему помещению, развёл руками.

— Послушай, вчера были следы! Вот прямо здесь! А здесь ящики были... Ладно, у меня фотографии есть! Я потом покажу. Пойдем!

Он потащил Курту к выходу, присел у пугала и начал водить по траве ладонью, сначала осторожно, потом все увереннее и увереннее, и вот уже остервенело размахивал руками, но трава мягко шелестела по пальцам и не желала ранить человека. Но тут вдруг что-то чиркнуло Сергея по мизинцу. Обильно полилась кровь.

— Вот видишь! — торжествуя крикнул он, перевязывая порез носовым платком. — Это трава! Видишь!

Курта нагнулся, аккуратно раздвинул траву и поднял острый кусочек стекла. Пикалев осекся, обмяк, устало оперевшись на стену церкви. Его лицо приняло совершенно беспомощное выражение.

— Тогда я не знаю, — пробормотал он.

— Осколок лампочки, — серьезно сказал Курта. Он пошуршал в траве ботинком и добавил: — А остальное где? Слишком уж сильно ты себя любишь, чтобы резать пальцы ради розыгрыша. Дай фотоаппарат!

Курта зашел в церковь и, сверяясь с картинкой на маленьком экране, обошел ближайшие места, где должны были быть волчьи отпечатки. Особенно внимательно он приглядывался к щелям, к сочленениям пола и стен, к выбоинам в засохшем растворе. Затем он встал в центре помещения, рассматривая отчетливые следы собственных ботинок в пыли. Еще раз полистал вчерашние фотографии.

— Какая-то ерунда, — сказал он, выйдя на улицу. — Там нет вообще никаких следов.

— Я уже понял, — буркнул Пикалев.

— Нет, не понял. Там нет и твоих следов тоже. Там, откуда ты снимал, судя по ракурсам, они должны быть. Но их нет. Там только пыль.

Друзья переглянулись.

— А вот пахнет там странно, — добавил Курта.

— Они перестарались, — прошептал Сергей. — Они заметали следы и перестарались.

— Отошли фотографию Артуру. Прямо сейчас сделай. Пусть скажет, что это за следы. Где ты наткнулся на пугало?

— Я не знаю точно... я выбежал, — Пикалев показал, откуда, — и побежал к выходу. Было темно, но я же помню, где выход.

— И сломал деревяшку?

— Ну да.

Курта встал в центре двора, огляделся.

— Ну и где обломок?

— Может, Игнат вытащил.

— Дырка где? Свежая земля где? Дождя не было ночью.

— Стой! — Пикалев ткнул пальцем за забор. — Они не так стояли. Вася, они не так стояли!

Пугала окружали церковь почти ровным кругом, глазницы черепов повернуты ко входу в церковь. Жут-

кие стражи, охраняющие мир от зверей, которые бродят в темноте.

Курта выглянул за изгородь.

— Пойду, посмотрю, — бросил он через плечо. — Посылай пока фотографии.

Сергей закопошился в коммуникаторе.

Курта вернулся через несколько минут.

— Ничего, — вздохнул он. — Будто всегда там были. Однако у меня появилось предположение, которое все объясняет. Это все-таки розыгрыш. Грандиозное надувательство, которое организовали жители деревни. И кошачьи головы, и лампочки, и ходячие чучела — все подходит.

— Зачем им это?

— Денежка. Все в конечном счете сводится к денежке. Видишь, как тут все шоколадно? Дома новые, церковь. Обычная деревня никому не уперлась. А вот деревню, в которой происходит что-то необычное, чиновник по крайней мере не проигнорирует. Хоть как-то, но будет финансировать, чтобы по голове потом не получить случайно.

— А вольфрам в траве?

Курта пожал плечами.

— Ну кто его знает. Мы ж не химики. Может, здесь месторождение какое...

Пикалев промолчал. Он вспоминал темные тени, размытые, текучие, будто капля чернил растворяется в стакане. Тени, которые струятся по щелям. Это нельзя подделать.

Или можно?

Он не знал.

В тот вечер в доме старосты гуляла день рождения старшая дочь. По случаю гостей Игнат закатил целый пир. Собралось полдеревни, столы шли из комнаты в комнату. Каждый второй, казалось, играл на гармонии или на ложках, рассказывал анекдоты, травил байки, пел частушки. Водоворот красок, света, звона бокалов, вкусных жареных и соленых запахов.

И тени по углам.

Почему Артур не отвечает, подумал Пикалев и решил перезвонить сам. Выкарабкавшись из-за стола, он вышел на крыльцо и набрал номер.

— Получил я твою фотографию, — послышался из трубки недовольный заспанный голос. — Заколебали прикалываться!

— В каком смысле?

— У волков есть разница между отпечатками передних и задних лап. Так вот, на твоём снимке передних отпечатков нет. Вы нашли единственных в мире прямоходящих волков, поздравляю! Это не они там веселятся? Выпейте с ними за мое здоровье.

Сергей нажал отбой, прервав череду гудков, и посмотрел вверх. Там была Луна. Толстый полумесяц освещал яблони, под которыми раскинулась мягкая, ровная трава.

Целое море травы.

Несколько минут Пикалев тупо смотрел в пустоту, а потом снова взялся за телефон.

— Ну что еще?! — раздраженно буркнула трубка.

— Артур, помнишь, ты рассказывал про вольфрамат свинца. Что это за вещество? Для чего оно?

— Это сцинтиллятор. Вещество, которое светится под действием радиации. Увидеть ее нельзя, поэтому используют сцинтилляторы.

— Артур, а если вырастить траву с этой штукой внутри, она будет светиться?

— Да иди ты в жопу! Я вообще-то сплю! — разозлилась трубка и отключилась.

Через несколько минут на крыльцо вышел Курта, на мгновение выпустив кусочек веселья в темную, холодную ночь. Он обнаружил Пикалева сидящим на ступеньках, тихо приподнимающим носки ботинок — один, второй, один, второй.

— Что Артур сказал?

— А? — очнулся Пикалев. — Да, ты прав был. Розыгрыш это. Поедем завтра домой, Вась? Поедем, а?

В понедельник Пикалев сидел за столом, пытаясь заставить себя открыть очередное дело. Настроения не было. Лампочки с пугалами не шли из головы.

Вбежал Курта, почему-то очень веселый, раздухарившийся.

— Был в больнице, рассказал про вольфрам, — затараторил он. — Пообщался с этим Телехом. Тот аж запрыгал от счастья, что его поняли. Вывели его на прогулку у автопарка, там, где все заасфальтировано, — отлично себя чувствует на солнышке. Благодарность тебе от Андрея Аланыча. Говорит, очень необычный случай в его практике.

Пикалев мрачно хмыкнул.

— Он, правда, говорит, что не так уж сильно ошибся, — добавил Курта. — Что слово «вольфрам» тоже происходит от слова «волк». Ну да ладно. — Он торжественно раскрыл портфель и достал два листа бумаги, один из которых протянул другу. — Дело закрыто за отсутствием состава преступления. Расстройство психики вызвано специфическими обычаями местного населения. Шеф, правда, рассказывал, что его знакомый остался недоволен, но мы больше ничего сделать не можем. Психи — не наш профиль.

Пикалев молча уставился на ксерокопию. Лицо его приняло весьма странное выражение, будто он держит в руках бомбу, которую нужно обязательно обезвредить, но неизвестно, как именно.

Курта, не дождавшись реакции, вздохнул и вручил ему вторую бумагу.

— Это от Артура, — сказал он. — Этот твой еж действительно оказался переплавлен из спиралей лампочек.

Пикалев как будто не удивился. Он мельком проглядел заключение эксперта и вновь уткнулся в постановление.

Курта покружил по кабинету, поглядывая на друга. Посмотрел в окно. Сунул руки в карманы.

Пикалев взял черновик и начал черкать на нем ручкой. Обычно он делал так, когда что-то серьезно обдумывал.

Курта сел на стул, полистал очередное дело, вздохнул. Последил за Сергеем. Тот продолжал выводить на листке какие-то знаки. Курта встал, потягиваясь, побродил по кабинету и, будто невзначай, бросил взгляд на стол друга.

Пикалев сосредоточенно обводил большую букву «W».

— Мне вчера приснился сон, — тихо сказал он. — Широкая темная равнина, покрытая травой. Насколько хватает

глаз, до горизонта. А над травой, в небе, медленно движется огромное покрывало. Оно старое. Я знаю, что оно старое и в нем трещины. Их не видно. Они как тьма во тьме. Но когда они проходят над травой... она светится. И этот свет означает смерть.

Курта заглянул другу в глаза и спросил:

— По Андрею Аланычу соскучился? Серега, это розыгрыш! Ты просто слишком много о нем думаешь.

— Возможно.

— Это можно доказать! Давай туда еще раз съездим... — начал Курта и вздрогнул от неожиданности, когда Пикалев нервным, высоким голосом крикнул вдруг:

— Не надо!!!

Мертвые кошки бродят по дорожке...

— Не надо нам туда, — повторил Пикалев. — Дело закрыто. Нечего там делать. Нечего.

Василий Курта сидел на скамейке, подставив лицо теплему сентябрьскому солнцу. Его жена, Анна, сидела рядом, положив голову супругу на плечо. Настя, их двухлетняя дочь, резвилась неподалеку, гоняясь за мальчишками и размахивая желтым пластмассовым совочком.

С Анной Василий познакомился четыре года назад, когда из их отдела ушел Пикалев. Василий так и не понял, почему тот ушел. В один прекрасный день Сергей просто подал заявление и исчез. Ходили слухи, что он даже уехал из страны.

Его место заняла миниатюрная рыжая дознавательница. Василий, как мог, сопротивлялся идее служебного романа, но любовь оказалась сильнее. Так Курта стал любящим мужем и главой семейства.

Настя выдохлась и уселась под деревом ковыряться в земле. Вскоре девочка отбросила совочек и зашебуршила в траве руками.

Правду говорят, что любовь является антиподом страха. С появлением Анны из сердца Василия ушла смутная тревога, которая поселилась там после поездки в странную деревню. Стерлись из памяти образы кошачьих голов и мрачные перекрестья пугал. Забылась дурацкая легенда о волках, о кошках, о человеке, который побоялся предупредить свою деревню об опасности.

Василий сладко поехал и зарылся лицом в огненные кудри Анны. Все было хорошо.

Мертвые кошки бродят по дорожке,

царапают окошки.

Хватит людям верить, запирайте двери,

нападают звери.

Льется с морды пена, не помогут стены,

разорвут вам вены.

Лишь костей осколки от вас оставят волки,

Бешеные волки...

Настя, ойкнув, отдернула руку, удивленно посмотрела на нее и засунула палец в рот.

Ирина КУЧИШКИНА

Бар на кости

Настроение было хуже некуда. Сергей шел по улице в поисках какой-нибудь забегаловки, где можно выпить и забыть о сегодняшнем дне, и обо всем вообще. Сам того не заметив, он оказался в старом районе.

Вокруг высились многоэтажные дома с темными окнами. В одном из таких домов, на его радость, оказался небольшой бар. Он открыл дверь и размашистым шагом вошел внутрь.

Народу было не очень много. Музыки не было, и музыкальный автомат уныло стоял в углу.

Сергей сел за стойку и заказал выпивку. Перед ним появился высокий стакан с водкой. Бармен, худой мужчина неопределенного возраста, смотрел на него с видом ничему не удивляющегося человека.

— В честь чего пьем? — сел слева от него высокий парень с худым лицом и в черном балахоне.

Сергей невольно улыбнулся, решив, что парень какой-нибудь монах или актер, не успевший переодеться. Человек тем временем прислонил слева от себя косяк с зачехленным лезвием и, заказав выпивку, улыбнулся Сергею тонкими губами. Волосы были собраны сзади в низкий хвост. Черные, как смоль. Глаза блестели непонятным красноватым оттенком.

— Жизнь — дерьмо, — наконец усмехнулся Сергей.

— Ну, почему же? — заметно повеселел незнакомец. — Вас вот как зовут?

— Сергей.

— А меня можете называть Снэйч. И почему вы считаете, что жизнь — дерьмо?

— На работе не ладится, дома бывшая жена достала, а на улице меня сегодня чуть трижды не сбила машина. И где тут радость?

— Авро! — крикнул Снэйч в зал. — Это ты не проследил?

— Чего?! — подлетел молодой парень в черном джинсовом костюме. — Нас на линии по пятеро на каждый район, работаем посменно, и сегодня я был выходной. — отчеканил Авро, убирая непослушный светлый локон с лица. — Я же не валю на тебя каждого самоубийцу. Знаю, что вас тоже навалом на линиях работает.

— Молодежь, — покачал головой Снэйч. — А пить стоит просто за жизнь. Так будет правильнее.

— Ну, не скажите! — запротестовал Сергей, успешно прослушав весь разговор. — Просто за жизнь — это

даже не тост. Да и просто этот свет упорно не переваривает людей.

— Это точно, — с улыбкой поддержал его Снэйч. — Вы кем работаете, Сергей?

— Я дизайнер в модном журнале, — решил говорить правду Сергей. — А вы?

— А я вот заведу отделом самоубийств в департаменте местной смерти, — он отхлебнул и продолжил с невозмутимым видом. — Понимаете, пытаюсь привести в порядок штат. Нас отдел стал в последнее время просто отсеивать легкие формы. Вы не представляете, раньше мы оставляли жизнь каждому пятому повешенному, а теперь приходится каждому третьему. Те, кто режет вены, теперь почти все остаются живы. Мы просто переполнены работой, и у нас полный завал. Иногда мы неделями не можем вынести вердикт, куда отправить того или иного самоубийцу, а они зачастую оказываются невыносимы и даже пытаются спить наших сотрудников или, что еще хуже, затащить их в постель.

— Так вы начальник отдела? — спросил Сергей, решив, что его просто дурят, или человек не в своем уме.

— Да, — кивнул Снэйч. — Вы вот, Сергей, должны меня понять. У меня половина персонала молодежь. Им всем не больше пятидесяти, а недавно перевели совсем молодого, ему всего семнадцать! И что мне остается делать? Приходится оберегать их от пагубного влияния современных людей. Вы же понимаете, сейчас все самоубийцы в основном малолетки лет семнадцати. Они все считают, что жизнь — дерьмо и что они никому не нужны. Они не думают, что раз их произвели на свет и содержат, значит, они для чего-то нужны. Самовлюбленные сукины дети, и ничего большего, — Снэйч со злостью опрокинул рюмку и, сделав глубокий вдох, продолжил: — Вот скажите, какого появилось столько сопливых сук? Я не осуждаю геев, рокеров, готов в конце концов. Готика она всегда была, человеку свойственно любить смерть во всех ее проявлениях, и они по крайней мере зачастую оказываются хорошими ребятами. Хотя не все, но большинство, скажу вам по секрету, даже не знают, кто такие настоящие готы. Геи, так они всегда были, и они попадают к нам единицами. И то по серьезным причинам, по крайней мере, в своем понимании. Рокеры, неформалы — тоже единицы. В основном лишь

Ирина Валерьевна Кучишкина. Родилась 9 августа 1986 года в г. Саратове. Училась в училище №16 на художника-оформителя. Живет с родителями, братом и двумя кошками. Всю жизнь увлекалась стихами и песнями. Рассказы начала писать давно, в данный момент пробует писать романы. Как фантастические, так и не очень.

розовые сопливые девахи, которые считают, что это круто — подохнуть ради собственного самолюбия.

— А это не так? — поднял бровь хмелеющий дизайнер.

— Человечество изживает само себя, — покачал головой Снэйч. — Раньше были рыцари и прекрасные дамы. Железные латы, длинные платья и кодекс чести. А посмотрите, что мы имеем сейчас: молодые парни погибают от переноса лишнего килограмма, а девушки щеголяют почти без одежды. И те, и другие зачастую являются хроническими алкоголиками и не знают, как обходиться без ругательств и пяти минут. Парни бьют девушек, девушки являются шалавами. Нет, мир обречен, в нем нет системы выживания, а механизм самоуничтожения работает как замедленная бомба. Люди гниют изнутри. Из их плоти не вырастет и цветка.

— Система выживания? — переспросил заинтересовавшийся Сергей.

— Ну да, — кивнул Снэйч. — Нам о нем еще в школе рассказывали. Каждый человек по своей сути — это машина для работы. Каждому дано то, без чего он не способен обходиться. Что ему нужно для жизни. Кто-то является рабочей силой, кто-то — умственным гением. Если бы человек мог изжить вирусы «гения» и «лени», наша с вами планета была бы раем на земле. Если стереть грани между людьми и всех заставить работать, с подходящими условиями для труда, мы бы не знали проблем. Но вы же понимаете, что это невозможно.

— Ну почему же, — пожал плечами Сергей. — Ведь были же колхозы и...

— Нет, вы не поняли, — твердо заявил Снэйч. — В человеке изначально зародилась любовь к наживе. Чтобы спасти человеческий разум, надо стереть все границы. А у нас как? Есть хорошее место на работе, и туда попадает родственник, родственник друга, подруги, даже если они ничего не знают об этой работе. Цены растут, зарплаты падают. В мире живет версия хозяина и чернорабочего. Человек экономит на всем и на всех кроме, себя самого. Человек не достоин жить, если он делит других на плохих и хороших. Даже злодеи в какой-то степени оправдывают свои действия. Их рождает общество, которое отказывается нести вину, если только это не принесет ему пользы. Звезда телевидения лучше купит себе коньки за тысячи долларов или евро, чем отдаст хоть одну из них в приют или больницу. Им это не надо. Мир продался за ляжки и груди.

— Вы правы, — согласился с ним Сергей. — Даже благотворительность сейчас существует лишь потому, что это приносит популярность и больше денег, чем они жертвуют.

— Поверьте мне, — серьезно сказал Снэйч. — Человечеству осталось не больше нескольких сот лет, а после от него останутся лишь разлагающиеся ошметки. Пока не будет построен хрустальный мир, в котором не будет границ, и каждый будет получать то, что он заслужил, а не то, что ему приписали другие, мир об-

речен на гниение и смерть. Пока он не изживет этих сопливых малолеток, не уважающих даже собственных родителей, ему не будет спасения. Пока жили рыцари, было многое, но они были людьми. Они любили богатство, но они не смели поднять руку на невинного, а прекрасные дамы делили ложе лишь со своим мужем. У них было будущее, у современного, смешно сказать, человека его нет.

— Вы так и не объяснили, как создавать этот самый механизм выживания, — заметил Сергей.

— Потому общество и погибает, — улыбнулся Снэйч. — Вы не хотите видеть дальше собственного носа. Вы пришли сюда, чтобы напиться, потому что у вас плохой день. А вы подумали о сотнях людей, которые стали калеками? Вы подумали о сотнях сирот, которые каждую ночь режут в подушку, потому что у них нет мамы? Вы подумали о стариках ветеранах, которые спились лишь оттого, что более влиятельные люди, которым наплевать на их заслуги и спасение собственной жизни, лишили их повышенной пенсии, и коммунальные услуги стоят больше, чем они получают? Вы подумали, кто-то в эту секунду лишился дома, семьи? Вы подумали о тех, кто хоронит своих детей? Вы о них подумали?

— Нет... — замялся Сергей.

— Люди обречены, — усмехнулся Снэйч. — Вы еще хороший человек, и вы думаете над тем, что я вам говорю. Но современная молодежь думает лишь о том, что они никому не нужны, и всем на них наплевать, но на самом деле это они плюют на всех. Малолетние сукины дети. Они калечат животных, чтобы пощекотать собственное чувство превосходства. Я не считаю людьми тех, кто способен издеваться над беззащитным. Они все такие, поэтому всех их мы отправляем в ад. А вот у вас есть шанс попасть в рай, Сергей.

— И откуда такая честь? — попробовал улыбнуться дизайнер.

— Вы всю жизнь заботитесь о ком-то. Не лезете в драку и предпочитаете уничтожить ее в зародыше. Вы заботитесь и любите своих родителей и детей. Вы никогда не бросите свою бывшую жену, не оставите ее без крошки хлеба. Вы человек, и вам известно слово «честь». Вы человек, а они нет.

— Спасибо... — потупился Сергей.

— Мне пора, — Улыбнулся Снэйч. — До свидания.

— До свидания.

Снэйч встал, взял свою косу и направился к стене бара. Он не стал идти к двери. Это дверь выросла перед ним, и он исчез в ней. Через секунду исчезла и дверь. Сергей заметил, что никто в баре не пользовался входной дверью. Двери выросли и пропали в стенах.

Он расплатился и вышел на улицу. Немного постояв, развернулся к бару и увидел перед собой кирпичную стену старого дома. Бара не было, и лишь бледным мелом на всю стену было выведено: «Бар на кости, заведение для служащих смерти».

Владимир МОЛОТОВ

Мусорщик

К тридцати трем Валька стал употреблять каждый день. Мать свозила его к экстрасенсу, но через месяц пластинка заиграла снова. Валька где-то находил на выпивку, чуть ли не каждую неделю менял работу. Мать совсем опустила руки. Последнее, что она сделала для него — устроила мусорщиком на Ваганьковское кладбище. Если и заметят пьяным, рассудила она, то посмотрят сквозь ресницы. А какой дурак среди могильщиков не поддадет?

В первый день, собственно, Валька вышел трезвый, хоть и с похмелья. В животе копошилось нудное нечто, в горле свирепствовала засуха, но, выбритый и помытый, он стоически вычищал скорбные аллеи. Памятники погребенным его не смущали — напротив, столь трагичная и величавая атмосфера располагала к чистке мозгов с перепоя. Ну подумаешь, какая разница, где работать? Если не рефлексировать о смерти, то можно сносно ужиться. А после обеда кладбищенская суета поутихла, контролировать его перестали, и Валька начал тайком прикладываться к фляжке.

Это была сокровенная чаша, секретная панацея, заботливо схимиченная накануне и сунутая утром за пазуху. Живительный эликсир из компота не дал Вальке загнуться от боли. Не столь телесной, ибо к обеду органы притихли, сколь душевной.

Ах, милый друг Венечка, великий писатель, только мы с тобой знаем истинный предикат счастья! Так высокопарно думал Валька, радуясь августовскому солнцу и периодически воровато причащаясь. Только нам ведомо, как глупы глаза у нашего народа, вечно несущегося по Москве! Так пусть всяк сюда приходящий посмотрит на эти могилы и, забыв ненадолго бешеный ритм города, поразмыслит о вечном.

Ближе к вечеру, выполняя последнее задание хмурого усача-бригадира, Валька начал грезить о женщине. О том, как завтра после работы он вымучит деньги у матери в счет аванса и поедет в Митино, где в тускло-красной общаге воркует Леська. Там он купит на углу дома вино и закусь, и не какую-нибудь краснуху, а путный портвейн, и не какую-нибудь кильку, а маслянистую колбаску, да возьмет еще конфет на развес с забавно повествующими о «цукерках» фантиками. Дальше Вальку занесло на лобзания

с Леськой, он уже представил потный аромат ее молочного тела, приперченного родинками, и в паху забегали пьяные мурашки. А затем и грудь Леськину вспомнил, по-матерински огромную, упругую, и над желудком запенились волны. Но вот наступил конец рабочей смены.

А часто бывало так — пьешь, пьешь, и потом одна стопочка, от которой ничего и не ждал, которую взял просто как хлеб насущный, как само собой разумеется, как ступеньку на Воробьевых еще в середине подъема... А она, родимая, словно кровь Христова, приносит тебе то самое заоблачное умиротворение или даже неопишуемую нирвану. И, спрятавшись напоследок на окраине кладбища, у оградки циркачей Пичугиных, Валька несколько раз приложился к остаткам, да не рассчитал. И забылся мертвым сном.

Самому же ему показалось, будто глубокий, но короткий провал кончился тем, что он почувствовал, как проснулся, но не хочет поднять веки и увидеть опять могилы, а лицо его в поту. Из глубин уже готовилось подняться что-то тошнотворное, глумливое и неизменно-печальное. Деваться было некуда, и Валька открыл глаза.

Тупая рожа полнолуния беззаботно взирала на таежный лесок крестов и памятников. Где-то поблизости шуршала то ли листва, то ли еще что. Полулежащий Валька поднял тяжелую руку с фляжкой, потряс подухом — к несчастью, оказалось пусто.

И тут он вздрогнул — его оглушило ухающими возгласами, раздающимися прямо над головой.

— Ух-хо-хо-хо-хо! Ух-хо-хо-хо-хо!

Валька встрепенулся и сел, под горлом резко застучало сердце. Он перевел взгляд: рядом, над невысоким, в виде срезанной пирамиды, памятником поднималось свечение.

— Твою мать! — тихо выпалил Валька. — Нету их, не верю!

— Да ведь на Ваганьке-то впервые ты в ночь, Валечка. А тут нам так тесно, — мягко сказал тонкий девичий голосок. — Шутка ли, по шесть рыл в одной могиле?!

Свечение преобразилось в девушку в сероватом сарафане, с черными язвочками на длинных синеватых руках, но необычайно красивым, правда, си-

Владимир Борисович Молотилев (псевдоним Владимир Молотов).

Родился в 1973 г. в г. Тюмени. Учился в Красноярском Институте Космической техники, закончил Тюменский Нефтегазовый Университет. Служил в армии в Северноморском гарнизоне. Работал инженером на заводе, менеджером по рекламе, киномехаником, журналистом. Попытки что-то написать делал с детства, но серьезно увлекся литературой с 2006 г. Публиковался в журналах «Порог», «Техника Молодежи», «Очевидное и невероятное». В настоящее время живет в Тюмени и работает специалистом по торговому оборудованию.

неватым же личиком и стриженными под мальчика седыми волосами. Валька соскочил, отбежал подальше, словно испуганный пес, и протер глаза. Девушка не уходила. Она как бы стояла на памятнике, но чуть-чуть за ним.

— Я случайно в ночь, — глупо оправдался Валька.

— Зря не веришь, болван! — раздался противный старческий голос сзади.

Вальку пробрало током с головы до пяток, он опять отскочил, точно ужаленный, в сторону и оглянулся. С противоположной могилы, которая была метрах в семи-восьми, прямо на Вальку ковылял дед с кудрявой сединой, с тростью, облаченный в серый костюмчик и с черными ямками вместо глаз.

— Фу, чур не меня! — Валька неумело перекрестился. — Неужели белочка?

Между тем ноги обмякли и задрожали в коленках.

— Слава богу, до белочки ты еще не допился, — говоря так, дед неумолимо приближался.

Казалось, он даже ускорил ход. И он не переступал памятники, а проходил сквозь них. И вот тут-то Валька в полную силу ощутил весь ужас, да еще и холод августовской ночи, и сорвался с места и побежал прочь.

Едва различая дорожку, он несся сломя голову. Но вдруг дорожка кончилась, он по инерции перескочил через оградку и, уже плутая между могилами, наконец, споткнулся, больно ударив голень. И припал, вовремя подставив руки, на чью-то могильную плиту.

— Валька-у-у! Ва-алечка-у-у! — плаксиво завывало в ушах голосом, похожим на материнский.

Он поднял голову и увидел, как в пяти шагах впереди степенно прошла мимо старушка со змеей плетеной седой косы, в ночной рубашке лунного оттенка с вышивками. Валька соскочил и опять побежал.

Почудилось, что прошла целая вечность, прежде чем он снова упал.

— Ва-аля! Валя!

Он приподнялся и огляделся вокруг, но теперь никого не было, хотя прежний девичий голосок призрака с язвами на руках звучал прямо над ухом.

— Ва-аля? Почему? Почему ты мусорщик? Ведь ты же философ.

Он отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Фигаро, Фигаро-о, Фигаро там, — пропел противный старческий голос и высказался: — Так он же не доучился!

«Надо срочно найти выход и бежать к сторожам», — подумал Валька, выпрямился и сделал шаг.

— От себя бежишь! — предостерег девичий голосок.

Чаша переполнилась. Все тело Валькино начало подрагивать. И Вальке вдруг стало стыдно за себя, он встряхнулся, похлопал ладонями по ушам, попрыгал.

— Если, как в феноменологии, — раздался голос деда с черными ямками, — вынести за скобки твое существование, то, быть может...

— Да что ты, Валечка? — перебила девушка с язвами на руках. Она шла уже наперерез странной плы-

вущей походкой. — Не бойся, мы тебе поможем. Что тебя мучает?

— Я знаю, что его мучает, — похвастал голос деда. — Ему все кажется, будто с момента икс он мог выбрать иной путь и не скатился бы до мусорщика на кладбище.

Девушка остановилась в пяти шагах. Валька ясно увидел, как она заморгала.

— Это правда, Валечка? Хочешь, вернем тебя в тот день?

Валя сел на холодную землю, слеза отчаяния защекотала щеку. Да, часто, уж больно часто ему казалось, что в тот день, скажи он «нет», все пошло бы иначе. И как это они догадались?

В несколько секунд основными кадрами непутевая жизнь промелькнула перед ним. Сначала МГУ, философский факультет, походы в общежитие, карты, пьянки, случайные птушницы, клевавшие не на его неказистую внешность, а на доброту и порядочность, пропуски лекций, двойка и отчисление. Потом армия, тяжелый кулак старшины, жестокие северные метели, долбление кучи ледяного угля, скупая слеза над материнскими письмами, добрый майор, распределение в штаб, пьяные прапорщики и вечно ноющая тоска. Затем возвращение, беззаботная жизнь, чудом найденная хорошая работа, подготовка к восстановлению в МГУ и она — роковая женщина. С нее-то и начинаются главные беды. Из-за нее он потерял работу и передумал продолжать учебу. Из-за нее жизнь превратилась в долгий кошмар. Все смешалось: безумная сексуальная страсть и звонки ее бывших поклонников, жгучая звериная ревность и постоянные стычки с рукоприкладством, царапины на лице и засосы на шее, бурные примирения с грязным сексом, бесчисленные фотографии каких-то мужиков из прошлого, бесконечные ее отлучки к подругам, и эти кристально чистые глаза невинного ребенка, и эта ее гениальная манера переворачивать простые вещи с ног на голову, и ее уговоры что-нибудь купить, и ее насмешки над томами Канта и Гегеля, и его многочисленные порывы уйти, и глупое, глупое дежурство у нее под окнами после мучительного расставания. Она, как ведьма, затягивала почти черными глазами, и он давал из себя лепить любые игрушки. С ней он начал выпивать почти ежедневно, по вечерам, пиво, а без нее — безудержно погрузился в водочное пьянство. И дальше — нудное одиночество, постоянные выпивки, случайные связи, вынужденное увольнение по собственному. И так по наклонной — каждый месяц новая работа, вечные посиделки со случайными алкашами, драки, приводы в милицию. Пока мать не устроила сюда, на Ваганьковское.

Но тогда, та роковая сука, она сказала, томно изогнувшись и козырнув глазками: «Я хочу с тобой жить. Оставайся у меня навсегда». И он, помешкав минуту, поддался. А если бы сказал «нет» и сразу ушел, порвал на этом, еще в самой завязке отношений, то потом не испортился бы, не опустился. Так он думал много раз.

— Ну, хочешь, Валечка? — повторила вопрос девушка с язвами-тараканами, сделав шаг навстречу.

Валечка книжкой из ладоней устало провел по лицу.

— Хочу, — прошептал он.

Девушка приблизилась и протянула к нему безобразные руки. Валька ощутил необычайное тепло. Глаза застелила пелена, он будто оторвался от земли и вознесся над могилами, но тут резко хлопнул воздух округ, и он сел на что-то твердое.

Валя открыл глаза и увидел себя в том самом месте, в то самое время. Ее хрущевская кухня, на стене календарь с котятами — двухтысячный год, окно с облупившейся рамой, на столе безвкусная малиновая подстилка, а напротив Вальки она — Лора.

Холодок прошелся по спине, а виски обдало жаром. Но в следующее мгновение он с неожиданным восторгом ощутил свое тело вновь молодым, не подпорченным алкоголем. Боже, неужели такое возможно? Неужто это она? Он принялся удивленно разглядывать Лору. Этот нос с горбинкой, чуточку оспинок на щеке, эти омуты-глаза — и что он в ней находил? Отнюдь не красавица. Лишь когда поймал ее зрочки, повеяло легким ветерком былой страсти. Она сидела и жеманно поглядывала исподлобья черными очами.

— Я хочу с тобой жить. Оставайся у меня навсегда, — вкрадчиво произнесла она и одновременно немного изогнулась, выпячивая грудь под белой рубашкой, как бы напоминая о бурной ночи.

— Нет, прости, Лора, но у нас ничего не получится, — спокойно отчеканил он.

И сразу на душе стало так легко и хорошо, нахлынуло этакое пьянящее чувство превосходства над ней, словно выросли крылья.

Вещей пока здесь нету, насколько он помнил. Собирать, слава богу, нечего. Он встал, вышел в прихожую. И покуда Лора хлопала ресницами, разинув рот, он обулся и вышел. И был таков.

* * *

Валька размашисто шел по осенней солнечной улице, поглядывая на старые фасады, прикрытые карточными домиками строительных лесов. Прохожие из прошлого казались забавными, было по-осеннему свежо и волнительно. И счастье захлестывало его. Вот теперь он начнет, да-да, начнет свой главный отрезок жизни по-иному. Найдет хорошую девушку, женится, восстановится в университете. И у него родится сын, и все пойдет, как валик малярный по стенам.

И новая жизнь закрутилась. Лора позвонила пару раз, но он не дослушал и бросил трубку. На удивление, она отстала, наверно, быстро нашла другого дурачка. А он постепенно забыл, как попал в прошлое. Его неправильная жизнь и Ваганьковское кладбище вылетели из головы. Как вылетел, впрочем, и опыт зрелости. Все пошло так, словно у него и не было

другого будущего. А правильное будущее начало строиться бурными темпами.

Через три-четыре недели после ухода от Лоры он случайно познакомился с тихой скромной девушкой. Ее звали Катя, у нее было высшее образование и круглое лицо с ладными чертами и зелеными глазами. Через полгода они сыграли свадьбу. Сняли комнату и зажили как в сказке. Валька восстановился в университете. Пока Валька учился, родители с обеих сторон помогали. Впрочем, по вечерам он подрабатывал охранником в супермаркете.

Прошло три года. Жить стало скучно, жена превратилась в сестру. Во время подготовки к диплому неожиданно родилась дочь. И началось: пеленки, распашонки. Семейная жизнь незаметно стала для Вальки хождением по гвоздям. Только начнешь вникать в путаные откровения Заратустры Ницше или в суть осевого времени Ясперса, как ребенок разразится несусветным ором. Нить обрывается, и приходится начинать все сначала. В конце концов, буквы сливаются в ершистые змейки. Раздражаясь неизменно, Валька сваливал всю злость на жену — жалил ее по поводу и без повода. Если и была какая-то любовь, то быстро вся кончилась. К ребенку он, как ни старался, так и не почувствовал отцовства. Да и как можно, к такому вечно плачущему посреди ночи, едва уснешь, и вечно заливающему коричневой кашицей подгузники?

Валька окончил университет и одновременно развелся. «Прости, Кать, но я не создан для семейной жизни», — сказал он напоследок рыдающей жене. На работу Вальку с его абстрактной специальностью никуда не брали, на кафедре остаться не предложили. А служить охранником он считал уже ниже своего достоинства.

Прожив с матерью пару лет, он вконец извел ее нитьем и бездельем, и она устроила его на печную дачу к тетке. Там он связался с какими-то сомнительными личностями и начал часто выпивать.

К тридцати трем Валька совсем спился. Его гнали со всех работ — он уже ничем не брезговал, лишь бы зашибить на выпивку. Однажды он встретил бывшего одноклассника, несколько странного с детства типа. Тот в разговоре известил, что работает на Ваганьковском и может устроить туда и Вальку по старой дружбе.

Бывший одноклассник сдержал слово. Правда, свободной оказалась лишь вакансия мусорщика. В первый же день к концу смены Валька так «наклюкался» из припасенной фляжки, что заснул где-то на окраине кладбища. А вернулся на свет божий только ночью.

Открыв глаза, Валька заметил неподалеку девушку с язвами на руках, пришло ощущение дежавю, и он сразу все вспомнил — как обухом по макушке. Соскочил с земли и сел.

— О, господи, какого черта!

— Не поминай черта всуе, Валечка!

Сидя на земле у оградки циркачей Пичугиных, в нелепой позе, Валька схватился руками за голову.

– Ну почему я опять?.. Почему все так?

– А ты подумай, Валь. Не мне ж тебя учить, дочке акробата, пятого в нашей могиле.

– Ну почему, почему? – Валька начал покачиваться, как псих в сумасшедшем доме. На глаза навернулись похмельные слезы. – Ты знала, да, ты заранее знала?!

– Не уходи-и, побудь со мно-ою, – пропел противный старческий голос и вставил: – Может, не ту точку ты выбрал, а?

– Да-да! – Валька встал на колени и подполз ближе к призраку-девушке. Та опустила глаза.

– Ну, конечно! – добавил он. – Дайте мне еще один шанс! Ну, пожалуйста! Только с другого места. С первого курса университета.

– Нет, Валечка, цирк уехал, – девица медленно поплыла над могилами, удаляясь от человека. – Глупый ты, глупый. Книжки не научили тебя твои? Думаешь, сделаешь один нормальный поступок, и все? Этого мало, Валечка, мало.

Призрак исчез, и только тихое эхо сквозило над кладбищем:

– Мало, мало, мало...

* * *

Над Ваганьковским занимался рассвет. Заря еще не виднелась, но воздух уже светлел, становился синим. С северной стороны могил к главному входу нестойко подошел ссутулившийся мужик.

– Эй, ты откуда взялся? – заорал осоловелый охранник и двинулся к нарушителю.

Памятник Высоцкого, казалось, неодобрительно поглядел на них.

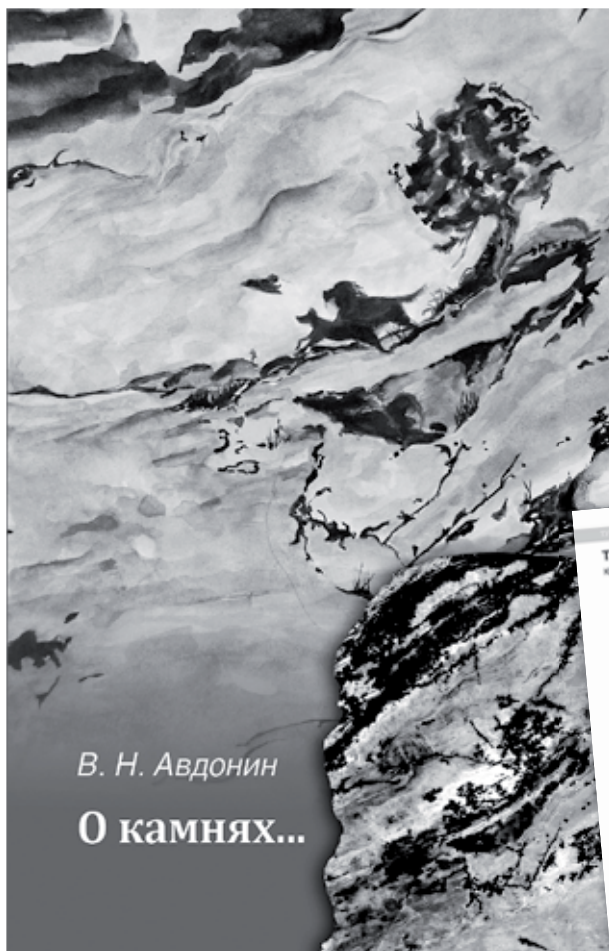
С трудом объяснившегося со сторожем Вальку – это был, конечно, он – выпнули с кладбища. И жалкая фигура, подрагивая, двинулась по Большой Декабрьской. По дороге руки полезли в карманы – собирать мелочь на «краснуху».

– Ух, друг мой Венечка, только я и ты, – бормотал под нос Валька, – да, мы оба знаем предикат величайшего совершенства! И не пойдем, отчего они так грубы? Да, в те самые мгновенья...

Вдали забрезжил круглосуточный магазин, и взгляд Вальки просветлел.

– Зато есть завоевание, есть... Нынче уже не нужна минута молчания по тем скорбным двум часам, когда закрыты магазины.

А столица меж тем загоралась жизнью. Бурной жизнью нового дня.

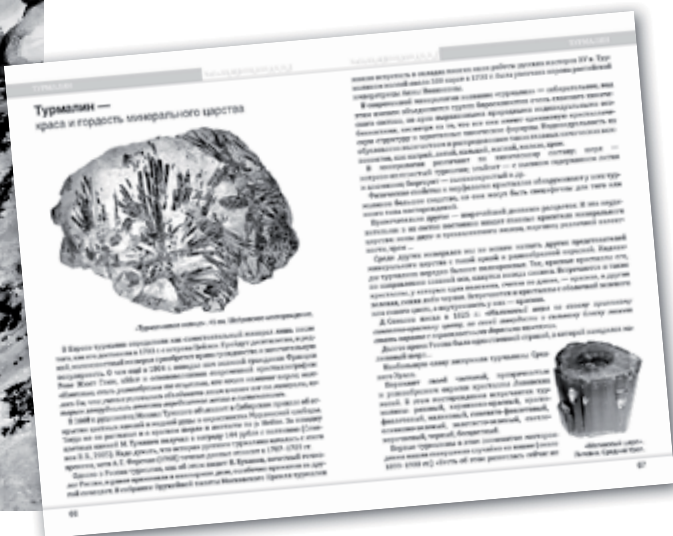
В. Н. Авдонин
О камнях...

«Уральский Следопыт» совместно с Уральским государственным горным университетом представляют научно-популярное издание

О камнях...

Предлагаемая серия очерков об известных уральских минералах составлена из материалов, опубликованных в 2009–2011 гг. в журнале «Уральский следопыт» в рубрике «Камни Урала».

В книгу вошли статьи известного специалиста в области минералогии – **Владимира Николаевича Авдонина.**

Саша БОРОДИН

Заговор теней

Григорий Наумович умер — и сразу же после этого был страшно раздосадован.

Во-первых, оказалось, что загробный мир таки существует. Для человека, который всю жизнь испытывал раздражение ко всему религиозному, это было не самое приятное открытие. К неожиданно свалившемуся на него бессмертию атеист Григорий Наумович был явно не готов.

Во-вторых, насекомые. Реальный загробный мир был совершенно не похож ни на одно из его умозрительных описаний. Он вмещал в себя ВСЕ души когда-либо живших на Земле существ. Самым многочисленным классом были именно насекомые, которых скопилось на том свете такое количество, что их примитивные крохотные душонки слились в один густой,

Саша Борodin (Борodin Александр Викторович) родился 14 мая 1944 года в Москве. Служил в редакциях ряда столичных периодических изданий, в том числе в «Литературной газете», «Известиях», детском журнале «Миша». В 1991-м году уехал с семьей в Израиль, через год перебрался в Канаду. Поначалу работал портным, охранником, водителем такси, курьером, потом устроился специалистом по цифровой фотографии в крупную американскую компанию, где и трудится по сей день.

В иммиграции, как и многие, расписался. Сашины рассказы публиковались в русскоязычных газетах и журналах по всей Северной Америке. С появлением Интернета стал так называемым сетевым автором. Лауреат ряда литературных премий.

В ней приведены исторические сведения об открытии и исследовании некоторых наиболее интересных минералов из экспозиций уникального Уральского геологического музея. Несколько страниц посвящено истории Уральской минералогии в именах преподавателей УГГУ.

Книга адресована студентам геологических специальностей и всем интересующимся вопросом Уральской минералогии.

непрерывно жужжащий туман. И в этом тумане буквально кишела разнообразная живность. Преобладали древние виды, главным образом ящеры, и все они — от мелких до колоссальных — были или противными, или страшными.

В-третьих, люди...

Григория Наумовича встретили родители и две его первые жены. Ситуация до невозможности конфузная, потому что души были совершенно голыми. Правда, родители не выглядели старыми, а мама, по сравнению с отцом, казалась просто девочкой. Да и сам Григорий Наумович преобразился: стал не усохшим от болезни старикашкой, а стройным красавцем лет двадцати пяти. Жены ругались, сводя какие-то старые счеты, родители радовались встрече, расспрашивали о земных новостях, но как-то вяло, скорее из вежливости. И все были бесплотными и полупрозрачными.

Сообразив, что торчать в этом неизвестно кем и для кого созданном зоомузее придется ВЕЧНО, Григорий Наумович решил осваиваться и привыкать.

— Пап! — обратился он к отцу. — Чем вы тут вообще занимаетесь? Я хочу сказать: что тут можно делать?

— Делать? — рассмеялся отец, не обращая внимания на проглотившее его чудовище. — Делать тут, сынок, ничего не нужно. — И, выплывая наружу сквозь шкуру полупрозрачного хищника, добавил: — Отдыхай!

«Как же! Отдохнешь в этом зверинце! — подумал Григорий Наумович. — Хотя старожилы затравленными не выглядят. Ладно, привыкну. Не я первый, не я последний».

Уильнув от никчемных здесь жен, Григорий Наумович стал слоняться по новому месту и присматриваться. Люди, которые ему изредка встречались, обычно проводили время в беседах на непонятных наречиях. Некоторые приручали какого-нибудь зверя и делали его своим компаньоном. Никто не обращал на него внимания. Встретить говорящего по-русски было большой удачей.

Григорию Наумовичу повезло вдвойне: он встретил современника — бывшего профессора Воронежского политехнического института, умницу и эрудита Вадима. Они подружились.

— Сейчас мы с тобой, Гриша, — информационные тени тех нас, которые были живыми, — просвещал новичка ветеран. — Поэтому мы выглядим так, как сами себя ощущаем. Правда, мне до сих пор не ясна материальная основа наших новых тел. Это что-то минимально достаточное для записи накопленных при жизни впечатлений и знаний, что-то очень тонкое. Какие-то миллиграммы вещества. Непонятно какого. А насчет резервов нашей теперешней оперативной памяти не обольщайся. Она не больше больничной утки. Скоро твой резерв переполнится, и ты начнешь забывать то, что с тобой было здесь вначале. Посмотри на других: они все время талдычат одно и то же, как попугаи. Но во всем этом есть рациональное зерно. Если бы наша оперативная память была безгранична, а времени у нас теперь навалом, она бы бесконечно наполнялась. А процессор-то тот же самый, я имею в виду способность тени на-

шего бывшего мозга переваривать сведения. В общем, мы бы тогда раздулись, как мыльные пузыри, а это уже что-то неустойчивое, что может лопнуть. Главное — мы бы перестали бы быть самими собой.

— Почему же ты все это помнишь и не забываешь?

— У нас компания, которую мы превратили в дополнительный блок памяти. Группа доверяющих друг другу душ, гоняющих самую важную информацию по кругу. Ты — уже один из нас. С другими я тебя познакомлю...

Прошло какое-то время, может быть, два-три года. Григорий Наумович привык к своему новому существованию, втянулся в общественную загробную жизнь.

— ...Вадим! Тебе не кажется, что этот новый покойник слишком болтлив. Никому не дает рта раскрыть. Ну и что, что он был журналистом! Ну и что, что жил в Канаде! О Канаде лучше говорить с канадцами, а не с иммигрантом, который и английского-то толком не успел выучить. Я, например, жил в Израиле, но помалкиваю. Главное — он забывает своей пустопорожней болтовней нашу лимитированную память, вытесняя что-то действительно важное...

— ...Вот бы его замочить! — присоединился к их разговору Володя, из бывших новых русских.

— Как же его замочишь, если он уже дохляк? — удивился Григорий Наумович.

— Ребята! Есть мысль, — сказал Вадим. — Тут неподалеку объявился бывший хакер. Кажется, он сможет нам помочь.

Душа хакера косила на левый глаз и источала явный алкогольный дух.

— С вами рядом повисеть, как в ресторан сходить, — сказал с завистью Григорий Наумович. — Как вам это удается?

— Здесь для компьютерщика — рай! — икнул в ответ хакер. — Здесь каждый — вроде компьютера. А соорудить вирус алкоголя было проще пареной репы...

— А вы не смогли бы соорудить вирус «лимонки» или «калашников»? — спросил в лоб Вадим.

— За определенную плату смог бы, — ответил мгновенно протрезвевший хакер.

— Что и сколько?

— Память душ десяти-пятнадцати на недельку, а то мне не хватает.

— По рукам!

Когда «лимонка» была готова, стали бросать жребий, кого назначить киллером. Зловещий номер выпал Григорию Наумовичу. Он взял в руки гранату, выдернул чеку и, плотно прижимая скобу к холодной железке, полетел туда, где в жужжащем тумане шевелились уши незванного болтуна...

...Торонто облетела сенсация: в Etobicoke General Hospital после серии безуспешных попыток реанимации уже по дороге в морг внезапно ожил русский журналист! Его состояние оценивается как стабильное и удовлетворительное...

Читатели могут задать законный вопрос: откуда автор все это узнал? А вот и не скажу!

Рубрику представляет Уральский геологический музей
Владимир АВДОНИН
Фотографии предоставлены автором

Богини минералогии — ваши имена достойно запечатлены в названиях минералов

Порой в великой книге тайн природы
мне удастся кое-что прочесть

Шекспир. Антоний и Клеопатра

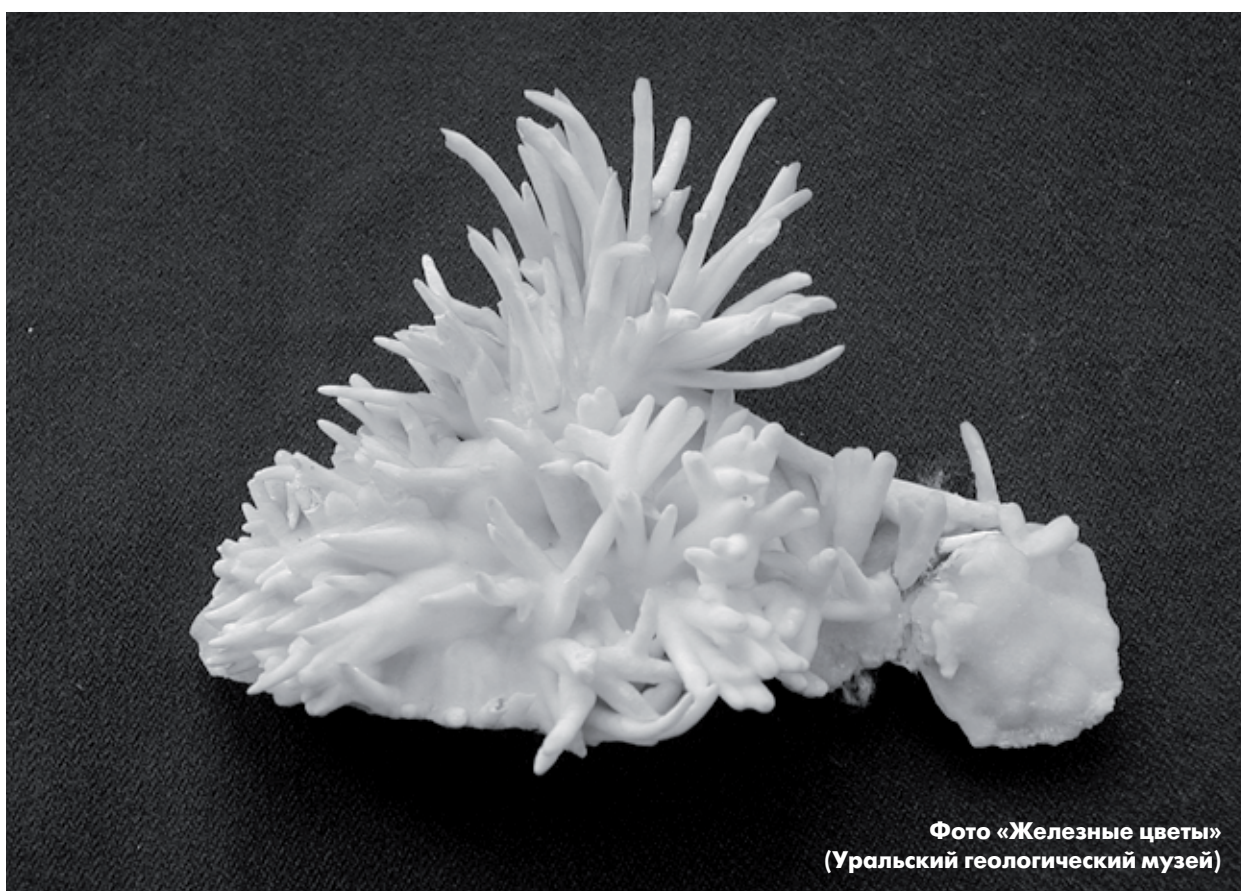

Фото «Железные цветы»
(Уральский геологический музей)

Природа дает нам новые минералы, а названия им придумывает человек. Поэтому у каждого минерала есть свое имя, и многие минералы, не только уральские, но и другие вошли в научный обиход с именами ученых, государственных деятелей, часть минералов названа

по месту находки и др. Однако, просматривая каталоги и различные минералогические словари, например, новейший из них — В.Г.Кривовичев. *Минералогический словарь. 2010 г.*, мы должны с сожалением отметить, что за долгую историю нашей науки в минералогической номенклатуре женские имена не были

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

в почете, как имена мужские. Нам известно, например, что Велер, открывший в 1866 г. новый минерал — сульфид рутения — назвал его «лаурит» в честь Лауры Джой — жены Чарльза А. Джой, химика Колумбийского университета США. Это было первое женское имя в минералогической номенклатуре. В последние десятилетия XX столетия это неравноправие, по крайней мере, в отечественной минералогии начинает «чуть-чуть» исправляться.

«Наука — это медленно растущее и развивающееся дерево познания окружающего нас мира, и вторая половина XX века одарила нас блестящей плеядой женщин-минералогов. Вот их имена: Бонштедт-Куплетская Э. М., Римская-Корсакова О. М., Петровская И. В., Бурьянова Е. З., Яхонтова Л. К., Шадлун Т. Н., Новгородова М. И., Анастасенко Г. Ф., Малинко С. В., Перекрест Л. А. и многие др. Все они заняли достойное имя в истории отечественной минералогии. Замечательное качество каждой из них, соединение труда с уважением ко всякому научному факту, каким бы скромным он ни был; стремление к знанию; полную научную добросовестность и поиск связи фактов с мировой научной работой.

Начало XX столетия — в практику минералогических исследований начинают внедряться высокоэффективные локальные методы исследования минерального вещества. В конце концов, это привело к замечательным минералогическим событиям и довольно бурному росту количества вновь найденных минералов, ранее неизвестных науке. И если в начале ушедшего столетия ученые знали только 662 минерала (Г. Г. Лебедев, 1907), то через столетие минералоги определили в земной коре 4860 представителей минерального царства (Кривовичев В. Г., Краснова Н. И., 2010). «Какое замечательное творчество производительных сил в недрах земного шара». Сразу вспоминается высказывание А. Гумбольдта, восхищенного разнообразием и удивительной красотой минералов, рожденных уральской природой. Отметим еще раз: Урал внес в минеральную копилку земной коры более сотни минералов.

Я познакомлю вас только с некоторыми выдающимися минералогами, с которыми автор был лично знаком, с которыми его связывала многолетняя дружба и которые оставили в его жизни и научной деятельности заметный след. Это в первую очередь Елена Захаровна Бурьянова, у которой я, будучи студентом 2-го курса геологоразведочного факультета Свердловского горного института, проходил практику и овладевал приемами определения минералов. На ее уроках я понял, что определение минералов — это тяжелый и увлекательный труд, где каждый факт, даже самый малейший, имеет значение и нередко немалое. Как мне это стало понятным впоследствии: «Диагностика минерала — это талант, помноженный на опыт». И этим в высшей степени обладала Елена Захаровна. Ей выпало счастье сделать минеральный мир богаче: она открыла четыре ранее неизвестных минерала: ферроселит $FeSe_2$ (1955 г.), кадмоселит $CdSe_2$ (1957 г.),

ванаранилит $(H_3O)_2(UO)_2 \cdot 4H_2O$ (1965 г.) и билибинит — водный силикат урана, свинца и редкоземельных элементов.

Все эти минералы определены в уран-селен-ванадий ураноносных песчаниках месторождения Усть-Уюк в Туве.

Бурьянова Елена Захаровна

Родилась в 1914 году в г. Кировграде (б. Елизаветград) на Украине. После окончания семилетки в 1929 г. училась в школе ФЗУ, где получила специальность слесаря. Работая слесарем, одновременно училась в вечернем рабочем институте сельскохозяйственного машиностроения. Будущая судьба Е. З. Бурьяновой определилась в августе 1933 г. — она уехала учиться в Ленинградский Горный институт, который окончила в 1938 г. Позднее, до 1943 г., работала геологом в системе Дальстроя.

С 1 июля 1943 г. по 1 июля 1946 г. — аспирантка кафедры минералогии Свердловского горного института. За это время, несмотря на ряд неблагоприятных условий, проявила упорство и настойчивость в выполнении поставленной работы.

Вот несколько строк, принадлежащих проф. К. К. Матвееву — научному руководителю. Они красочно характеризуют упорство, настойчивость Елены Захаровны в выполнении поставленной цели: «Способная. Все положенное по учебному плану старается проработать добросовестно и углубленно. Проявляется заметный уклон к самостоятельной научной работе, и в этом отношении начинает проявлять инициативу. Выполнила сверх плана небольшую научную работу о закономерных срастаниях микроклина и нефелина в пегматитах Вишневых гор, доложила ее на заседании минералогического кружка и затем сдала в печать. Принимает участие в учебной работе кафедры. К методической работе относится с интересом и вниманием».

/13.05.1945 г./.

5 июля 1946 г. на заседании Ученого Совета Свердловского горного института она успешно защитила диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук на тему: «Исследование полевого шпата, нефелина и биотита щелочных пегматитов северной части Вишневых гор. Елена Захаровна с большой заботливостью и тщательностью отнеслась к описательной и теоретической части диссертации. Особо заслуживают ее наблюдения над окраской нефелина.

В Свердловском горном институте она проявила себя как прекрасный педагог.

Вскоре по семейным обстоятельствам она переехала в г. Ленинград и все последующие годы работала в институте ВСЕГЕИ. Там она и открыла четыре минерала, названные выше. Там же она составила методическое руководство по определению уран-ториевых минералов. Книга выдержала два издания (1963 и 1972 гг.) — это лучшее руководство для студентов-геологов, изучающих радиоактивные минералы.

**Бонштедт-Куплетская
Эльза Максимилиановна
(1897–1974)**

Я познакомился с Эльзой Максимилиановной во время моей первой научной командировки в Москву в институт минералогии, геохимии и петрографии АН СССР; это было в 1958 году. Как говорится: выпало счастье вплотную познакомиться с некоторыми лабораториями института, с их возможностями, богатыми библиотеками, роскошным минералогическим музеем им. А. Е. Ферсмана. Моя дружба с Эльзой Максимилиановной продолжалась до самых последних дней ее жизни. Образ Эльзы Максимилиановны как исследователя был особенно привлекательным, обширные энциклопедические познания и прекрасный характер приобрели ей в минералогическом мире всеобщее уважение.

Бонштедт-Куплетская Эльза Максимилиановна родилась в Петербурге в семье служащего. В 1922 году окончила Петроградский университет, специализируясь по минералогии. Будучи студенткой, она начала

заниматься научной работой, и в 1920 году была зачислена научным сотрудником в Минералогический музей Академии наук. И так до последнего дня своей жизни Эльза Максимилиановна работала в системе Академии наук, и ее научные материалы были связаны с минералогией. Общий стаж ее работы составил 54 года.

Участница освоения природных богатств Кольского полуострова, она принимала активное участие в составе первых экспедиций Академии наук под руководством А. Е. Ферсмана (1920–1930 гг.).

Это были легендарные экспедиции А. Е. Ферсмана. Первая экспедиция была короткой — всего 10 дней, состояла из 6 маршрутов (75 км). Был собран уникальный материал, благодаря которому Кольскому апатиту удалось «пробить окно в Европу».

В тяжелые 1943–1944 военные годы Эльза Максимилиановна выполняла минералогическое исследование щелочных пегматитов Вишневых гор, которое было составной частью программы изучения пегматитов различных областей Союза и частично мира, проводившегося многие годы сотрудниками Академии наук под руководством академика А. Е. Ферсмана.

В отличие от Ильменских гор, первые минералогические описания которых относятся к концу XVIII столетия, Вишневые горы в геологической литературе впервые упоминаются лишь в 1883 году А. Зайцевым, а первое сообщение о находке миаскита сделано в 1891 году А. П. Карпинским. И только после открытия в 1926 году крупных пегматитовых жил между Курочкиным и Свистуновым логами Вишневые горы привлекли к себе большое внимание благодаря богатым потенциальным возможностям и исключительному разнообразию минерального мира.

Здесь Эльза Максимилиановна и открыла минерал, получивший имя в честь академика А. Е. Ферсмана.

В щелочном комплексе Вишневых гор ферсмит в настоящее время обнаружен в ряде мест, но большинство его находок тяготеют к экзоконтактовому ореолу вокруг массива миаскитов. Долгое время за пределами Вишневых гор ферсмит не находили; сообщение о второй находке в СССР мы узнали из работы Ю. Б. Лавренева и Л. К. Пожарицкой (1958). Они установили этот редкий минерал в карбонатитах Восточных Саян.

Один из крупнейших минералогов Советского Союза, она с 1952 года принимала самое активное участие в составлении многотомного справочника «Минералы»; и не только редактировала статьи других авторов, но и написала для этого справочника более 500 статей. В. Н. Авдонин, бывая в Институте минералогии и геохимии РАН, где последние годы работала Эльза Максимилиановна, непременно заходил в отдел минералогии. Эльза Максимилиановна, несмотря на большую научную занятость, приветливо встречала, всегда находила доброе слово и давала мудрый совет.

А. П. Хомяков в 1980 году в Хибинском щелочном массиве, а Н. И. Краснова — в 1981 году в Ковдор-

ском массиве установили новый минерал. Он назван «бонштедтит» в память об Эльзе Максимилиановне Бонштедт-Куплетской — прекрасной женщине и одаренном минералоге.

Бонштедтит — минерал, установленный в Хибинском и Ковдорском щелочных массивах Кольского полуострова. В Хибинах минерал обнаружен в керне буровых скважин на глубине 540–1875 м. Образует мелкие таблитчатые кристаллы размером до 0,5 x 2 x 5 мм, прозрачные, бесцветные или с розоватым, желтоватым, зеленоватым оттенком.

Яхонтова Лия Константиновна
(24.07.1925–23.05.2007)

Родилась в семье служащих. В 1943 г. поступила на геологоразведочный факультет Московского института цветметаллургии им. М.И. Калинина; в 1946 г. перевелась на геологический факультет МГУ, который окончила в 1949 г. по кафедре минералогии. В 1949 г. поступила в аспирантуру геологического факультета; в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную минералогии окисленных руд вольфрамовых месторождений Средней Азии, а в 1972 г. — докторскую на тему «Минералогия и генезис зоны окисления арсенидных никель-кобальтовых месторождений». Ведущий научный сотрудник кафедры минералогии геологического факультета МГУ (1986), ассистент (1952–1959), доцент (1959–1984), научный руководитель лаборатории гипергенной минералогии на кафедре минералогии геологического факультета МГУ (1965), член Всесоюзного минералогического общества СССР (1952), Совета ВМО и ряда комиссий (педагогической, технологической минералогии, биоминералогии), а также ученых советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при геологическом и почвенном факультетах МГУ (1965), ученый секретарь Ученого совета отделения геохимии (1986), Методического совета геологического факультета, председатель Экспертной комиссии отделения геохимии.

В мае 2007 г. вышла в свет монография Л.К. Яхонтовой и В.П. Зверевой «Минералы зоны гипергенеза». Вопросы минералогии зоны окисления рудных место-

рождений всегда привлекали внимание геологов, так как эти минералы являются прямыми индикаторами на поверхности залегающих на глубине рудных скоплений. Следует отметить, что Яхонтова Л.К., уже будучи тяжело больной и почти при полной потере зрения, до последних дней дополняла и корректировала книгу о минералах зоны окисления. Эта книга — достойный итог жизни этой великой труженицы.

Справедливо сказать, что изучение вторичных минералов — очень трудное и неблагодарное занятие, а результаты часто не столь эффективны. Это обусловлено тонкозернистой, порошковатой формой агрегатов, тонкими срастаниями с исходными минералами, изменчивостью состава. Исследование их требует применения труднодоступных, нередко очень трудоемких методов и часто требует особых навыков. Всем этим, несомненно, обладала Л.К. Яхонтова.

Опубликовала более 160 научных работ, посвященных минералогии окисленных руд различных типов месторождений полезных ископаемых, изучению биосферных процессов, определению минералогических основ биотехнологии минерального сырья, а также общим теоретическим и методологическим проблемам минералогии. Разработала комплексную модель формирования окисленных руд сульфидных и арсенидных месторождений, в основе которой лежит представление о коррозионных механизмах гипергенных процессов, в том числе и с участием живого вещества; детально исследовала многие гипергенные минералы, рассмотрела вопросы, касающиеся их номенклатуры и типоморфизма; разрабатывает минералогические критерии бактериальной деструкции минералов — основу развития биотехнологии минерального сырья; объектами изучения являются бокситы, оксидно-карбонатные руды марганца, медно-сульфидные руды, а в последнее время — океанические железомарганцевые конкреции; имеет свидетельства об изобретении и дипломы об открытии новых минералов — смольяниновита (1956), никельбусенготита, сергеевита (1980), лазаренкоита (1981).

В честь Л.К. Яхонтовой назван минерал **яхонтовит (Yakhontovite)**. Встречен в зоне окисления месторождения олова «Придорожное» в окрестностях г. Комсомольска-на-Амуре. Минерал образует тонкие прожилки фишашко-зеленого цвета. Определен доктором геолого-минералогических наук Постниковой В.П.

Сейчас, когда этих выдающихся женщин-минералогов уже нет, нам хорошо видна их неповторимость. Их усилиями и большим талантом наблюдателя были открыты 8 новых, ранее неизвестных минералогической науке минералов, и тем самым в великой книге тайн природы им удалось кое-что прочесть. Наша искренняя благодарность этим великим труженицам науки за этот вклад в копилку земной коры. Спасибо им за их труды, из которых мы многое узнали. Их имена достойно запечатлены в названиях минералов в их честь.

И мы с любовью повторяем слова русского классика Жуковского В. А.:

*«Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью — были».*

Перекрест Лилия Алексеевна

И чтобы нива жизни и медленно растущее дерево познания окружающего нас мира не засохли, нужно их подпитывать качественно и постоянно. Эту важную функцию выполнила и обаятельная Лилия Алексеевна Перекрест, которая после окончания Уральского государственного университета с 1 марта 1952 года до 1 февраля 1983 года работала в Кировском горно-химическом техникуме преподавателем геологических дисциплин. Красивую и обаятельную, увлеченную своим делом, ее уважали учащиеся и преподаватели. Сама она о своей работе в техникуме сказала коротко: «Могу лишь уверить в том, что судьба подарила мне интересную работу, интересных учеников, абсолютное большинство которых — порядочные, ответственные люди разных званий — от простых техников-геологов до академиков, первооткрывателей, поэтов и других замечательных специалистов нашей страны». Кто они — эти интересные ученики, которые в те далекие годы были «детьми» для преподавателей и классных руководителей? Лилия Алексеевна вспоминает: «В 50-е на геологическую специальность приезжали ребята в основном из деревень, сел, колхозов Вологодской, Архангельской, Калининской (ныне Тверской) областей.

Родители отправляли своих детей постигать науки, денег давали только на билет в одну сторону, поэтому для ребятшек не было дороги назад, надо было поступать в техникум, хорошо учиться, чтобы получать стипендию. В эти годы ребята поступали после семилетки, поэтому были маленькие по росту, худенькие, жилось им тяжело. Общежитие до 1957-го — бараки. Надо было

самим колоть дрова, топить печи, а самое главное, они голодали, денег, как всегда, не хватало, приходилось подрабатывать, например, на разгрузке вагонов.

Наиболее яркие воспоминания о Лилии Алексеевне вынес выпускник техникума 1955 г., а ныне академик Российской академии наук Николай Павлович Юшкин. В книге «Начало пути» он пишет: «Она раскрыла перед нами стройную систему минерального мира, была моей первой и очень хорошей преподавательницей минералогии. Лилия Алексеевна была увлечена и минералогией, и преподаванием. Ее детальные и обстоятельные лекции мне очень помогли в систематизации тех знаний, которые уже были, и в дальнейшем освоении минералогии. Но самое главное, она начала приводить в порядок и расширять техникумовский минералогический музей, стала вести занятия не по книгам, а по минералам. Будучи классным руководителем в нашей группе, она много времени и сил отдавала не только занятиям, но и нашей жизни. Многие ученики Лилии Алексеевны стали профессиональными минералогами. И в знак признания ее огромных заслуг в минералогическом просвещении кольские минералоги Ю. П. Меньшиков с коллегами один из новых минералов, открытых на Юкспорре, назвали **перлиалитом** (от начальных слогов фамилии, имени и отчества нашей учительницы). У меня в коллекции есть этот красивый белый минерал — кальциевый цеолит с очень сложной химической формулой.

Успешный многолетний труд Лилии Алексеевны на ниве просвещения был отмечен медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», а в 1971 году значком «Отличник химической промышленности СССР». Она была участником областного слета женщин (18–19 апреля 1967 года), избиралась депутатом Кировского городского совета. Ныне Л. А. Перекрест проживает в г. Екатеринбурге.

Перлиалит. Открыт Ю. П. Меньшиковым (1984) в пектолит-нефелино-микроклиновой жиле №24 в гнейсовидных рихсчорритах г. Юкспорр, где образует параллельно-шестоватые коронитовые оторочки (до 2 см мощностью) игольчатых снежно-белых кристаллов вокруг зеленовато-серых линзовидных зерен нефелина в шестоватой эгирино-пектолитовой массе. Назван в честь Л. А. Перекрест, преподавателя минералогии в Кировском горном техникуме. В эгирино-пектолит-микроклиновой жиле №30 в рихсчорритах г. Юкспорр, помимо апонифелиновых коронитов, также присутствуют похожие на пух радиально-лучистые, параллельно- и спутанно-волокнистые агрегаты перлиалита (до 7 см в поперечнике).

Всеволод ЛИПАТОВ

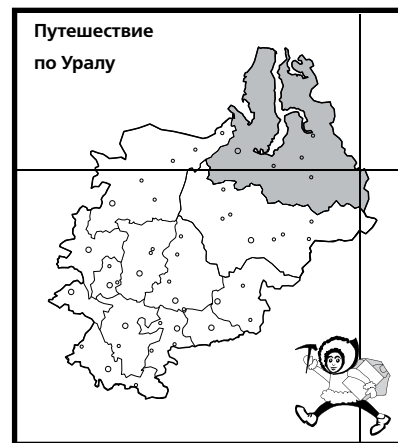
Быль и легенды о Василии Мангазейском

О далекой и загадочной Сибири издавна ходило множество жутковатых мифов, такое впечатление, что люди соревновались друг с другом, кто сочинит больше нелепиц. Но хочу сказать, были и красивые легенды. Если взглянуть в глубь веков, почитав сохранившиеся документы, то невозможно пройти мимо имени Василия, позже наречённого Мангазейским. Он стал единственным человеком, жившим в низовьях Оби, пускай и недолго, кого зачислили в немногочисленный пантеон сибирских святых Православной церкви.

Сейчас мало кто знает, когда-то в Сибири даже праздновалась память в честь Василия святого Мангазейского. И неудивительно, история жизни этого человека покрыта мраком неизвестности, к тому же после его смерти стало появляться много домыслов, предположений и чудных явлений.

Всеволод Липатов — писатель, историк, пишет сценарии, режиссер, снимает документальные фильмы, ведет передачи на радио. Он передал нам много интересных творений, которые ранее нигде не публиковались.

Сам я впервые увидел его икону в начале 90-х гг., в церкви Тобольска. Моя спутница неожиданно показала мне на икону, где была надпись «Василий Мангазейский». В то время я не то что о Василии, а даже о самой Мангазее Златокипящей имел самое смутное представление, пока преподаватель Уральского государственного университета, кандидат исторических наук А. Т. Шашков не посоветовал мне тему для курсовой об этом заполярном поселении. Я не на шутку заинтересовался историей этого средневекового городка, его огромным значением в жизни страны и, естественно, его жителей.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона сухо сказано:

«Василий святой Мангазейский — пострадал в г. Мангазее, иначе Туруханске, в 1600 г. 23 марта, в первый день Пасхи. Память празднуется 23 марта... Св. Василий был сын торговца из Ярославля, поступил в приказчики к богатому купцу, который и послал его с товарами в Мангазею... Благочестивый юноша чуждался развратного хозяина; тот возненавидел его и угрожал мщением, к которому вскоре представился удобный случай. На праздник Пасхи, во время заутрени, когда Василий находился в церкви, была обкрадена лавка. Хозяин обвинил Василия и представил его к воеводе Пушкину. После жестоких истязаний Василий умер и тело его, положенное в гроб, бросили в болото, близ съезжей избы, где совершалось истязание. В 1652 г. гроб с нетленным телом всплыл на поверхность; его поставили на сухое место и построили часовню, а несколько позже он был перенесен в Троицкий монастырь близ Туруханска».

Кто же это был, ведь за любым святым стоит реальный прототип. К сожалению, сведения о Василии разноречивы, в различных источниках того периода пишут о нем крайне скупо. Хотя его судьба неразрывно связана с историей Мангазеи. Это поселение было основано в 1601 г. по приказу москов-

ского царя Бориса Годунова, и просуществовало около семидесяти лет. В начале XVII в. трудно было найти человека, не знавшего о его существовании. Дело в том, что реформы Иоанна IV, войны и польская интервенция порядком опустошили казну, и «мягкая рухлядь», как тогда называли пушнину, во многом пополняла царские закрома, недаром Мангазею стали называть Златокипящей и царевой вотчиной. По подсчетам историков, в иные года до трети всего государственного дохода поступало именно отсюда. Естественно, это поселение вызвало огромный интерес и у купцов. Вот так судьба Василия оказалась тесно переплетенной с жизнью Мангазеи Златокипящей.

О начале его жизненного пути известно немного, но эти события более-менее достоверны, и могут быть, хоть и косвенно, все же проверены.

Мальчик родился в Ярославле в семье торговца. Отца звали Федор, был он человеком благочестивым, а потому, как это часто бывает — небогатым. Своего сына он воспитал в том же духе. В будущей судьбе Василия это сыграло роковую роль. Добрый папаша отдал сына в услужение богатому ярославскому купцу, «имя которого исчезло вместе с его жизнью», но этот человек стал зловещим ангелом. Известно, что этот купчина участвовал в подготовке второго похода служивых людей в Мангазею. Экспедиция пополняла в Ярославле продуктовый запас, а на местных верфях для экспедиционеров строились кочи. Ими командовали московские воеводы В. Мосальский и С. Пушкин.

Купец имел свой интерес в далекой окраине. Привлеченные разговорами о баснословных богатствах Сибири, купцы отправляли своих поверенных для торговли или ехали сами. А уж слухи по городам и весям ходили самые невероятные. Впрочем, они имели под собой реальную почву, иные счастливики за одну поездку в Мангазею могли обогатиться, но это случалось редко. Вот и наш купец очень заинтересовался новыми перспективами и, отправляясь в Мангазею, взял с собой Василия. Осенью кочи благополучно прибыли в новый городок. А так как молодой человек выгодно отличался от других приказчиков своей расторопностью и честностью, купец ему поручил лавку.

Дальнейшая история жизни юноши начинается с балансирования на грани фактов, предположений и домыслов. Скорее всего, Василий участвовал в строительстве городка, налаживал торговые связи с инородцами и русскими промысловиками, торговал в лавке, ведь именно это и вменялось ему в обязанности. Здесь, несмотря на обширность торговых операций, еще не было построено «хороших и крепких рядов и общих караульных при лавках». Поэтому Василию, как многим другим приказчикам и представителям купцов, приходилось жить на своем рабочем месте.

Нетрудно представить, как жили в те времена на севере. Жизнь была трудной, добираться дол-

го и небезопасно, так что, скорее всего, женщин в поселении было мало. Потому можно легко поверить энциклопедической статье, где говорилось, что «благочестивый юноша чуждался развратного хозяина». Кстати, это единственный источник, где указана такая пикантная подробность в их отношениях, послужившая поводом для убийства. В основном указываются причины религиозного характера. Например, утверждают, что Василий был красивым молодым человеком, спокойным и набожным, не пропускавшим церковных служб, и это сильно раздражало хозяина.

Далее события развивались следующим образом. Во время празднования Пасхи Василий находился в церкви на заутренней службе. В это время кто-то обчистил лавку, весть молниеносно разлетелась по всему городку. Вот как это описывалось в одной летописи:

«Василий, не зная ничего о происшедшем, стоял спокойно у Богослужения. Но вот его требуют к хозяину; впрочем, он дождался конца Богослужения, как бы предчувствуя, что оно последнее в его земной жизни. Между тем купец, видя, что приказчик не явился к нему, заключил, что он в соучастии с ворами, обокравшими его. Что его неустанное Богослужение не больше, как маска для прикрытия мошенничества.

Он подверг Василия ругательствам, побоям и предал воеводе. Воевода Пушкин, обольщенный подарками богатого купца, в угоду ему, приказал Василия пытать».

Народная молва дорисовала совсем уж мрачную картину:

«Долго мучили его, терзали тело и члены его; но он, как совершенно невиновный, не признался и хранил молчание. При этом руки у него были заломлены назад и связаны, и голова пригнута к спине. Купец, выведенный из терпения молчанием приказчика, и считая терпение Василия ожесточением и притворством, в неистовстве ударил его по голове связкой ключей. Страдалец испустил дух».

Ещё летописцы добавляют, для предотвращения ненужных слухов воевода и купец приказали оттащить труп за город и бросить в болото и, «считая его за злодея и неприкаянного грешника, велели зарыть без христианского погребения». Другие авторы пишут, что тело было все-таки положено в гроб, а потом уж выброшено в болото, недалеко от съезжей избы, где и совершалось истязание, а «чтобы еще более углубить гроб, через него перекинули доску, по которой люди ходили в съезжую избы». Есть даже дополнения, так сказать для нагнетания страстей и большей правдоподобности, что труп Василия, ставшего позже Мангазейским, «без всяких обрядов был выброшен в поле на съедение псам».

Прошло полвека, об этом убийстве если и знали, то уже успели основательно позабыть. Но нео-

жиданно в Мангазее стали происходить чудеса. В 1652 г. из-под земли вдруг всплыл гроб, и, как утверждают очевидцы, останки Василия в нем были нетленны. Когда воеводе доложили об этом незапланированном чуде, он распорядился его огородить. Потом гроб перенесли на сухое место и поставили часовню. И с того времени жители городка на себе начали испытывать чудодейственную помощь Василия, и со временем стали называть мучеником, а его жизнь обросла красивыми легендами.

Впрочем, чудеса начались еще до этого. Все началось с того, что одному местному жителю приснился дивный сон, в котором он видел бегущего из города юношу. Во сне он спросил его:

«Куда это он так скоро бежит?», и тот отвечал ему: «Слава Богу, имя чудотворца открылось». «А как его имя?» Юноша отвечал: «Имя чудотворца – Василий».

Когда люди были вынуждены бросить Мангазею и перебраться в Туруханск, то мощи мученика были перевезены в обитель во имя Живоначальной Троицы, построенной близ Туруханска. И тут не обошлось без чудес. Настоятель и основатель церкви отец Тихон однажды ночью, стоя на молитве, услышал голос с неба, повелевающий ему идти в покинутую Мангазею и перенести оттуда к себе в монастырь земные останки невинно убиенного Василия. Тихон, всегда покорный велениям Господа, немедленно собрался в путь и прошел простым странником-богомольцем всю длинную, совершенно заглохшую дорогу в Мангазею. Сохранилась красивая легенда:

«Прибыв туда, он увидел посреди снежных сугробов цветущую поляну, на которой лежал юноша, как будто только что сладко заснувший. Склонив подле него колени и помолившись, старец взял на руки тело Василия и тотчас же отправился в обратный путь, который, несмотря на жестокую зиму и глубокие снега, зеленел и благоухал цветами и травами. Так прошёл он без пищи и отдыха, не чувствуя ни голода, ни усталости, более 1000 вёрст за несколько дней».

На самом деле некоторые историки утверждают, при переезде часть останков Василия были самым непотребным образом утеряны. Сейчас очень трудно установить, где правда, а где вымысел. Но как бы там ни было, долгое время церковь официально не причисляла Василия к лику святых. Хотя простой люд по-настоящему верил, что он Божий угодник.

В начале XVIII в. власти всё-таки пошли на встречу верующим. Это произошло после прибытия в Сибирь митрополита Филофея Лещинского. Он активно занимался крещением инородцев, много путешествовал и слышал историю о новом сибирском мученике. Митрополит сам вспоминал, что во время своих странствий в дебрях Сибири испытывал на себе чудную помощь Василия Мангазейского. Когда Лещинский вернулся в Тобольск,

то сразу же послал в Туруханскую обитель резную, золочёную раку, в которой были переложены нетленные останки блаженного Василия.

Странности и чудеса на этом не закончились. Исследователи и путешественники, бывавшие в этом заброшенном, но не забытом городке на берегу реки Таз, даже в XVIII в. видели сохранившуюся часовню. По их словам, за ней кто-то ухаживал, а внутри можно было найти серебряные монеты. Как выяснилось, инородцы тоже стали поклоняться этому удивительному человеку. Только, конечно, на свой лад.

Вот так, в девятнадцать лет, Василий шагнул в бессмертие, став сибирской легендой и почитаемым страстотерпцем и память о нем долгое время сохранялась по всей Северной Сибири.

Если отбросить все романтические напластования, то невольно задаёшься вопросом, что же было в действительности?

Дело в том, что когда я погрузился в изучение этой криминальной истории, то сразу же стали заметны некоторые нестыковки. Мне, человеку, выросшему на севере, было непонятно, откуда болото в апреле месяце? Здесь ещё вовсю лежит снег, к тому же в конце XVI в. началось похолодание, так называемый малый ледниковый период. К тому же Мангазея была выстроена на высоком берегу реки Таз. Значит, о болоте, куда якобы было выброшено тело безвинно убиенного, говорить не стоит. Может, речь шла о снежном сугробе? Как знать.

Кроме этого вызывают недоумения даты и последующие события. В энциклопедии сказано, убийство произошло в 1600 г., но Мангазея была основана не ранее 1601 г., а прибыл туда Василий на следующий год. Вспомним, везде пишется, что трагедия произошла во время Пасхи. Дело в том, что иногда летописцы, описывая какое-либо историческое событие, вместо указания даты ограничивались ссылкой на церковный праздник, случайно совпавший с этим событием. Очевидцам это было понятно, не требовало расшифровок, но у современных исследователей вызывает вопросы. Например, можно допустить, что историки не учитывали перевод из старого летоисчисления в новое, а их было несколько в истории России. К тому же могла закрасться банальная ошибка переписчика, ведь очень много летописей и даже документов дошли до нас в копиях, описок в них предостаточно. Впрочем, мог ошибиться и бытописец, как утверждают некоторые свидетельства, пьянство в острожке процветало. А ещё наступала весна, день стремительно становился все длиннее, и для непривычных к этому русских, день мог вполне перепутаться с ночью, в итоге легко сбиться с календаря. Но тогда за церковными праздниками следили неукоснительно, значит, многие догадки можно смело отмести.

Взяв за факт, что все случилось во время праздника, я провёл несложные вычисления, и убедился, Василия убили 23 марта 1602 г. по старому стилю.

Также надо учесть, что сама легенда об этом событии возникла лишь в 1649 году, после того как «близ церкви, на погорелом месте ... вышел гроб из земли». Но тогда возникает закономерный вопрос, почему несколько лет не предпринималось никаких действий. Ведь только в 1652 г. мангазейский воевода Игнатий Корсаков распорядился «около гробницы окопати землю», чтобы «не приближаться к ней звери и скоти». С того времени, говорится в официальном документе, «учали на-

зывать, что де в том гробу мощи мангазейского чудотворца». Можно предположить, все ждали конца расследования, и потом уже решать, что делать.

Кстати, надо отметить, официальную версию смерти давно подвергли сомнению. Исследователь С. В. Бахрушин пишет, что ещё в конце XVII в. предпринимались попытки пополнить недостающие сведения и точно установить дату смерти святого:

«Уже «Книга, глаголемая описание о Российских святых», напечатанная М. В. Толстым в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских» 1887 г. по рукописи конца XVII в., сообщает новые подробности. Мы читаем в ней: «Града Мангазеи и Енисея святой великомученик Василий отрок, иже в Мангазее граде новый чудотворец, пострадавший в лето 7100 месяца марта в 22 день, перенесены быша мощи его по явлению в Енисей град...». Здесь новостью являются даты. Их легко, однако, расшифровать: 7100 стоит, очевидно, по ошибке вместо 7008, 7009 или 7010 г., т. е. одного из первых годов существования Мангазеи, к которым ... и позднейшая литература ... упорно приурочивает смерть Василия. Что касается 22 марта, то в ночь на этот день, по официальным данным, прибыл в Мангазейский город поп Тихон для досмотра мощей, и уже Н. Н. Оглоблин не мог не отметить совпадения этих дат, которое, конечно, не случайно. Впрочем, в других рукописных прологах год смерти определялся иначе, например 25 марта 1622 (130) г., что может быть опиской 108, 109 или 110 г. ».

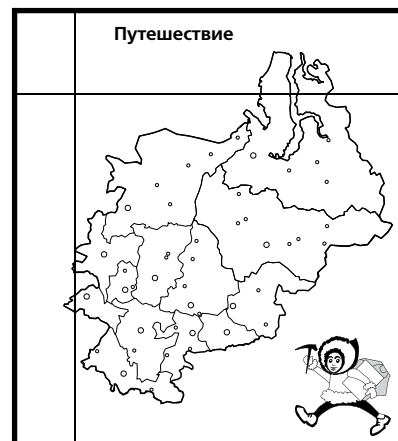
Так был ли этот трагический случай в истории Мангазеи? Бахрушин на этот вопрос не отвечает. Можно предположить, что он сам был верующим человеком, тогда понятно, что сама постановка вопроса для него была бы несколько кощунственной, в XIX в. воинствующий атеизм еще не пустил корни так глубоко в душу человека. Сейчас уже можно сделать вывод, легенда о Василии Мангазейском не более чем вымысел людей, которым хотелось верить в чудеса, тем более в XVII – XVIII вв. на юге Сибири появилось еще несколько похожих легенд о мучениках, с которыми происходили различные сверхъестественные вещи.

Все размышления по этому поводу могут иметь смысл только в том случае, если сам факт трагедии имел место, а не является более поздними выдумками жителей Мангазеи и исследователей, которые спустя много лет и даже веков пытались докопаться до истины.

Лично я, прочитав научные исследования и литературу, проконсультировавшись со специалистами, так до сих пор и не решил для себя эту загадку, не разобрался до конца, где здесь быть, а где мифы и легенды. Но уверен лишь в одном – дыма без огня не бывает. В Мангазее произошло нечто, не укладывающееся в рациональные рамки существующего и привычного порядка вещей.

В. МИЗИН
Фото автора

Роль камней сейдов в мифологическом освоении пространства

странах он имеет как общие черты, так и отличия, но на севере Европы, ввиду специфических природных условий, он обрел уникальные особенности. Феномен рукотворных каменных сложений сейдов, имевших культовое значение в Карелии и на Кольском полуострове, можно назвать многоплановым явлением, имеющим много аспектов. Изучение сейдов северной Европы и собственно Кольского полуострова представляет большой интерес, поскольку подобные конструкции также встречаются в Северной Америке, на Урале, на Дальнем Востоке.

Сейды представляют собой два типа каменных сложений, это крупные валуны, установленные на несколько небольших камней-опор, и валуны, отмеченные сверху одним или несколькими меньшими камнями. Сложность их исследования часто обусловлена отсутствием письменных источников и археологических находок, которые помогли бы однозначно идентифицировать эти памятники. В настоящее время не решен вопрос датировки сейдов, зарубежные исследовате-

Один из сейдов, в котором при определенном ракурсе угадываются антропоморфные черты (Кольский полуостров, комплекс «Береговое-1», август 2010)

Человеку всегда было свойственно осваивать окружающее его пространство. Под этим освоением в древности подразумевалось в первую очередь введение свойственных этому пространству элементов во взаимодействие с человеческими потребностями. В древности освоение пространства происходило по двум направлениям, осваивались территории для жизни, т.е. та область, где возникали поселения, проходили пути кочевий, охотничьи угодья. В другой плоскости этого взаимодействия человека с окру-

жающим миром лежит религиозное или мифологическое освоение пространства. Именно в этом направлении параллельно местам, связанным с повседневными потребностями человека, возникали священные места, в которых человек не был полноценным хозяином и которые принадлежали духам, богам и ушедшим предкам.

Среди ландшафтов Кольского полуострова особое место занимают валуны, оставшиеся от ледниковой эпохи. Культ камней был распространен во всем мире, во многих

Мизин В. Г. (РГО, СПб) – путешественник, основной интерес – исследование древних священных мест северной Европы, мегалитов, культовых камней. Автор двух книг, нескольких статей в России и за рубежом, нескольких фильмов и двух фото-выставок.

ли склонны относить их к Бронзовому веку, примерно середина 2 тыс. до н.э. [1]. Упоминания о камнях сейдах есть в фольклоре всех народов северной Европы. Впервые в шведской археологии Сейды, как жертвенники, упоминаются в работе Гуннара Вестина «История Верхнего Норрланда» [2]. Несмотря на то, что тогда никаких находок возле сейдов сделано не было, эти конструкции были отнесены к Бронзовому веку, поскольку располагались вблизи могильников этой эпохи. В России датировку сейдов располагают от неолита [3] до начала новой эры [4]. На территории России наиболее изучены комплексы сейдов на горах Воттоваара [5], Кивакка [6,7]. Комплексы сейдов Кольского полуострова ввиду удаленности и труднодоступности остаются малоизученными. Обращаясь к теме сейдов, следует заметить, что это принятое в русской литературе название не совсем корректно. У саамов сейдами чаще назывались священные места природного происхождения. Поэтому соотносить с культом каменных сложений упоминания культа сейдов Кольского полуострова у В.Ю. Визе [8], В.В. Чарнолуцкого [9] и Н.Н. Харузина [10] будет некорректно.

Некоторые российские исследователи полагают, что слово сейд неприменимо к мегалитам, предпочитая называть их просто культовыми камнями [11]. В целом проблематика правомочности употребления слова сейд по отношению к мегалитам упирается в вопрос об отношении древних к этим конструкциям, были ли они культовыми? В русском языке слово сейд появилось в результате исследований этнографов 19-начала 20 вв. в Карелии и на Кольском полуострове. Наиболее известным сейдом является почитаемый саамами «Летучий камень», описанный В.В. Чарнолуцким [9]. Видимо, от этого момента слово сейд стало применяться исследователями к валунам, приподнятым на скалах.

Несмотря на утверждения отдельных отечественных археологов об исключительно природном происхождении сейдов [12] и отсутствии каких-либо распространенных сведений об их культе, во многих источниках есть упоминания о сейдах, как мегалитических конструкциях и связанных с ними традициях и преданиях. В Финляндии их называют *kivipöytä* (каменный стол), *heiluvakivi* (качающийся камень). В Швеции сейды чаще всего называют: *liggande hönor* (наседка), *höna på ägg* (кура на яйцах).

Культовые моменты, связанные с камнями-сейдами, упоминаются в работе известного шведского этнографа Эрнста Манкера «Священные места лопарей», где упоминаются несколько камней, поставленных на опоры, являвшихся саамскими жертвенниками. Один из этих камней представлял собой сланцевую плиту на трех опорах, расположенную в местности Спирбергет, в западной Финляндии и известную как «лопарский жертвенник» [13]. Другое подобное образование, в виде большого валуна на трех опорах, было жертвенным камнем в местности Вуогенас Систерскалет. Камню приносили в жертву оленей, чтобы защитить стадо от болезней. Под камнем были обнаружены оленьи рога и медное кольцо [13]. В записях викария приходов Инари и Утсйоки Якова Фелмана [14], которые он вел с 1820 года, упоминается разрушение одного из сейдов возле города Китка на Святой горе:

«Около 1830 года был большой камень, имевший форму куба, со сторонами по 6 локтей; он покоился на четырёх четырёхугольных камнях поменьше, высотой в пол-локтя. Этот камень, который предположительно служил лопарям местом поклонения или алтарем, упоминается фельдфебелем Плантингом. Его при помощи рычага и множества помощников скатили с горы в озеро, где он раскололся и утонул». Финский

Навершие на огромном валуне (Кольский полуостров, район пос. Дроздовка, август 2010)

Камни в трещине расколотого валуна (Кольский полуостров, район пос. Рында, август 2010)

Навершие в виде одноопорного сейда (Кольский полуостров, комплекс «Береговое-1», август 2010)

этнограф С. Паулахарью [15] также упоминает о разрушении одного из камней-сейдов:

«Юппюря сейта находился в церковном приходе Енонтекио, к северу от д. Хетта на крутом лесистом холме. Недалеко от вершины холма стоял невысокий камень на четырех опорах. Камню приносили в жертву рога и монеты. Пару раз неверующие люди скидывали камень с горы, но он возвращался на прежнее место. Наконец строители церкви в Хетта скинули его в озеро Оунасярви, где он и остался. После этого ухудшился лов рыбы в Оунасярви. Сейд был камнем кубической формы со стороны грани 0.7 м.» Еще один известный в Финляндии сейд, считающийся геологическим памятником, расположен на горе Суонтастанвуори, возле Ювяскюля и называется Тапионалтари [16]. Он представляет собой гранитную плиту весом около 10 тонн, установленную на три опорных камня размерами с человеческую голову, его местное название — Алтарь Тапио. Тапио в финской мифологии бог леса. Не менее интересные предания связаны с камнями хейлувакиви, так «... к северо-востоку от деревни Хоуиканкюля есть «катящийся камень», Лииккувакиви. Под валуном ведьмы и колдуны приносили жертвы для исцеления больных детей, удачи на охоте и в животноводстве. В местности Лиекса есть качающийся камень Кииккукиви. Рядом с валуном Кииккукиви есть каменный стол или алтарь, большой плоский валун, неподвижно стоящий на четырех меньших валунах. Ранее это место использовалось для гаданий, позже — как укрытие

от дождя для ягодников и для игр деревенских ребят» [17].

Можно предположить, что природными прообразами камней сейдов были крупные эрратические ^[1] валуны необычных форм и постановок, оставшиеся от периода оледенения и сейсмической активности в северной Европе. Эти объекты привлекают внимание в первую очередь, нарушая собой целостность ландшафта. Высота подобных сейдов составляет 2–4.5 м. Многие из них имеют признаки человеческого участия, к которым можно отнести:

1. Установленные на валунах камни навершия
2. Расположенные рядом с сейдами каменные сложения или небольшие сейды
3. Заложённые камнями трещины

На примере этих объектов можно попытаться определить тот момент, когда произошла сакрализация природных объектов (выделяющихся размерами валунов) и включение их в первобытное этно-культурное пространство [18]. Несомненно, древние люди видели окружающий мир так же, как и мы, но исходные предпосылки для его понимания были совершенно иными. Логика древнего человека была требовательнее к тем моментам, которые для нас кажутся несущественными.

^[1] Эрратические валуны — валуны главным образом массивно-кристаллических, изверженных или сильно метаморфизованных горных пород, отличающихся по петрографическому составу от подстилающего субстрата. Эрратический материал переносился ледником.

ми. Именно в этом состоит сложность понимания современным человеком логики возникновения культа многих древних священных мест. Можно сказать, что «влияние» сейдов активизируется их расположением в ландшафте и особенностями формы. Особенности формы и постановки сейдов можно обозначить как проявление нехарактерных природных моментов, их актуализацию в пространстве человека.

В большинстве случаев священные места являются визуально выделяемыми из окружающего ландшафта небольшими участками земной поверхности, объединенными сходными характеристиками. В древности люди всегда в первую очередь начинали использовать природные образования в качестве священных мест. На севере это обычно трещины в скалах, горы, озера [19]. Дополнение исходного природного места можно назвать следующей ступенью эволюции культа. Если

принять версию об эволюции сейдов от природных прообразов, то именно начало возведения сейдов будет качественным переходом от поклонения природным объектам к культу рукотворных сооружений (фото 5). Определение первичных составляющих комплексов сейдов необходимо для более четкого выявления их места и роли в общей структуре, их возможного взаимодействия, как между собой, так и с внешними ландшафтными элементами. Приступая к изучению комплексов сейдов, в первую очередь необходимо определиться с критериями искусственного происхождения той или иной конструкции. Именно в этом вопросе особую важность обретает предположение об эволюции сейдов от природных прообразов, поскольку позволяет выделить конструктивные особенности сейдов, менее всего свойственные природе и, предположительно, соответствующие более развитой

Сложносоставная опора сейда

(Кольский полуостров, район пос. Дроздовка, август 2010)

Уникальный способ постановки, сейд стоит всего на двух крупных опорах
(Кольский полуостров, комплекс «Береговое-1», август 2010)

*Сейд в центре квадрата, сформированного четырьмя валунами (Кольский полуостров, г. Двойная, июль 2004) (вверху)
Квадратная выкладка возле одного из сейдов (Кольский полуостров, район г.Двойной, июль 2004) (внизу)*

логике возведения сейдов. В первую очередь это касается сложных опор и наверший сейдов, а также смежных каменных кладок. Общую логику возведения комплексов сейдов можно характеризовать добавлением искусственных объектов к природным с целью создания структур и систем. В ландшафтных факторах комплексов сейдов можно проследить и определенную привязку к местам с проявленной энергией рельефа^[2], выраженной в тяготе к скалистым возвышенностям и верховым водоемам. Можно предположить, что основные мировоззренческие позиции древних обитателей Севера были отражены в структуре комплексов

сейдов. Эта структура не только организует вокруг себя пространство, но и, вероятно, регулирует связанные с ритуальными практиками моменты. Основой возникновения сакрального места и его структурной логикой можно назвать принцип взаимодействия «человек – окружающая среда», выраженный через религиозно-мифологический взгляд на мир.

В качестве примера возможной мифологической трактовки камней сейдов можно рассмотреть один из комплексов сейдов, выявленный в ходе экспедиции в августе 2010 г., на северном побережье Кольского полуострова^[3]. По расположению это скопление сейдов условно на-

звано «Береговое-1». Надо отметить, что это не первая находка сейдов на берегу Баренцева моря, в пределах северо-восточной приморской группы мезолитических стоянок, по классификации Н. Н. Гурьиной [20], ранее сейды были зафиксированы в районе Дальних Зеленцов [21].

Расположение этого комплекса сейдов, на берегу океана, напротив мезолитической стоянки Черная речка-1 [20], позволяет предположить между ними некоторую взаимосвязь. Стоянка расположена на южном берегу небольшого залива, комплекс сейдов – на небольшом перешейке между заливом и океаном. Перешеек представляет собой плато. Комплекс сейдов состоит из множества конструкций, среди которых наиболее часто встречающимися являются валуны на камнях опорах и камни, увенчанные навершиями. Исходя из версии об эволюции сейдов от природных прообразов, можно и в данном случае предположить исходными точками комплекса крупные валуны с небольшими навершиями. Количество небольших камней с навершиями в обследованной части комплекса оценивается в пределах нескольких десятков.

Прибрежное расположение комплекса и наличие сейдов двух основных типов имеет сходство с известными комплексами сейдов на островах Кузова в Белом море [22]. Сейды группируются небольшими скоплениями, занимающими общую площадь около 4 кв.км. Концентрация каменных сложений увеличивается по мере приближения к берегу океана, что дает возможность определить некоторую направленность комплекса, его «мифологическую» ориентацию. Данное предположение согласуется с расположением комплекса между океаном и стоянками, что задает возможное направление его посещения. Поскольку ландшафт плато с его ключевыми точками, ва-

^[2] Энергия рельефа – размах рельефа, степень расчлененности рельефа, морфометрический показатель потенциальной интенсивности или возможного проявления тех или иных рельефообразующих процессов, учитывающий расстояние по вертикали между высшими и низшими точками рельефа данного региона и его горизонтальную расчлененность.

^[3] Экспедиция организована д.ч. РГО В.Бароновым. Состав: Э.Беликов (Мурманск), А.Терехов (Мурманск), В.Волков (СПб), М.Карелина (СПб), Д.Курдюкова (СПб), В.Мизин (СПб). 02_22.08.2010

лунами прообразами сейдов сформировался после таяния ледника, то можно предположить, что люди обратили внимание на эти объекты сразу, как заселили эту территорию, т.е. в мезолите. Отделенное от стоянок небольшим заливом и расположенное выше обжитого человеком пространства, на границе океана, данное плато вполне соответствует логике сакральной организации пространства. В данном случае святилище располагается между освоенной человеком территорией и враждебной стихией океана, выполняя переходную функцию. Несмотря на то, что сейды здесь, как и везде, тяготеют к скальным выступам и верховым озерам, в общей картине местности они не группируются вокруг них. Расположение сейдов здесь задает направление на берег, т.е. для мест сейдов используются характерные элементы ландшафта, но сам принцип их географической организации несколько иной. В данном случае можно говорить не об отдельных комплексах, а об определенной зоне расположения небольших групп сейдов, тяготеющей к верхней террасе берега Баренцева моря. Это направление выделяется следующими моментами:

1. увеличением количества каменных сложений при приближении к берегу

2. конструктивными решениями некоторых сейдов, связанными с увеличением рукотворных элементов в конструкциях (наверший, сложносоставных опор)

Специфику направления на Север и общую возможную логику восприятия географического пространства на берегу Северного Ледовитого океана сформулировал Н. М. Терехихин: «Геокультурное пространство Баренцева региона конституировано тремя фундаментальными образами — концептами (Север, море, граница), имеющими не столько географический, сколько геософский^[4], метафизический смысл» [23]. Жизнь древних северян была тесно связана с морем. «Весь комплекс природных условий чрезвычайно благоприятствовал развитию рыболовства и морского

промысла» [20]. Но берег океана вполне мог являться в мифологическом восприятии и визуализацией края земли. Исходя из рассмотренных особенностей, можно определить функцию сейдов, как объектов, которые упорядочивают взаимодействие человека с иным миром. Предлагаемая трактовка камней сейдов и их роли в мифологическом освоении пространства на данный момент является гипотезой, способной объяснить такие моменты, как эволюцию конструктивных особенностей сейдов и расположение элементов комплексов сейдов относительно окружающего ландшафта. Выделенные в данной работе моменты, касающиеся структуры сакральных комплексов, вполне могут быть использованы впоследствии при выявлении особенностей как уже известных, так и новых скоплений сейдов.

Источники

- 1 Johansson B. «Liggande honor»: en bortglömd fornlämning? CD-uppsats // Arkeologiska institutionen // Umeå universitet. 1999
- 2 Westin G. Övre Norrlands historia del 1. 1962. S.49
- 3 Титов Ю.В. Лабиринты и сейды. Петрозаводск. 1976
- 4 Манюхин И.С. Саамы (культурные памятники) // Археология Карелии. Под ред. М.Г.Косменко, С.И.Кочуркина. 1996. С.342-361
- 5 Шахнович М.М. Культурный комплекс на горе Воттоваара // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып 2. Петрозаводск. 1994
- 6 Манюхин И. С. Культурные места саамов в Карелии // Историческая география: тенденции и перспективы: (Сб. науч. ст.). СПб. 1995. С.164–177.
- 7 Шахнович М.М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии. Кольский сборник. СПб. 2007 С.228-246
- 8 Визе Ю. В. Лопарские сейды // Изв. Архангельск, о-ва изучения Русского Севера. 1912. Вып. 9.
- 9 Чарнолуцкий В.В. В краю летучего камня. М.1972
- 10 Харузин Н. Н. Русские лопари. 1890
- 11 Шахнович М.М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М.Мулло. Хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура европейского севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки. 2006. С. 408–415
- 12 Косменко М.Г., Лобанова Н.В. К вопросу об археологических памятниках на г. Воттоваара // Природный комплекс горы Воттоваара: особенности, современное состояние, сохранение. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С.119-134.
- 13 Manker E. Lapparnas heliga ställen: kultplatser och offerkult i belysning av Nordiska museets och landsantikvariernas fätundersökningar. Stockholm. 1957 s.412, 468
- 14 Fellman J. Anteckningar under min vistelse i Lappmarken. Helsinki. 1906 (Stockholm. 1978)
- 15 Paulaharju S. Seitoja ja seidan palvontaa. Helsinki.1932
- 16 Kejonen A. Suomen 100 Geologiset Kohteet. 2007. P.56
- 17 Kejonen A. Lisiä Suomen kiikkuvien lohcareiden luetteloon // Geology 2007. №59 P.32-34
- 18 Mizin V. The perched boulders: glacier or man-made in Northern Hemisphere? // NEARA journal. 2007. V40 №2. P.2-10
- 19 Vorren O. Sacrificial Sites, Types, and Functions. In Saami Religion, ed. Tore Ahlback. Uppsala: Donner Institute for Research in Religions and Cultural History. 1987. pp.94-109
- 20 Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб. 1997 С.29, 100.
- 21 Иовлева Т.И.Пантеон Саамы // Нева. 2000. №6. С.234—236.
- 22 Мулло И.М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и география Беломорья. Архангельск. 1984. С.52-81
- 23 Терехихин Н.М. Геософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона. Поморские чтения по семиотике культуры // Сакральная география и традиционные этно-культурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск. 2006 С. 68-83

^[4] Геософия — понятие, введенное в географии в 1947 году Дж.К. Райтом и отражающее комплекс человеческих представлений о местности.

Мал орденок, да дорог

Время неумолимо идет вперед. Редет строй участников Великой Отечественной войны. Но у тех, кто еще в строю, на груди среди орденов и медалей можно увидеть особый нагрудный знак с надписью «Отличник...», или «Отличный...». Например, «Отличный артиллерист» или «Отличник авиации».

Такие нагрудные знаки имеются не у всех ветеранов, а только у тех, кто умело и, скажем так, профессионально сражался

с ненавистным врагом. Обычно бойкие корреспонденты, рассказывающие о боевых походах солдата, при перечислении боевых наград эти знаки даже не упоминают. А некоторым ветеранам они подчас дороже и более высоких наград.

Знаки хранятся вместе с боевыми реликвиями в семьях фронтовиков, которых уже нет в живых. Их можно увидеть на стендах музеев среди многочисленных экспонатов. Потускневший от вре-

мени металл хранит тайну, хотя мог бы многое поведать о своем владельце. О том, как он горел в танке, как тонул в Баренцевом море, как взрывался на минном поле

Учреждение звания военных отличников по родам войск оказало огромное воздействие на морально-политический дух советских людей, подняло на высокую ступень качество боевой и политической подготовки. Награждался этим нагрудным знаком исключительно рядовой и сержантский состав Красной Армии.

Первые нагрудные знаки «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист», «Отличный подводник», «Отличный торпедист», «Отличный минометчик» были учреждены Президиумом Верховного Совета СССР 21 мая 1942 года.

Примечательно то, что этим же постановлением был учрежден и нагрудный знак «Гвардия».

Несколько слов о гвардии. Гвардия — слово итальянского происхождения, означает «защита».

В древние времена — это небольшие воинские отряды, которые предназначались для личной охраны главы государства или полководца. Позднее же — отборная часть войск, на которую возлагались самые сложные задачи, где проявлялись мужество и самоотверженность гвардейцев.

В Красной Армии гвардия родилась в первый год Великой Отечественной войны. Три стрел-

Василий Попов живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского Следопыта».

ковые дивизии (100-я, 127-я и 153-я) особо отличились в боях с наступавшими немецкими войсками. И 18 сентября 1941 года они были удостоены звания гвардейских. Эти дивизии были переименованы в Первую, Вторую и Третью гвардейские, и им были вручены гвардейские знамена. А вот нагрудный знак «Гвардия» (фактически орден) появился только 21 мая 1942 года. Все гвардейцы были награждены этими знаками.

19 августа этого же года появились знаки «Отличный минер», «Отличный сапер»; 4 ноября – «Отличник санитарной службы»; 21 декабря – «Отличник желдорвойск».

В 1943 году были учреждены знаки «Отличный разведчик», «Отличник ПВО», «Отличный понтонер», «Отличный связист», «Отличный шофер», «Отличный дорожник», «Отличник авиации», «Отличный стрелок», «Отличный повар», «Отличный пекарь».

Все знаки имели единую форму: вертикальный щит, в верхней части которого белая полоса с надписью «Отличник...», а посередине круга на красном фоне – серп и молот. В нижней части щита – эмблемы (танк, пулемет, ...). По бокам щита – лавровые ветви. Размер знака: 45 мм в длину и 37 мм в ширину.

Право награждения нагрудными знаками в Вооруженных Силах Президиум Верховного Совета СССР предоставил командирам частей и соединений. Нагрудный знак по статуту носят на правой стороне груди. Изготовлены знаки из цветного металла (бронза) с золочением и эмалью.

Осенью 1943 года наступил перелом в войне, Советская Армия вышла на рубежи Днепра. Теперь нашим войскам приходилось не только воевать с врагом, но и восстанавливать разрушенные мосты и железные дороги, электростанции и т.д. Для этих целей были созданы строительные батальоны (стройбаты), которые вслед за бойцами, а иногда и вместе с ними, в боевых порядках входили в города. Под огнем противника совершали они свой подвиг строителей – восстановителей. И наградой за него были нагрудные знаки – «Отличный восстановитель».

Победа над врагом ковалась в единстве фронта и тыла. Для рабочих промышленных предприятий

и сельских тружеников в годы войны было учреждено свыше 20 наименований нагрудных знаков. Среди них «Лучший тракторист совхоза», «Отличник соцсоревнования Наркомтанкопрома» и другие.

Кавалеры и еще одного нагрудного знака внесли свой вклад в победу советского народа. 24 июня 1944 года был учрежден нагрудный знак «Почетный донор СССР». Им награждали тех, кто многократно сдавал свою кровь для спасения жизни раненых бойцов и офицеров Советской Армии.

В годы войны сувенирные, юбилейные и другие знаки (значки) не выпускались. После войны их выпускалось множество, и среди них посвященные Великой Отечественной войне. Они занимают почетные места в коллекциях фалеристов (собирателей значков).

В послевоенное время были учреждены нагрудные знаки для награждения рядовых и сержантов Советской Армии, достигших больших успехов в боевой и политической подготовке. Знаки были трех видов: «Отличник Советской Армии», «Отличник ВВС» (Отличник Военно-Воздушных Сил) и «Отличник Военно-Морского Флота».

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

НОВАЯ НАХОДКА

ПТИЦЕИДОЛОВ

Культ камней

УЗНИК ВЕРХНЕУРАЛЬСКОГО

ПОЛИТИЗОЛЯТОРА

май
2011 (№647)

Ольга ПИКАЛОВА

Чудо, сотворённое детскими руками

С 16 по 24 апреля в нашей стране проводилась ежегодная всероссийская акция «Весенняя Неделя Добра». Воспитанники Первоуральского детского дома решили не оставаться в стороне и принялись за дело.

С приходом весны оживает природа, и это, несомненно, радует. Светит ярче солнце, тает снег, журчат ручьи, всё веселее и громче щебечут птицы.

А в лесу, где так любят гулять жители г. Первоуральска и которые называют полюбившееся место «Сказкой», в этот день было шумно и весело — звучали звонкие детские голоса. Это ребята из Первоуральского детского дома вышли навести порядок. Дружно, вместе с воспитателями, они убрали мусор, которого в избытке осталось после того, как сошёл снег. Затем очистили родник на берегу пруда — сюда многие приходят за водой. Говорят, что в ней много серебра, и приписывают этой водичке просто волшебные свой-

ства. Ребята тоже любят этот родник, обязательно спускаются к нему, когда приходят погулять на «Сказку». На весёлый шум прилетели птички, прискакали белки, посмотреть, что же это в их лесу происходит. Им насыпали корм в кормушки, которые перед этим почистили и обновили. Посмотрели вокруг и порадовались — теперь вокруг чистота и красота. Сказка, да и только. Ведь так приятно своими руками совершить пусть небольшое, но чудо.

